

ВИБРАЦИИ, ЭВОЛЮЦИЯ, РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Какое-то время, с того момента, когда я впервые с тревогой открыл для себя, что мое тело можно использовать для своего рода телефонной связи с «потусторонним миром», я не мог каждый раз быть вполне уверенным, что мой очередной сеанс действительно состоится. Люди в «бестелесном секторе» спектра бытия во всех отношениях похожи на людей нашего мира: они остаются людьми. Захотят — придут, захотят — не придут. И действительно, они часто не являлись «на связь».

С появлением Флетчера, составившего со мной на сеансах рабочий тандем, результаты стали более устойчивыми, но все же были недовольные.

— Я желаю заниматься с вами всем этим, — сказал мне однажды один из тех, кто любит высмеивать медиумов, — но при одном условии: если вы гарантируете, что вызовете Сократа.

— Я вызову вам Сократа, — отвечал я, — если вы гарантируете, что представленная вам личность будет непременно тем Сократом, каким вы его себе представляете.

В этой небольшой перепалке содержится зерно одного из тех важных соображений, которые я и хочу изложить в этой книге. Одно из них — фактор развития личности. Занимается ли «нынешний» Сократ прежними делами и придерживается ли он теперь тех взглядов, которые характеризовали его как личность в V веке до н. э.? А у вас самих — те же прежние интересы, знания и опыт, что и десять, двадцать, тридцать или сорок лет назад? Этот фактор духовного развития — один из ключей к более полному представлению о тех *плоскостях бытия*, о тех его уровнях, которые лежат за пределами земной *биологической плоскости*.

Импульс развития есть сущность человека, он сам по себе не материален, таким образом и само чело-

ISBN 5-7288-0020-3

© А. Розс-ктай, художественное оформление, 1994.

веческое существо в этом смысле не материально. Импульс развития требует те или иные материалы для каждой из последующих прогрессирующих ступеней роста, а потом освобождается от них. На определенной ступени развития человек в земной жизни перестает развиваться физически. С этого момента его развитие продолжается в сфере опыта, сфере мысли, чувства, самосознания, то есть в *нематериальных измерениях*.

Развитие в этих измерениях в отличие от потребностей физического роста требует соответственно и другого рода пищи, которая и порождает силу другого, не физического, так сказать, а духовного рода. Точно так же, как человеческий плод в утробе матери достигает в своем развитии определенной точки, когда он становится достаточно сильным для самосохранения вне материнского тела, так как и «нематериальный» импульс развития «зрелого» человека достигает той точки роста, когда он может существовать в более разреженном царстве разумной энергии — в царстве духа и может не зависеть в дальнейшем от своего временного пристанища — земного тела. Затем так же, как утробный плод продолжает развиваться после физического рождения и младенчества, через детство и отрочество проходит путь до полноправного участия в земном обществе, так и окрепший после недавней физической смерти тела дух стремится в общество других духовных существ, пребывающих в измерениях и структурах высокоэнергетической бестелесной мысли.

Если все, что я только что сказал, правда — а об этом ясно говорит масса убедительных свидетельств, — то почему же у современного среднего человека в Америке все это не укладывается в голове? Трагический ответ был сформулирован в элегантной форме известным философом Майклом Полани — благодаря промывке наших мозгов ложными претензиями нашей собственной материалистической технологии. Майкла Полани я буду цитировать здесь не раз, но пока я постараюсь дать вам некоторое пояснение на примере нашей обычной суматошной американской жизни.

Действие, скажем, разыгрывается в офисе фирмы, производящей паровые котлы, в кабинете вице-президента директора Х. М. Стерна в понедельник утром. С ним здороваются сотрудник Тимоти Фриджой, который опоздал на работу на пять минут, но пребывает в приподнятом настроении.

— Доброе утро! — весело говорит Тим. — Как у вас яела с вашей бессмертной душой?

— Х-м... М-да... -бормочет Стерн.

— Пардон, опоздал, шеф, — продолжает Тим и спешит к письменному столу, принимаясь деловито шелестеть бумагами. — Задерживался немного с медитацией. Знаете, как это бывает, когда глубоко сосредоточиться. Эти волны, эти вибрации высокого порядка увлекают невесть куда, и иной раз от них вовремя не отделаешься...

Стерн, вероятно, думает, что Фриджой по меньшей мере большой чудак. Мысленно он вычеркивает Тимоти из числа кандидатов на повышение в должности. А как иначе? Продвигать по службе можно только здравомыслящих людей!

Мой гипотетический случай из ряда забавных, но не бессмысленных. Разговоры о нематериальных ценностях и явлениях в материалистической Америке XX века подвергаются жестокой цензуре. Осознание этих «иных» миров просто невозможно из-за полного отсутствия информации, об этом просто-напросто умалчивается, говорить между собой о таких вещах не принято. Эта предвзятость, эта информационная блокада, конечно, совершенно не влияет на структуру Вселенной или на само развитие человечества. То, что мы здесь делаем, — это преодоление цензуры предвзятости, это попытка рассказать всем об основополагающих фактах нашей жизни.

Давайте сделаем обзор главных фактов физического и умственного развития человека, как это представляют нам современные ученые: давайте очертим их яснее и определеннее, чтобы в будущем ссылаться на них. Аксиомой считается, что кадлый из нас в биологическом процессе, названном рекапитуляцией — повторением, в действительности проходит в течение месяцев своего эмбрионального утробного развития полный путь органической эволюции на земле — от рыбы, пресмыкающегося, млекопитающего до человека. Ученые также полагают, что и полный психический опыт человеческого рода переживается человеком в период младенчества, детства и юности: четвероногое существо; полностью подобное животному; далее — наивное, суеверное, непосредственное восприятие всего окружающего, как это свойственно примитивному дикарю; затем — фаза охотника (настоящая маленькая охота с убийством небольших животных или игра в охоту — так ребенком

переживается опыт тех миллионов лет, когда человек выжил благодаря качествам хорошего охотника); потом следует фаза воина, и, наконец, как и следовало ожидать, возникает новый зрелый человек — возникает как индивид, обладающий способностью мыслить и совершать осознанные, целенаправленные и социально ответственные действия.

Сейчас мы говорили об отдельной личности. Следующий важный для понимания жизни за смертью вопрос относится ко всему человеческому роду: как это получилось, что мы стали такими существами? Мы рождаемся в материальном мире плоти и «перерастаем» в мир чистой энергии разума или духа? Ученые отвечают одним словом: эволюция.

Поскольку эволюция по-настоящему широко не понята, сделаем краткий обзор всего, что относится к этому понятию. Многие образованные люди еще и до сих пор цепляются за выдвинутую в XIX веке концепцию Дарвина о физической эволюции живого путем естественного отбора и мутации. Исходя из нее, приходят к заключению, что, поскольку существенных физических изменений в человеке не наблюдается уже длительное время, то, стало быть, его эволюция прекратилась. Однако суть заключается в том, что острие эволюции человека, ее направленность сместились: из царства чисто физического человеческого эволюция перешла в плоскость психосоциальную, где эволюционные изменения продолжают со всевозрастающей скоростью. (Следует напомнить, что в принципе само существование особой психической и социальной — межличностной — сферы, имеющей свои, отличные от мира физики законы, современная наука признает. Исстари ее называют «духовной сферой», или, по философской терминологии, «миром идеального». — *Примеч. переводчика*).

Это и является великим *научным* откровением нашего времени. Великое свершение нашей эпохи — это не высвобождение атомной энергии, что по сути является лишь продолжением поисков более мощных механистических сил, которые начались три века назад. Это и не высадка человека на Луну, что по сути является запоздалым использованием возможностей механики, известных еще Леонардо да Винчи. Великое научное открытие нашего века состоит в том, что *человеку было предоставлено полное партнерство — и полная, ответственность со-участника — в его собственной эволюции*.

«Если это столь важно, то почему же мы об этом не слышали?» — спросите вы. А дело тут в нехватке в обществе необходимой информации. Наша эпоха уделяет мало внимания открытиям, которые не дают ни коммерческой, ни военной, ни медицинской выгоды. Пионеры в этой области все работали в одиночестве: Р. М. Бакк — врач, Сэмюэл Батлер — романист, Анри Бергсон — философ, К. Г. Юнг — психиатр, Пьер Тейяр де Шарден — палеонтолог, Джулиан Хаксли — биолог, Х. Т. Виман — теолог. Работая в одиночку, некоторые из этих людей были крайне удивлены, узнав, что и другие сделали то же самое открытие: человек участвует в собственной эволюции, более того, его собственное участие в ней все возрастает. Джулиан Хаксли, знаменитый английский биолог, в 1940-х годах так сформулировал достигнутое к этому времени понимание эволюции сознания: *«Человек есть не что иное, как эволюция, осознавшая самое себя»*.

Он поясняет: «В процессе эволюции осознанность (или, скажем, разумные способности живой материи) становится все более и более важной характеристикой живых организмов, пока, наконец, для человечества она не становится самой наиважнейшей характеристикой жизни... Эволюция принимает новый характер: она становится в первую очередь психосоциальным процессом... работающим через сложное взаимодействие познания, ощущения и воли».

Что здесь самое главное? То, что увеличивает человеческую способность к осознанию и пониманию. Осознание — центральный стержень в понимании нашей нынешней жизни, равно как и нашей жизни после того, как прекращается земное биологическое существование человека. Давайте же отведем еще страницу-другую тому, что это значит — «осознанность».

Прежде всего давайте обратим внимание на то, в каком огромном диапазоне варьируется чувствительность и способность к восприятию, к осознанию у людей, которых мы знаем. По отношению к восприятию звука на одном конце этого спектра можно поместить рабочих из гипотетической котлостроительной фирмы мистера Стерна. Чувство слуха у большинства из них настолько притупилось из-за грохота и шума, сопровождающего котельное производство, что они почти утратили способность тонко различать звуки. Ну, а на другом крайнем конце спектра окажется любитель симфонической му-

зыка, чей натренированный слух улавливает тончайшие оттенки звука и обертоны, издаваемые самыми изощренными музыкальными инструментами, равно как и тонкости естественных тонов — пения птиц, шума ветра, плеска моря, человеческой речи и песни. Иначе говоря, существует реальный — в полном смысле этого слова — мир звуков, о котором котельщик ничего не знает на основании собственного опыта, а потому и ценность этого мира, и само его существование он может поставить под вопрос.

Кто не страдал по вине тех людей, которые из-за своей нечувствительности с легкостью ущемляют чувства других? Такие люди просто не понимают, что действительно существует более тонкий и нежный мир человеческих эмоций... А многие ли американцы действительно разбираются во внутренней и внешней политике, хотя политические события в огромной степени влияют на их жизнь? Подумайте о том многообразии мира, в существовании которого мы не сомневаемся, но о котором знаем мало или совсем ничего: о науке, искусстве, музыке, спорте, образовательном процессе, коммерции, сельском хозяйстве, промышленности... — и это лишь часть человеческой деятельности. Мы сразу же убеждаемся, что такие пробелы — или наша неосознанность того, что действительно существует, — вовсе не редкость и не ограничиваются только тем, что относится *к жизни за смертью*. Белые пятна, а вернее пустые места, мы обнаружим в изобилии даже во всем том, что связано с делами нашей банальной прагматической земной жизни. По той же причине те из нас, кто обогатил свой разум осознанием физически нематериального, духовного (или, как в моем случае, кому оно было даровано!), не принимают во внимание протесты людей, заявляющих, что «они о таких вещах никогда не слышали». Наша задача — сделать все возможное, чтобы эти люди действительно услышали о такого рода вещах. Исполняя эту задачу, будем строго научны и последуем за Хаксли, Юнгом и другими такими же, как они. «Цель человеческой жизни, — писал доктор Юнг, — сознательное развитие осознания».

Теперь же, поскольку моя цель состоит в том, чтобы читатель осознал существование *иных* форм бытия, отличных от земных и плотских, давайте продолжим разговор об осознании. Огромная часть нашей Вселенной, а может быть и вся Вселенная, создана из энергии,

вибрирующей упорядоченным образом. Мы воспринимаем « постигаем наш мир через так называемые пять человеческих чувств — это результат восприятия изменения напряжения, или вибраций, энергии специальными нервными окончаниями в наших органах, которые в ответ на волновые ритмы энергии производят у нас ощущения зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса.

Совершенно очевидно при этом, что мы обладаем способностями к восприятию и многих других вибраций и сил, кроме этих пяти, другими словами, у нас гораздо больше пяти чувств. Но поскольку наука уклонилась от того, чтобы дать им определенные названия и классифицировать эти иные способности восприятия, мы произвольно относим любую информацию, полученную нами через их посредство, к «экстрасенсорной», или сверхчувственной.

Конечно, такое наименование — серьезная ошибка. Серьезная, потому что, принимаемая слепо, она мешает науке выполнить свои прямые обязанности — установить и определить эти *иные* чувства — и мешает нам полностью использовать их... Например, у нас определенно есть чувство гравитационного поля (оно настолько высоко развито у таких простых существ, как морской моллюск-разинька, или у ростков картофельных клубней, что они постоянно ощущают, даже в темноте или даже будучи зарытыми в землю, где в данное время находятся Солнце или Луна). У нас есть чувство ориентации на местности (оно настолько высоко развито у птиц, что они пролетают тысячи километров и без сигнальных огней и опознавательных знаков точно прилетают в нужное место). У нас есть чувствительность для восприятия мысли (телепатические феномены демонстрировались настолько успешно, что телепатию нельзя больше подводить под черту «экстрасенсорного» — ее следует принять за шестое чувство).

И когда мы примем во внимание великое разнообразие имеющих существенное значение вибраций, которые повседневно окружают нас и о которых мы не имеем никакого понятия, то нам будет просто смешно считать, что наши «пять чувств» дают нам точную картину. Вселенной, в которой мы живем. И все-таки наши ученые-материалисты пытаются убедить нас, что эти, и только эти, пять чувств являются исключительным и единственным источником данных для нашего познания мира!

Проблему восприятия окружающих нас вибраций я считаю очень важной; я убежден, что осознанность следующей ступени бытия — бытия вне биосферы Земли — в огромной степени является вопросом нашего умения «настроиться» на его энергетические волны. И чтобы мы могли уверенно отправиться в наше путешествие, которое я предлагаю совершить вместе в этой книге, я хочу, чтобы читатель вполне освоился с тем фактом, что он окружен не опознанными нами и тем не менее имеющими для нас значение вибрациями. Тогда для него не будет слишком сложно допустить возможность существования еще одного вида вибраций, исходящих из других сфер бытия. Хорошо натренированный слух человека может улавливать звуки в диапазоне от 20 до 20 000 герц, или колебаний воздушных волн в секунду. Для любой бездомной собаки воздух полон будоражащими ее звуками за обоими пределами этого диапазона. А электромагнитные волны? Если они длиннее, чем 0,0004 миллиметра (фиолетовый цвет), и короче 0,0007 миллиметра (красный цвет), мы их видим. Но мы не воспринимаем электромагнитные колебания вне этого диапазона — рентгеновские лучи, радиоволны, энергетические излучения космического происхождения. Так может быть, потому, что мы их обычно не осознаем, они не имеют для нас никакого значения и не влияют на нашу жизнь? Нас уверяют ученые, что космические лучи сыграли важную роль в генетических мутациях, которые являются одной из двух основных рабочих механизмов природы в классической теории эволюции. Современный мир стал настолько зависим от электронной связи (радиоволны), что он в буквальном смысле слова не может и дня прожить без них. Квазары («радиозвезды») испускали радиоволны со дня создания звездного мира, но до 1886 года никто не знал о существовании этих волн, пока их не открыл Генрих Рудольф Герц.

Неужели после этого трудно представить себе, что существуют и имеют для нас огромное значение такие вибрации и формации волн, которые наша формальная наука еще не открыла? Те, кто сделал хотя бы маленькую попытку развить в себе способности восприятия «не опознанных» наукой волн, больше не сомневаются в реальности этих неклассифицированных излучений. Я вспоминаю одного моего ученика, который обнаружил в себе способность видеть ауру человека — радиацию «тонкого» порядка, исходящую, как считают многие

парапсихологи, от астрального тела — пристанища личности человека на следующей ступени ее бытия. Эти излучения иногда бывают настолько интенсивны, что засвечивают фотопленку. Некоторые люди, как в этом убедились работники многих киностудий, не могут быть допущены к работе со свежей отснятой пленкой. В их присутствии она просто засвечивается. Советским исследователям удалось сфотографировать некоторые части ауры. Способность видеть ауру — одно из признанных парапсихологических свойств человека. «Знаете, это очень похоже на то, как настраивают приемник или телевизор, — взволнованно рассказывал мне один мой друг, описывая первый случай, когда ему довелось увидеть ауру. — Когда мое зрение настроено на ауру, очертания всего, что окружает меня в повседневной жизни, как бы расплываются. Когда я настраиваю «резкость» на все повседневное, я, наоборот, едва различаю или вовсе не вижу ауры...»

Все это подводит нас к самому волнующему и таинственному из миров — бестелесному миру мысли. А не состоит ли и этот мир также из энергии и вибраций, быть может слишком тонких, слишком быстрых, способных слишком легко проникать через вещества и тела, чтобы наши приборы могли их зафиксировать?

Одно мы действительно знаем определенно. Мысль эжет передаваться от одного человека к другому, подобно радиоволнам, идущим от одной станции к другой. Эксперименты с людьми, проведенные под управлением и контролем на протяжении жизни двух поколений, были подкреплены необычными демонстрациями опытов Клива Бакстера с растениями: они доказали, что мысленная энергия легко проходит через барьеры (толстые щиты из свинца, бетона и т. п.), которые задерживают все другие известные формы излучаемой энергии.

Но самое поразительное свойство мысли — это та страшная сила созидания и разрушения, которой она обладает. Ни один дом не был построен без того, чтобы сначала он был задуман и представлен как мысленный проект. Ни одна бомба не была сброшена с самолета, прежде чем ее не разработали в химической лаборатории и на чертежных досках оружейники. Ни один врач, поэт, ученый, оперный певец никогда не создавался природой, — все они просто рождаются как девочки и мальчики, которые долго и много обдумывают свои будущие роли, а уж затем превращают себя в то, что они

задумали, — насколько смогут, конечно. Сила воображения есть сила созидания — плохого и хорошего. Если мы загрязняем окружающую среду — это результат загрязненности нашего воображения. Точно так же мы могли бы представить нужный нам мир как мир добра и красоты — и создать для всех нас окружение дружбы и красоты. Моя точка зрения, разумеется, такова: *неосозаемый мир мысли контролирует и управляет осозаемым, физическим миром*. Так мы оказываемся в эволюционном союзе с созидательными силами Вселенной. Что мы есть и чем мы станем — будет результатом соединяющихся усилий человеческого и божественного воображения, или промысла. И во всем этом более высокие плоскости бытия, лежащие вне земной биосферы, играют большую роль.

Майкл Полани мало известен «человеку с улицы», но его хорошо знает каждый ученый, достаточно компетентный, чтобы работать на передовом рубеже научного познания. Один из ведущих мировых философов науки восьмидесятилетний Полани смог совершить настоящий прорыв в способе и методах рассуждения; предложенное им может направить всю научную мысль в радикально ином направлении. Механистическая наука, говорит Полани, совершила ошибку еще сто лет назад и, как сказали бы мои предки, любившие пошутить, ухватила быка, да не за те рога. Ученые, которые находятся в плену у традиции, рассуждают, что природа действует от *простого к более сложному*. Они проанализировали простые и естественно существующие природные формы вплоть до ядра атома в надежде раскрыть тайны природы. Но нашли они крушение своих надежд.

Этого, как рассуждает Полани, следовало ожидать. Простое, возражает он, *никогда не сможет произвести более сложного*. Целый класс учеников никогда сам по себе не даст учителя. Ковш расплавленного металла и чан резины не могут создать автомобиль. Нельзя понять великой поэмы, сконцентрировав внимание на одном ее слове. Более высокие формы бытия, утверждает он, не возникают и не могут возникнуть из более низких. Происходит все как раз наоборот: это более высокие формы бытия распространяют свое воздействие сверху вниз, направляя и моделируя формы более низкого уровня. Как говорят индусы, когда ты ищешь наставления, то обращаешь взор на *гуру* (духовного учителя), *я* не на

свою собаку. Великие тайны Вселенной никогда не будут открыты ни в атоме, ни в молекуле, ни в клетке.

«Обстоятельства, действующие на основе низших принципов, устанавливаются высшими факторами, неподконтрольными этим низшим принципам». И снова: *«Чем более неосозаема материя в диапазоне этой иерархии, тем более она значима»*. И опять: *«Я критикую все редукционистские и механистические программы, основанные на идее, которая связывает высшее знание с низшим уровнем Вселенной»*. И еще: «Принцип разумности не является завершающим принципом или тем наивысшим уровнем бытия, который управляет существованием всего живого. Остаются еще мощь и возможности и для более высокого принципа — принципа ответственного выбора». И снова: «Существует многоступенчатая иерархия бытия, которая ведет все дальше, к более значимым уровням. Каждый более высокий уровень менее осозаем, чем уровень, лежащий ниже его, и более утончен. Чем больше мы познаем эти неосозаемые уровни, тем глубже и надежнее мы проникаем в сущность жизни и человека». И опять: «Необузданный принцип расчленения на детали, присущий механистической науке, разрушает наши знания о тех предметах, которые мы больше всего стремимся познать. *Он дает нам мир, сложенный из кусочков материи в движении, в которых никто не живет*». И еще: «Наша теория должна признать те пути, по которым мы переходим из нашего телесного воплощения в физической форме к вживанию и проникновению в иные — тонкие и неосозаемые — плоскости бытия».

Теперь вы поняли, что все, что я пытался сделать в этой главе, — это изложить основные доводы, которые могут помочь лучше понять неосозаемый, но реальный мир. И делал я это, используя только язык и понятия современной науки. Это вовсе не значит, что я хоть на минуту считаю современную науку во всем правой. Позитивистский материализм современной науки сделал ее совершенно бесполезной для подлинных нужд человека. Слишком большая часть нашего научного истеблишмента оказалась в руках посредственных людей, завоевавших себе некоторый престиж тем, что им удалось взгромоздить высокую башню со шпилем на маленьком клочке земли, не имея при этом ни настоящих знаний, ни вдохновения, ни проницательности. Настоящие пионеры научной мысли, конечно, скроены не по этой мерке.

Я убежден, что истинные философы среди ученых последуют за Полани, вновь обратят свое внимание на те неосознаваемые сферы чистой энергии мысли, которая формирует нашу Вселенную, и таким образом снова восстановят науку в ее подлинном назначении — вести за собой человека и быть ему наставником.

В таком случае, могут меня спросить, почему же, имея столь невысокое мнение о современной науке, вступительную главу этой книги я отлил в форму ее языка и способа рассуждения? Все приведенные мной сведения о вибрациях, волновых явлениях, об эволюции, развитии личности и прогрессе человеческой культуры были научными данными. Использованные мной примеры также были научными. Авторитеты, на которые я ссылался и которых цитировал, принадлежали к ученым. Единственный философ, которого я цитировал, является ведущим философом науки.

На это есть своя причина. Каждая эпоха должна говорить языком своего времени. Наш век — век материалистической науки. Лично я убежден, что через достаточно протяженный исторический отрезок времени многие из наших сегодняшних торжественно принятых гипотез окажутся такими же смехотворными, как и дебаты средневековых схоластов о том, сколько ангелов может уместиться на острие иглы.

И тем не менее это язык двадцатого века. Мы были воспитаны на нем. Наш словарь, наши мысли пропитаны им. Если мы хотим объяснить что-то друг другу, мы обязаны употреблять именно этот язык, как наиболее нам все понятный. Я очень хочу сообщить вам то, что знаю о жизни после смерти. И поэтому я тщательно избегал говорить языком тех специальных терминов, который уже существует для описания «потусторонних», менее осязаемых, чем наш, миров.

Однако мы должны уяснить себе, что наш словарь и наш нынешний язык вовсе не единственное средство взаимодействия с исполненной значения реальностью. Если мы поверим на слово науке, то Земле уже пять миллиардов лет, а человеку — два миллиона. Значит, человек появился достаточно поздно в процессе эволюции. Мы в нем «вновь пришедшие». Я хочу подчеркнуть, что появление человека с самого начала было связано с проектирующимся в будущее космическим созидательным принципом, с великим процессом эволюции сознания. Человек никогда не прекращал бороться за расширение

своего осознания того всеобщего целого, в котором он живет и существует. Основные моменты реального вовлечения человека в этот всеобщий процесс (его развитие из клетки до эмбриона и далее в период внутриутробной жизни; затем физическое и духовное развитие через младенчество, детство, юность во взрослого социально ответственного человека; неясное ощущение существования иных состояний жизни — вне биосферы Земли; редкие, но незабываемые прямые интуитивные «проникновения» в высшую форму жизни) не изменились.

Наше современное понимание форм жизни за пределами биосферы, я думаю, оставило позади кое-что из наших прежних суеверий и несколько глубже продвинулось в своем осознании высшей созидательной реальности. Но мы ни в коей мере не должны относиться с высокомерием к верованиям древних. Древние мыслители пророки, ясновидцы не были ни наивными, ни глупыми. У нас есть основания полагать, что лучшие из них уже в их время достигали тех рубежей, до которых мы вновь пытаемся добраться сегодня. Поэтому нам стоит сейчас сделать обзор того, что они думали, чувствовали и сами испытывали, — познакомиться с этим внимательно, сочувственно и с уважением.

У них окажется не наш, а свой язык. Там, где мы говорим о статистически достоверных данных, о формулах, результатах наблюдений, — они, скорее всего, будут говорить о мифах, легендах и притчах. Там, где мы мыслим графиками, исследованиями и вычислениями, — они могут погружаться в загадки, поверья и символику. Но мы не должны их недооценивать на том основании. Они были, по меньшей мере, так же умны, как и мы. Они стали лицом к лицу с теми же реальностями Вселенной, с которыми сталкиваемся и мы. И мы сами не так уж хорошо справляемся с делом, чтобы позволить себе пренебречь любыми подсказками.

ИДЕЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Мы, рожденные в атмосфере материалистической культуры Америки XX века, несем на себе гораздо более тяжелое бремя материалистического мышления, чем мы, быть может, осознаем. Многие из нас могут прожить всю

свою жизнь, так ни разу и не усомнившись в этом материализме. Другие же только под давлением реальных событий бывают вынуждены признать, что они действительно вступают во взаимодействие с такими видами энергии, для которых не существует материалистического объяснения. Мои непроизвольные и совершенно неожиданные парапсихологические способности с самого начала поставили меня в эту последнюю категорию. Общепринятый «здравый смысл» моего времени не мог объяснить, что же действительно происходит со мной. Иногда это приводило меня в чрезвычайное замешательство, и в такие минуты мне крайне хотелось найти кого-нибудь, кто мог бы разобраться во всем компетентно и наставить меня.

Когда мне перевалило за двадцать лет, меня уже постоянно приглашали выступать для демонстрации ясновидения перед группами спиритуалистов. Я еще не научился управлять трансом, но уже знал, что это было некое полугипнотическое бодрствующее состояние, в котором я мог описывать невидимых присутствующих и воспринимать от них кое-что из того, что они хотели передать участникам сеанса. Я понимал, что мне нужна хорошая учеба, но пока вынужден был довольствоваться тем, чему мог сам научиться в практике своих сеансов с участием публики. Национальная Спиритическая ассоциация Америки, посвятившая себя «науке, философии и религии жизни, продолжающейся за порогом смерти, основанная на демонстрируемых фактах связи посредством медиумов с теми, кто живет в мире духа», обещала мне обширную аудиторию. Мне, молодому, полному усердия и упоенному первыми успехами в своем приходе священнику такого христианского вероисповедания, которое может позволить себе смотреть на свою религию открытыми глазами и не отделять ее от практической жизни, казалось странным, что люди должны создавать специальную организацию, чтобы откровенно говорить о бессмертии.

Помощь пришла ко мне, когда я больше всего в ней нуждался, с самой неожиданной стороны. В 1920 году в Бостон приехал великий индийский мудрец Парамаханза Йогананда, там он выступил с проповедями перед собранием представителей унитарийской церкви. Я, конечно, и раньше о нем слышал; к счастью, и он тоже слышал обо мне, так что устроить встречу с ним удалось без труда. Я рассказал ему об испытываемых мной труд-

ностях в концентрации, медитации и достижении отрешенности. Он понял все с полуслова и принял меня как яруга и собрата на пути исканий. С тех пор я брал у него консультации, как только выкраивал на это время, Йогананда помог мне направить развитие моих парапсихологических способностей в нужное русло. Он уважал мои способности, но они же производили на него особого впечатления. Не хотел он и того, чтобы развитие этих способностей стало для меня главной целью. Способности медиума развиваются по мере развития души, устремленной к вселенскому сознанию, говорил он, предупреждая учеников, чтобы они не позволяли себе увлечься и сбиться с намеченного пути. Для Йогананды не существовало вопроса о жизни *за* смертью, как не сомневался он и в ценности достижений современной науки в пределах, ограниченных ею же самой.

Он в то же время высмеивал ученых, погнавшихся за малой мудростью и потерявших большую. «Наука пребывает в постоянном движении, — говорил он, — это ценно с точки зрения открытия частных законов существования природы в ее иллюзорном состоянии, но наука бессильна и в достижении конечного знания, и в постижении начала всех начал». Я принял близко к сердцу напоминание Йогананды, что *все духовно развитые люди имеют некоторые способности медиума, но не все медиумы являются духовно развитыми людьми*. Он посоветовал мне никогда не жалеть своих усилий в изучении реальной, осязаемой и неосязаемой структуры космоса, невзирая на то, какими будут источники информации — древними или современными.

Мой собственный непосредственный опыт и открытия тех моих современников, кто проводил с особой тщательностью исследования в области человеческого сознания *за чертой смерти*, возвращают меня к древним авторам с новым чувством уважения к ним. Они были не просто обладающими богатым воображением рассказчиками из давно минувших времен. Лучшие из них были добросовестными и точными репортерами, сообщавшими об испытанном ими собственном опыте и действительно наблюдавшихся феноменах. Я перечитал все ранее прочитанное по этой теме и углубился в пределы той древней литературы, с которой мне раньше не довелось познакомиться.

Я искал, разумеется, подтверждения собственному опыту и своим наблюдениям во всей истории. Если то,

что я наблюдаю и испытываю, нечто новое, недавно возникшее, — это одно дело. Если же подобное случалось или же просто говорилось, что подобное случалось многие столетия назад и больше никогда не повторялось, то это — другое. Однако если «парапсихический» феномен, с которым я с каждым днем знакоюсь все больше и больше, существует все время, со дня самых ранних свидетельств о жизни человека на земле, то я действительно имею дело с чем-то таким, что прямо относится к самой структуре и цели существования Вселенной и может служить ключом к пониманию существа природы и подлинной цели жизни человека. То, что я хотел узнать, было — как и когда у человека зародилась идея о продолжении жизни после смерти.

Я считал, что если свидетельства о жизни *за* смертью принимать всерьез, то должны быть непременно удовлетворены четыре основных требования. *Первое* — исследователь должен наблюдать демонстрацию непрерывности сознания (под сознанием здесь имеется в виду восприятие, память, способности узнать и быть узанным; рассудок, способность принимать решение и весь тот полный комплекс характерных «обертонов», которые мы обычно соединяем в понятие «личность»). *Второе* — должно обязательно быть представление о своего рода окружающей среде, грубо сравнимое с земной на телесно-биологическом уровне, то есть естественное и «социальное» окружение, в котором могла бы действовать личность. *Третье* — должно быть найдено подтверждение тому, что жизнь вне биологической сферы имеет свои ценности, смысл, свои задачи или цель, свою необходимость, выраженные в терминах, понятных нам на нашем уровне существования. *Четвертое* — должен быть какой-то ответ о ситуациях общения и этических ситуациях, касающихся конструктивных и деструктивных личностей, проблемы справедливости и несправедливости, умственно развитых и отсталых, порочных и добродетельных, резких и робких — в общем, всего того, с чем мы встречаемся в нашей нынешней жизни и с чем не так-то легко справляемся. Что же было сказано человеком обо все этом, что было написано им о жизни после жизни?

Неандертальцы и кроманьонцы, жившие соответственно от 75 000 до 25 000 лет назад, верили, что мертвые продолжают жить в каком-то таинственном духовном теле. Захоронения у них делались с особой заботой о возможных нуждах умерших в загробной жизни, особенно

в пище и орудиях труда. С течением времени вера в «выживание» человека после его смерти становилась сильнее и оно все больше воспринималось как реальное; подготовка к похоронам и ритуал погребений становились все сложнее. К 10 000 году до н. э. началось возведение гробниц. Короли, вожди и прочие знатные люди снабжались для «загробной жизни» всевозможными вещами, которые, как полагали, могли им там пригодиться. В некоторых случаях утвердился жестокий обычай принесения в жертву жен и слуг, с тем чтобы знатный человек имел утешение и спутников в загробном мире.

Было признано, что мертвые иногда не только могут снова возвращаться на землю, но также и то, что они, посещая наш мир, могут проявлять себя во всем диапазоне — от доброго и дружественного до ненависти и разрушения. Чтобы не дать покойникам «бродить» по свету, трупы иногда пригвождали к земле кольями, связывали крепкими веревками или закладывали тяжелыми камнями. В то же время мертвым делали различные приношения, чтобы заверить их в том, что о них помнят, их чтут. Считалось, что люди с плохим и злым характером становятся демонами, а щедрые, добрые и мужественные причислялись к добрым богам. Некоторые примитивные сообщества людей имели вполне определенные представления о том, что случается с душой сразу же после смерти. Например, одно племя считало, что душа ведет себя так, как описано в романе Джеймса Эйджи «Смерть в семье», изданного в середине XX века: душа некоторое время держится вблизи могилы, блуждает по окрестным местам среди знакомых людей, а затем уходит куда ей положено.

В «Одиссее» Гомера я обнаружил первый подробный рассказ о *спиритическом сеансе*, который соответствует современному опыту парапсихологии и отвечает тем четырем требованиям, о которых я говорил, устанавливая минимум, необходимый для подтверждения того, что личность продолжает жить после физической смерти. Этот рассказ в поэме Гомера особенно ценен тем, что достоверность и точность его описаний действительно существовавших обычаев, ритуалов, поверий, одежды, оружия, зданий, сооружений и в целом образа жизни эпохи общепризнана. Читая поэму Гомера, убеждаешься в мысли, что поэт посещал многие «парапсихологические» сеансы и его расцвеченный воображением рассказ основывается на действительном опыте.

В «Одиссее» сеанс вызывания души умерших приводится в одиннадцатой книге, озаглавленной «Книга мертвых». Цирцея — пророчица такого рода, который хорошо известен и сейчас и широко описан в современной литературе, — советует герою, Одиссею, подчинить воле свои таланты медиума и вызвать дух мертвого фиванского поэта Тиресия, который дает совет, что делать дальше. Цирцея, будучи сама могущественным медиумом, дает Одиссею точные указания, как вызвать духов. (Это первый известный мне исторический пример того, как один медиум обучает другого, точно так же и я сам потом обучал многих молодых медиумов XX века. Правда, мы уже не использовали кровь овец!) Тиресий, говорит Цирцея, «знает то, чего и смерть не коснулась», и может быть неоценимым помощником.

Одиссей точно следует ее наставлениям. Некоторые из них основаны на примитивных поверьях о том, что души мертвых каким-то образом могут использовать некоторые ингредиенты пищи, осязаемые или не осязаемые нами; поэтому, вызывая мертвых из Гадеса (царства мертвых), Одиссей кропит землю кровью овцы и разбрасывает по ней ячмень и мед. Ближайшая современная параллель, известная мне, — это мнение некоторых парапсихологов XX века, что эктоплазма и одические силы являются неосязаемыми элементами крови и способны сделать на время возможными появление привидений и другие физические проявления феномена того же порядка. Поскольку мой собственный опыт с парапсихическим феноменом физического порядка ограничен, я не могу добавить к сказанному выше что-либо существенное. Однако парапсихические аспекты «сеанса» Гомера соответствуют современному опыту.

Гадес, в понимании Гомера, не имеет ничего общего со средневековым адом с его бесконечными и страшными муками. Гадес у него — это просто «спиритическая окружающая среда», в которой живут души мертвых. Он находится за «рекой страха» — поэтический образ Гомера, олицетворяющий страх перед смертью, общий для людей всех эпох.

Духи не медлят и тотчас появляются перед Одиссеем в ответ на его призывы. Интересно отметить, что первым перед Одиссеем появляется один из его же собственных спутников, плывущих с ним на корабле, — Эльпенор — своего рода «двойник» тех персонажей, с которыми часто имеют дело медиумы в современной парапсихологической

практике. Он приводит такие же удивительно точные подробности своей случайной смерти, о которых еще не знают даже ближайшие люди из окружения покойного. Эльпенора Одиссей только что видел живым и невредимым во дворе Цирцеи. Одиссей хочет узнать, что асе произошло. «Это все из-за вина, — объясняет Эльпенор, — хлебнул я его изрядно, прежде чем отправился спать. Когда я проснулся, то совершенно забыл про лестницу, пошел напрямую — и полетел с крыши вниз головой. Я сломал себе шею, а душа моя перенеслась в Гадес». Совершенно нетрудно отыскать тысячи таких Эльпенов в отчетах о спиритических сеансах, проводившихся в XX веке.

Одиссей видит множество душ — «цветущих невест, юношей, стариков, проживших долгую и трудную жизнь, нежных юных дев, все еще хранящих остроту первого чувства в своих сердцах, многих воинов, погибших в битвах, на теле которых зияют раны, а на доспехах запеклась кровь». Но Одиссей вступает в разговор лишь с немногими — Эльпенором, своей матерью и Тиресием. Тиресий дает ему просимый совет, и «сеанс» заканчивается.

Греки доэллинской эпохи считали, что мертвые продолжают жить в подземном мире, подвластном великой богине — Матери Земли. Существовал у них также и рай на острове, на которой души умерших доставлялись на лодке. В эпоху эллинов полагали, что человеческая душа (*психея*) трансформируется в *эйдолон* — тончайший нематериальный образ земной личности. Именно его неосязаемость так взволновала Одиссея, когда он увидел свою покойную мать Антиклею. Греческий герой, тщетно пытавшийся удержать ее в своих объятиях, восклицает: «Ужель Персефона-царица послала мне только лишь призрак [*эйдолон*], чтоб плач и стенания мои долгие продолжились?» Мать успокаивает его: «Дочь Зевса тебя обмануть не пыталась. Так выглядят смертные все, когда умирают».

В самых ранних примитивных религиях один бог, создатель всего и источник всего живого, хотя признавался и почитался, но все-таки мало имел отношения к самой жизни людей как в земном, так и в потустороннем мире. Древние люди прежде всего заботились об умиротворении душ усопших и прибегали для защиты от злых к помощи добрых. Все это стало меняться в Древнем Египте. В понятии древних египтян жизнь, земная и

потусторонняя, начинает все больше восприниматься как общее для всех, царей и простолюдинов, постоянное и неуклонное развитие осознания и понимания, как обычно счастливый процесс переживания опыта. Они интуитивно улавливали поступательное развитие духа, которое в конце концов может привести к установлению непосредственной связи личности с самим Создателем. Во времена строительства пирамид считалось, что статуэтки и миниатюрные изображения живых существ, захороненные вместе с останками умерших в гробницы, будут служить покойному в мире ином — в своем ли «телесном» виде или как повинующиеся ему «души».

Самой старой и полностью развившейся концепцией жизни за смертью следует считать египетскую. «Книга мертвых» древних египтян содержит весьма полные инструкции того, что следует сделать, чтобы жизнь в потустороннем мире была счастливой. Царство бога Осириса предполагает счастливое и осмысленное посмертное существование. Душа с посохом в руке отправляется в долгое путешествие к полям Осириса, в сторону Млечного Пути — Великого Белого Нила небес. Согласно «Книге мертвых» не каждый заслуживает немедленного и вечного блаженства; перед концом своего путешествия душа прибывает в Зал Истины, где над ней творит свой суд бог Осирис. Душа в свою защиту может представить список грехов и преступлений, которых она не совершала. Но суд, который вершится здесь, — беспристрастен и справедлив; после приговора душа должна либо направиться в счастливые поля Осириса, либо туда, где ей предстоит испытать воздействие строгих исправительных мер. В некотором отношении древние египтяне близко подошли к возвышенной концепции монотеизма — единого истинного бога, к завершающему единению с которым каждый человек может стремиться, восходя по ступеням духовного развития в жизни после смерти.

Обширная информация о жизни после смерти дошла до нас из «Текстов Пирамид» древних египтян, созданных около 4000 года до н. э. Эти тексты должны были помочь благополучному переходу умерших фараонов в следующий мир, и в них говорится о двух сущностях — *Кап* *Ба*, переживающих физическое тело. *Ка* имеет свойства некоей разреженной физической субстанции, в то время как *Ба* представляет собой чистый дух, или душу. *Ба* всегда изображалась в искусстве птицей с человеческой головой — она и была как бы самой личностью человека,

способной летать свободно и беспрепятственно. В иллюстрациях к «Книге мертвых», которая датируется примерно 1450 годом до н. э., *Ба* зачастую показана сидящей над входом в гробницу или слетающей вниз к набальзамированному телу. Взгляд древних египтян на человека как *психофизическое* существо, на его двойственную природу и назначение поразительно современен. Древние египтяне считали, что человеческое существо всегда есть нечто большее, чем плоть и кровь, для них это был просто факт, не вызывавший сомнений.

В древних царствах Шумере и Аккаде, как и у древних египтян, человек рассматривался тоже как *психофизическое* существо. В этой месопотамской культуре слово *таписту* (горло) также означало — дыхание, жизнь, душа — иначе говоря, животворящий принцип жизни, или святой дух. Считалось, что личность человека после смерти его тела, известная под именем «*этимму*», могла возвращаться в мир на горе живущим, если к ней относились с пренебрежением или оскорбляли ее. Это верование определяет важность, придававшуюся во всех древних культурах обрядам погребения (вспомним, например, пьесу Софокла «Антигона»). Тогда полагали, что люди, физические тела которых после смерти не получали должного церемониального погребения, обрекались распорядителями потустороннего мира на бесконечные скитания до тех пор, пока над их останками не выполнялись требовавшиеся обряды. Любитель античной классики может вспомнить, как Одиссей и Эней пытались найти и должным образом похоронить непогребенные тела своих скончавшихся друзей, с которыми они разговаривали во время «спиритических сеансов», запечатленных в «Одиссее» и «Энеиде». Потусторонний мир в древней Месопотамии был известен под названием «*Земля, откуда нет возврата*».

Запечатленные в «Ведах» верования древней Индии (4000—5000 лет назад) не содержат концепций кармы и перевоплощения душ в иные живые существа, которым позднее суждено было здесь так распространиться. Человек, считалось тогда, жил «здесь» и «сейчас», то есть в земном мире и в отведенное ему время, ему следовало

Карма — одно из важнейших понятий в индийских религиозно-Философских системах; общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, которые определяют характер "Р" нового рождения, то есть дальнейшего существования в новом воплощении. (Примеч. пер.)

использовать эту возможность в полную меру своих способностей — наслаждаться жизнью как физически, так и эмоционально. Человек продолжал свое существование, и после смерти его жизнь в этой фазе определялась тем, насколько моральным было его поведение на земле.

Помимо великих развитых религий древности по всему известному истории миру существовали бесчисленные культы различных таинств, начиная от темных лесов Германии, солнечных полуостровов Средиземноморья и равнин Малой Азии, кончая пределами Индии. Друиды на Британских островах; культ Вотана на территории нынешней Германии; Элевсинские и Дионисийские мистерии в Древней Греции... Жестокие культы человеческих жертвоприношений в Малой Азии, которые вызывали такое отвращение у последователей возвышенного культа Яхве среди евреев Среднего Востока. В Греции эти культы назывались мистериями (таинствами), поскольку их обряды были секретными, известными лишь посвященным. Будущие участники этих обрядов проходили долгую подготовку, их обстоятельно учили, только затем наступала для них торжественная церемония посвящения. «Пифагорейский союз», внесший выдающийся вклад в медицину, музыку, астрономию, математику, философию, родился из Элевсинских мистерий. Изыскания пифагорейцев стремились к такому развитию божественной мысли в земном теле, чтобы человек в своей жизни после смерти мог пребывать в этом высоком состоянии духовной чистоты и способности постигать все. Эти идеи оказывали непреходящее влияние на развитие религиозной мысли на протяжении всей эры христианства и вплоть до наших дней.

Конечно, не все эти культовые религии были настолько возвышенны. Средний эллин того времени понимал загробную жизнь как весьма четко организованную: после суда душа проходила через коридор преисподней Эребус, откуда она, если признавалась недостойной, отправлялась в Тартар, а если того заслуживала — в Елисейские поля радости и блаженства.

Некоторые из этих культов несли в себе такой мощный заряд уверенности в продолжении жизни после смерти, что Плутарх, полвека спустя после наступления христианской эры, мог, получив известие о кончине одной из дочерей, написать жене эти слова утешения:

«Я знаю, родная моя, что ты не веришь, будто душа после смерти исчезает и ничего более не чувствует, — в этом мы дали священную клятву на таинствах нашего

религиозного братства. Мы признаем за непреложную истину» что наша душа нетленна и бессмертна. Нам следует думать, что мертвые перешли в лучший мир и живут счастливее нашего. Давай же будем вести себя соответственно этому, будем упорядочивать нашу внешнюю жизнь, а внутренне становиться все более чистыми, мудрыми и честными».

Примерно до V века до н. э. идеи о загробной жизни возникали и получали широкое распространение у разных племен и народов и с течением времени облекались в устойчивые формы. Позднее эти откровения собирались, как в фокусе, в учениях великих духовных вождей, которые придавали новое живое значение старым наставлениям и зажигали в сердцах людей негасимый огонь духовного энтузиазма. Среди них были Заратустра (VI век до н. э.), Будда и Конфуций (оба жили в V веке до н. э.), древнееврейские пророки (с V по I век до н. э.), Иисус из Назарета (I век н. э.) и Магомет (VII век н. э.). Истоки различных возвышенных религиозных течений Индии теряются в тумане предыстории. Историческая память начала запечатлевать их в форме величественных религиозных стихов, собранных с VIII по VI век до н. э. в «Ведах» и «Упанишадах». Эти размышления о происхождении всего сущего от единого бога и сведение цели, предназначения и «конца всех вещей» вновь в одном едином боге остаются среди самых возвышенных и проникновенных религиозных писаний. Именно здесь впервые высказывается мысль о том, что **истинное** «я» каждого человека и великое «я» Вселенной оказываются одним и тем же, сливаясь всякий раз, когда это единство становится возможным осознать полностью.

Человек, которого звали Будда — «Просветленный», — носил имя Сиддхартха в добавление к родовому имени Гаутама и родился в Северной Индии около 560 года до н. э. Он получил прекрасное религиозное образование и воспитание, какое давалось здесь сыновьям в столь знатных и богатых семьях в то время. Став взрослым, он женился, стал отцом ребенка, но затем вдруг, не находя ответов на волновавшие его глубинные вопросы бытия и собственной жизни, бросил все и без гроша, в одиночестве отправился скитаться в поисках смысла человеческой жизни. Когда он стал признанным религиозным мудрецом, его учения опрокинули мертвый режим бездуховности и упадка, поддерживавшийся бюрократией от Религии, вновь утвердили откровения древней живой

религии и дали внове вдохновение религиозной жизни Востока.

Будда хотел найти возможность прервать бесконечную цепь мучительных смертей и новых рождений — **колесо кармы**, — бесконечный переход из одного воплощения в другое. Он абсолютно не сомневался в продолжении жизни за чертой смерти. Но какой смысл, спрашивал он себя, в простом повторении одного и того же? Наконец он нашел свой ответ — вселенская любовь. Только она могла прервать вращение колеса кармы и привести человека к единению с божественным и вечным. Многие в его учении предвосхищали Нагорную проповедь Христа пять столетий спустя: «Если кто станет проклинать тебя, сдержи обиду твою и твердо держись слов сих. Да не смутится ум мой, и злое слово не сорвется с уст моих, я пребуду добр и дружелюбен, с помыслами любви и без злобы затаенной».

Служители буддизма полагали, что они ясно видят все горизонты жизни за смертью. Считалось, что буддийский святой, идя путем восьмикратной добродетели, сможет одолеть «три опьянения» — невежество, чувственность и «жажду» (влечение, стремление), которые ведут лишь к повторению жизни, к новому рождению и перевоплощению. Преодолевший их человек, предполагалось, обладал даром проникновения, высшей мудростью и духовной энергией, он находился по ту сторону любопытства в отношении жизни за смертью. Однако это положение «учителя» оставляло столько вопросов без ответа, что буддизм в конце концов раскололся на несколько сект, следовавших каждая своей доктрине. Буддизм быстро распространился из Индии в Тибет, а затем и в Китай, где уже утвердилось учение Конфуция.

Не многим, считалось, удастся достичь того состояния совершенства, которое требуется от буддийского святого. Однако, по учению Будды, любой человек, без сомнения, «переживает» свою смерть. Будде принадлежит неповторимое образное описание связи между физическим телом и потусторонним миром: «Это как оттиск железной печати на мягком воске. Самой печати уже нет, но изображение ее остается».

В Китае с самых давних времен считали, что Вселенная питается энергией двух противоположных, но друг друга дополняющих сил — мужской активной излучающей «**янь**» и восприимчивой, плодородной таинственной женской «**инь**». Использовать эти силы и взаимодей-

ствовать с ними позволяет познание **дао; дао**, или «естественный, правильный путь», — средство поддержания всеобщей гармонии, включая и внутреннюю жизнь человека. В культуре Китая глубоко укоренилось почитание предков и связанная с ним детальная концепция загробной жизни. Главным делом человека на земле считалось достижение через **дао** гармонии между людьми и духами. В древнем Китае читались специальные молитвы по умершим и делались жертвоприношения, чтобы не вызвать недовольства покойных и мщения с их стороны. Конечно, духи не ели пищи, но считалось, что они вдыхают ее запах и тем поддерживают свое существование. По окончании погребальной церемонии пищу съедали жрецы. В богатых и могущественных семьях совершались сложные и изощренные, а иногда и жестокие погребальные службы. Зачастую, когда умирал знатный господин, в жертву приносились от 100 до 300 человек, которые должны были находиться у него в услужении на том свете.

Такого рода вещи здравомыслящий Конфуций находил возмутительными. Его учение можно суммировать так: «Живи хорошей жизнью в этом мире, а мир потусторонний сам о тебе позаботится». Конфуций считал, что человек, пребывающий в гармонии с великими созидательными принципами Вселенной, всегда будет чувствовать себя как дома на всех сферах бытия — и в этом мире, и в мире ином. Однажды в минуту опасности он сказал так: «Небеса произвели ту силу, которая заложена во мне. Так чего же я должен бояться?» Хотя Конфуций никогда не говорил подробно о природе жизни после смерти, он полностью принимал традиционную китайскую практику духовной связи с предками.

Для нашего времени, пожалуй, наиболее интересным произведением буддизма является тибетская «Книга мертвых». Со дня первой публикации в английском переводе в 1927 году под редакцией У. Е. Эванса-Венца, с обстоятельными предисловиями, написанными К. Г. Юнгом и другими авторитетными учеными, эта замечательная книга выдержала несколько изданий, а сейчас широко распространяется в дешевом издании. Ее читают и обсуждают те из современных молодых американцев, кто интересуется техникой медитации для познания реальности.

Тибетская «Книга мертвых» — это наставление, в котором рассказывается, как умирает человек. Она использовалась в Тибете как своего рода требник, ее читали

вслух, когда кто-нибудь умирал. В отличие от египетской «Книги мертвых», которую клали в гробницу как путеводитель для души в ее странствии по загробному миру, тибетская книга предназначалась не только для умирающих и мертвых, но и для живых. Вот несколько цитат из вступления к ней, которые подчеркивают ее центральную тему — достижение должного отношения к смерти является одной из главных целей жизни: «Ты должен понять, что научиться умирать — это самая полезная из всех наук, превосходящая все прочие. Научись умирать — и ты научишься жить... Познавать жизнь, которая внутри человека, несравнимо важнее, чем исследовать космос. Если ты доберешься до Луны — что это добавит? Только знание о вещах преходящих. Но высшая цель человека — превзойти преходящее. И поскольку все люди должны покинуть оболочку плоти и пройти через смерть, то крайне необходимо знать им, как правильно встретить смерть, когда она придет. (...) Не растрачивать себя по мелочам в бесполезных деяниях, помнить о высшей возможности, данной человеку с рождения, чтобы не уйти из этой жизни с пустыми руками, нищими духовно... Это относится к искусству выхода из физического тела и переноса сознания с земной плоскости в плоскость посмертного бытия. (...) Ограниченной только земным медицинской науке нечего сказать в напутствие умирающему, чтобы подготовить его к переходу в посмертное состояние, она чаще усугубляет, нежели облегчает, безосновательные страхи и крайнее нежелание умирать среди своих пациентов, прикованных к смертному одру, которым зачастую прописывает притупляющие ум таблетки и инъекции. (...) Переход из человеческой плоскости сознания через процесс, называемый смертью, может и должен быть торжественным и радостным».

Поскольку буддийский подход к смерти основан на твердой вере в повторяющееся физическое перевоплощение, то при первом знакомстве с ним у человека западного мира может сложиться странное впечатление. Однако, если мы сознательно подавим это ощущение и будем брать из мудрости буддистов только то, что не связано со строгой интерпретацией понятия перевоплощения, мы найдем многое, что может быть творчески принято и в нашем образе мышления. Позже на страницах этой книги мы будем обсуждать возможность того, что перевоплощение — это лишь одно из нескольких

возможных решений главной проблемы жизни после смерти. А пока просто предоставим тибетскому буддисту высказаться по-своему.

«Мне могут возразить, — пишет лама Анагарика Говинда в одной из вступительных глав, — что не имеет права говорить о смерти тот, кто не умирал. И поскольку никто не возвращался из-за черты смерти, как же мы можем узнать, что за ней происходит?» Лама отвечает, что все мы возвращались из мертвых, поскольку каждый из нас испытывал много смертей и перевоплощений. Тот факт, что лишь немногие избранные могут помнить свои предыдущие воплощения, не может свидетельствовать о том, что их не было. Почти никто не помнит, как он рождался в последний раз, но ведь в том, что каждый из нас родился, никаких сомнений ни у кого нет!

Но авторитет тибетской «Книги мертвых» покоится не только на откровениях немногих одаренных, способных помнить свои прежние жизни. Ученые ламы, тибетские буддийские священники и монахи проводили всю свою жизнь в размышлениях об этом мире и мире ином и ожидали приход своей собственной смерти как завершающее «переживание, кульминацию всего опыта своей жизни. По мере того как они «погружались в смерть», они рассказывали окружающим их ученикам и собратьям о тех ощущениях, которые они испытывали. Таким образом, создавалась обширная литература, посвященная испытанию самого момента смерти, создавалась хорошо подготовленными наблюдателями, способными объективно описать, как умирают они сами. Именно этот материал вместе со знаниями, полученными через вдохновение или через медиумов, лег в основу тибетской Рукописи.

Согласно этой книге критические мгновения наступают для души непосредственно после смерти. В сам момент смерти человеку виден *«Первичный Ясный Свет»*. Скончавшемуся действительно является «центр» творения всего сущего. «Сейчас ты видишь Сияние Ясного Света "истой Реальности», — читает по требнику монах, находящийся подле усопшего. Далее он говорит только что отошедшей душе: «Пойми это, о благородно рожденный. Сейчас твое сознание находится в поистине естественном чистом виде, не облаченное в земное, без формы, черт * красок. Это и есть Реальность, Всеоблагодее». Затем Душе сообщается поразительное: это божественное излучение, эта «сущность разума, свободная, сияющая и вы-

зывающая трепет», есть единое целое с его сознанием. «Их союз есть состояние совершенного просветления». В это неповторимое мгновение душа должна напрячь все свои силы и осознать эту глубокую истину. Если душа сможет постичь эту истину и осознает ее навсегда, тогда ей никогда не нужно будет больше умирать и вновь рождаться. Отныне она составляет единое целое с Богом и творит вместе с ним и с другими великими душами, достигшими совершенного осознания.

Но если — потому ли, что ей не хватило подготовленности, сосредоточенности, или просто потому, что душа еще не достигла той ступени духовного развития, когда становится возможен ее союз с божественным началом, — если этот момент ускользнет впустую, то он не повторится вновь до последующей смерти, которая последует за следующим воплощением. Души, упустившие этот высший момент, должны теперь будут пройти вниз по шкале состояний сознания, пока не придут в оплодотворенную матку, чтобы родиться заново на соответствующем уровне своей *кармы* — того состояния сознания, которое сложилось в результате всего хорошего и дурного, совершенного этой душой во всех своих прежних воплощениях.

Состояния сознания души в период между смертью и следующим рождением, как они описаны в тибетской «Книге мертвых», удивительно согласуются со свидетельствами о жизни после смерти, представленными современными исследователями, как западными, так и восточными, которые не принимают доктрину перевоплощения. Вот, например: «Когда сущность разума покидает тело, она сама спрашивает себя: «Так умер я или нет?» Душа не может разобраться. Она видит родственников, друзей, как привыкла видеть их прежде». Душа даже слышит их, но не может общаться с ними. Через три или четыре дня душа утрачивает от страха сознание. «Потом, когда ты очнешься, твой ум должен восстать вновь. Дкак изначала, и потом должно появиться излучающее свет тело, похожее на прежнее твое, и как говорят *Тантры*: «Это тело похоже на плоть и напоминает прежнее тело человека, наделенное всеми чувствами и силой беспрепятственного движения, обладающее чудесными свойствами. Это тело видимо для чистых глаз той же небесной природы». Это тело, «рожденное желанием», представляет собой духовную форму в ее переходном состоянии и названо „телом-желанием“».

Свидетельства в пользу существования «тела-желания» многочисленны и поступали не только от буддистов. Эванс-Венц рассказывает об одном европейском плантаторе, умершем в далеком уголке, затерянном в джунглях Юго-Западной Индии и похороненном там. И вот годы спустя один друг, посетивший его могилу, увидел, что она обнесена оградой и завалена пустыми бутылками из-под виски и пива. Местные жители рассказали, что призрак мертвого сахиба принёс им столько неприятностей и тревог, что они просто вынуждены были искать какое-нибудь средство, чтобы усмирить его. Местный колдун-знахарь поставил диагноз: «Сахиб при жизни много пил и от этого умер, но дух его до сих пор скучает по спиртному...» Местные жители, хоть и совсем непьющие, из религиозных убеждений стали покупать для бывшего пьяницы бренди, пиво и виски его любимых марок и выливать их на могилу, чтобы успокаивать его дух. Это было дорого, но, как уверяют местные жители, сработало!

ОТ ПРОРОКА В ПУСТЫНЕ ДО ЭММАНУИЛА СВЕДЕНБОРГА

Мой собственный опыт за последние сорок лет моей жизни не оставил мне никакой альтернативы, чтобы я мог оспаривать продолжение существования личности человека после его смерти. И днём и ночью в течение сорока лет я жил среди неоспоримых доказательств этого. Разумеется, я даже решил не приводить их в этой книге, поскольку, как сказал Джон Хейнс Холмс, *«свидетельств и данных относительно продолжения жизни после смерти уже достаточно»*.

И тем не менее жизнь в нашем скептически настроенном материалистическом мире требует своего. Во-первых, все время приходится иметь дело с неинформированной и сильно дезинформированной публикой. Кроме того, моя работа привлекла пристальное внимание ученых, Ридерх<:жающихся самых разных взглядов и мнений, и * сам подвергался сильному влиянию с их стороны, ^ сколько и общественное мнение, и научные взгляды ""яют га наш общий интеллектуальный климат, а отсю- ^ и на предрасположение умов, с которым люди подходят

к нашей нынешней теме — каковы же те условия, в которых существует жизнь, когда покидает земную сферу бытия, — я сделаю здесь небольшое отступление ради краткого обзора некоторых имеющих давнее хождение предубеждений.

Ученые, как я в этом убедился, *не всегда научны*, то есть не всегда действуют, как полагается ученым. Опровержение со стороны представителей науки свидетельств и фактов, предложенных парапсихологией, почти всегда исходило от тех из них, кто так никогда и не удосуживался тщательно их изучить и проверить. Но некоторые из них все же оставались верными методам науки и изучали сами по себе действительные явления парапсихологического порядка. Многие из них впоследствии стали ревностно и эффективно подтверждать как факт продолжение жизни личности человека после его смерти.

«При одном слове „медиум“ на память тотчас приходят бесчисленные примеры разоблачений и мошенничества со стороны шарлатанов, вымогавших деньги у доверчивых людей, понесших в своей жизни горькую утрату», — сказал известный философ и почетный профессор университета Брауна Курт Дж. Дюкасс в своей лекции по случаю ферстерских чтений в Калифорнийском университете. Профессор Дюкасс, бывший президент Американской философской ассоциации, продолжил так:

«Но способы обмана, уловок и источники ошибок, которые нам тотчас же приходят на ум как простые и естественные объяснения для фактов, представляющихся из ряда вон выходящими, разумеется, точно так же быстро приходят в голову и тем, кто работает в исследовательских центрах при Американском обществе психических исследований. Как правило, эти люди имеют куда больше опыта, чем все мы, в распознавании трюков разных фокусников и медиумов-мошенников и принимают против них меры предосторожности куда более изобретательные и строгие, чем способен придумать средний скептик. Таким образом, зачастую необходимо быть более легковерным и доверчивым, чтобы просто принять гипотезу мошенничества или ошибок в наблюдениях, чем признать сообщенные факты.

Пока выдвинуты только две адекватные гипотезы для объяснения такого рода фактов. Первая из них — гипотеза, объясняющая все с помощью телепатии (допущение,

и само по себе способное потрясти ум), предполагает, что медиум способен получать информацию непосредственно из мозга других людей и что таков действительный источник представляемой им информации. Однако, чтобы объяснить все факты, следует распространить эту гипотезу на слишком многое: в некоторых случаях нам потребуется признать, что медиум в состоянии перехватывать мысли даже тех людей, которые находятся от него на большом расстоянии и совершенно ему не знакомы, и что он даже способен «подслушивать» их подсознание. Другая гипотеза заключается в том, что связь действительно устанавливается с иным миром, что сообщения действительно проходят и исходят от людей, которые умерли и продолжают жить после своей физической смерти. Перед лицом установленных фактов и серьезных эмпирических свидетельств мы нуждаемся в весьма радикальном пересмотре наших обычных идей о том, что возможно и что невозможно в природе».

Знаменитый профессор психологии из Колумбийского университета, в настоящее время участвующий в работе клиники Меннинджера, уважаемый президент Американского общества психических исследований Гарднер Мерфи опубликовал отчеты об очень тщательно проведенных исследованиях случаев, когда была получена информация, которая, по его мнению, не позволяет сделать никакого иного заключения, кроме одного: она исходила от человека, который к этому времени уже умер. Так, например, отец является одному из своих сыновей через какое-то время после своей смерти в облике привидения и сообщает ему о неизвестном «втором» завещании, которое и находят в указанном им месте... Брату является призрак сестры, умершей девять лет назад, с бросающейся в глаза царапиной на щеке. Мать затем открывает ему, что это именно она, когда обряжала покойную дочь, нечаянно оцарапала ей лицо, но сразу же покрыла это место пудрой и никому об этом не говорила... Генералу английской армии в Индии является призрак — лейтенант, которого он не видел уже два или три года. Лейтенант этот ехал верхом на буром пони, хвост и грива у которого были черными. Со времени их последней встречи лейтенант, казалось, сильно располнел, носил тщательно ухоженную бороду, тогда как раньше он брился начисто. Выяснилось, что лейтенант действительно раздобыл перед смертью, носил именно такую бороду, купил и заездил до смерти пони, какого увидел генерал.

Доказательства того, что личность «переживает» свою смерть, разумеется, и бесчисленны, и красноречивы. Я привел эти случаи не потому, что они наиболее убедительны, а потому, что они показывают разницу между учеными, которые изучают предмет и принимают во внимание доказательства, и теми «учеными», которые с ними не считаются. Главной причиной подобного разделения в научных взглядах я считаю то, что нижние эшелоны современных научных работников следуют философии, явно устаревшей еще сто лет назад. Философия логического позитивизма Огюста Конта, скончавшегося в 1857 году, на целое столетие стала излюбленным мировоззрением для тех, кто желал видеть во Вселенной машину, работающую строго по законам классической физики и химии и познаваемую исключительно с помощью пяти основных человеческих чувств. Поскольку важнейшие научные открытия за последовавшее столетие не могли быть сделаны без помощи других чувств, помимо этих пяти, выяснилось, что философия Конта всего не исчерпывает и ее одной недостаточно. И снова вопрос о признании чувств и способностей человека более высокого порядка остался открытым и требует своего решения с необходимой научной точностью.

Помимо моего непосредственного знакомства с несколькими направлениями научной мысли, я испытал и другие встречи. Встреча с Йоганандой вывела меня из довольно узкой колеи «деревенского» христианства моего детства. Даже одной встречи с Йоганандой было достаточно, чтобы почувствовать, что ты находишься рядом с великим человеком — человеком глубоких знаний, непоколебимой цельности, абсолютного мужества и бесконечного сострадания. И все же эта грандиозная личность полностью сформировалась и развилась вне нашей иудейско-христианской традиции! Его учение затронуло меня так глубоко, что я остро осознал тот факт, что глубокая и истинная мудрость может возникать и в других странах света, а не только в ограниченных условиях культуры, в которой мне суждено было родиться, — культуры в некоторых важных отношениях удивительно узкой. Эти встречи побудили меня заняться изучением интеллектуальной истории других народов. И когда я вновь обратился к иудейско-христианской вере моего времени и места, то я вернулся в нее обогащенным способностью понимать неизмеримо больше.

Вернемся теперь к нашей теме — условиям существования в мире после смерти.

Мы увидим далее, что евреи времени Ветхого завета были пионерами не только в том, что признали потусторонний мир и описали его, но также и в том, что открыли единого бога в природе и социальном процессе. В течение двух веков перед Рождеством Христовым палестинские евреи подвергались влиянию идей греков, зороастрийцев, вавилонян и персов, что неким образом изменило их древнюю концепцию жизни после смерти. Прежде у них считалось, что мертвые уходят в Шеол, сумрачное и бесцветное царство теней, наподобие греческого Гадеса. Теперь евреи в своем большинстве говорили о «том свете» как о жизни, в которой тело человека возобновляется и полностью обладает умственной энергией и сознанием. Если первоначально заслуги человека в этом мире почти не принимались во внимание, то теперь заговорили о царстве праведников — «рае», «Эдемском саде», «Лоне Авраамовом», «Подножии Трона». В древних еврейских писаниях упоминается об «Аврааме, которого Бог поместил в Эдемском саду», «О нашем господине Моисее, ушедшем в Эдем», «О святом Иуде в Лоне Авраамовом». Все эти образы содержат позитивные, заряженные энергией элементы: продолжение активной деятельности личности, живое сознание, личное общение друг с другом и совместные действия, окружение, которое могло служить для наслаждения и быть источником прекрасного. В то время среди евреев не было согласия — да у них его и раньше не было — относительно самой природы посмертной жизни, но эти новые элементы принесли с собой и новый волнующий интерес к ее миру.

Древние евреи, несмотря на то что их пророки гневно обличали «колдунов (астрологов) и медиумов», признавали связь между миром живых и миром бесплотных и зачастую наводили мосты между ними с помощью медиумов. Известный пример — спиритический сеанс царя Саула с женщиной-медиумом в Аэндоре — вполне доказывает, что евреи времен Саула знали о том, что личность продолжает жить после смерти, сохраняя полную память, интеллект, способность узнавать других и быть узнаваемой и другие атрибуты активной личности. Библия сообщает нам об этом случае достаточно подробно:

«...Тогда Саул сказал слугам своим: сыщите мне женщину-волшебницу, и я пойду к ней и спрошу ее. И

отвечали ему слуги его: здесь в Аэндоре есть женщина-волшебница.

И снял с себя Саул одежды свои и надел другие, и пошел сам и два человека с ним, и пришли они к женщине ночью. И сказал ей Саул: прошу тебя, поворожи мне и выведи мне, о ком я скажу тебе.

Но женщина отвечала ему: ты знаешь, что сделал Саул, как выгнал он из страны волшебников и гадателей; для чего же ты расставляешь сеть душе моей, на погибель мне?

И поклялся ей Саул Господом, говоря: жив Господь! не будет тебе беды за это дело.

Тогда женщина спросила: кого же вывести тебе? И отвечал он: Самуила выведи мне.

И увидела женщина Самуила и громко вскрикнула; и обратилась женщина к Саулу, говоря: зачем ты обманул меня? ты — Саул.

И сказал ей царь: не бойся; что ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы Бога, выходящего из земли.

Какой он видом? — спросил у нее Саул. Она сказала: выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился.

И сказал Самуил Саулу: для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел?..»*

Евреи — почитатели Иеговы оставили нам в Библии историю религии в эволюции, в процессе которой различные представления о потустороннем мире или идеи, его отрицавшие, сменяли друг друга. Начиная со II века до н. э. многие евреи понимали душу человека как *сущность «я»*, возникающую до того, как она обретает свое физическое тело, и переживающую его. С этими представлениями смешивалось и учение о воскресении — самого физического тела или достаточно точной его копии, что в конечном счете и должно было обеспечить человеку приемлемую жизнь после смерти.

Но Иисус из Назарета говорил о жизни после смерти так, как никто другой еще не говорил. Он говорил об этих мирах, этих царствах, столь далеких для большинства людей, с той определенностью, уверенностью и убедительностью, каким обладает только тот, кто действительно бывал там и знает. Он намеренно избегал

сколько-нибудь подробных описаний сцен посмертной жизни: «Ибо вы не смогли бы вынести это». Очевидно, он чувствовал, что простой и прямолинейный ум его учеников еще не был тогда готов понять всю сложность существования жизни после смерти. Он также ясно показал, что не желает, чтобы раздумья и предположения о загробной жизни помешали исполнению жизненно важного, насущных требований настоящего. В его учении всегда подчеркивается императив настоящего и земного. Жизнь, прожитая в стремлении к пониманию и любви, усиливающемуся день ото дня, подразумевал Иисус, приведет к своему удовлетворительному продолжению в другом мире, без чрезмерных размышлений о ней.

Иисус, однако, нередко и приподнимал занавес, позволяя заглянуть в будущее, по ту сторону бытия. «В доме Отца Моего обителей много, а если бы это было не так, я сказал бы вам». Так нам дается понять, что диапазон условий и состояний сознания, достижимых в более высоких сферах бытия, не ограничен. Он неустанно подчеркивал важность земной жизни как арены духовного развития. Так, например, в Евангелии от Луки он говорит о нищем Лазаре и богаче. В его ритме рассказывается о них обоих, перешедших в потусторонний мир вскоре после своей смерти; братья же богатого продолжают все еще жить на земле, и он знает, что они делают. Богачу трудно приспособиться к новым условиям, он больше не может получать, что ему хочется, отдавая распоряжения другим; деньги в этом новом измерении бытия не могут проложить ему дорогу. Однако для души Лазаря земные страдания принесли большую пользу и помогли ей созреть. Он оказывается в Лоне Авраамовом. Интересно отметить, что Иисус очень мало придает значения представлению об «аде» как месте мучений и наказания за грехи, которое так широко использовали христианские пастыри в средние века и во времена более поздние, чтобы вселить страх в сердца своих прихожан. У того богача, по-видимому, было столько же шансов созреть духовно, как и у любого другого, для этого ему следовало только освободиться от фальшивых понятий и представлений о жизни, которые тянули его назад. Новый «Гадес» представляется нам как «промежуточное» место отдыха, своего рода контрольно-пропускной пункт, где души останавливаются в своем путешествии, где оценивается, в каком направлении нуждается их дальнейшее развитие. Сам Иисус, согласно раннему христианскому преданию,

* Первая книга Царств, гл. 28, ст. 7—15.

известному как «Апостольское Кredo», позднее считавшемуся апокрифом, «спустился» *туда*, перед тем как после своего распятия на кресте явиться людям в своем духовном (часто называемом — «астральным») теле.

Ради просвещения тех своих учеников, которые, как он считал, *«могли выдержать это»*, Иисус, будучи величайшим медиумом, включил их в свой *сеанс*, на котором явились Моисей и Илья. Ставшие свидетелями этого апостолы Петр, Яков и Иоанн находились под длительным впечатлением от увиденного, — той излучающей свет жизни, какой достигли пророки, высокодуховные личности, после своей биологической смерти.

Когда Иисуса вместе с двумя разбойниками прибили гвоздями к крестам и когда наступила агония распятых, Иисус мог с уверенностью сказать раскаивающемуся разбойнику: «...ныне же ты будешь со мною, в раю». Рай, в том смысле слова, в каком его употребляли евреи того времени, не отождествлялся с близостью к Создателю, не отождествлялся с «небесами». Это было одно из названий для «места отдыха» сразу же после смерти. Хорошо засвидетельствованные слова Иисуса еще раз подтверждают, что в «загробной жизни» — во всех ее фазах — люди продолжают жить в полном сознании и узнают друг друга.

У апостола Павла нашлось несколько серьезных комментариев относительно жизни за смертью, о связи между жизнью земной и потусторонней. «Я знаю человека, — писал он, — который был перенесен на третье небо». Знал он и другого человека, который «попал в рай». Очевидно, Павел и сам был не прочь испытать подобные откровения. Он молился об этом, но получил «терний в плоть мою, посланный сатаной, чтобы я не возвышался сверх меры». Поэтому, говорит Павел, он хотел бы прославиться в слабости своей, с тем чтобы сила духа явила бы свою мощь еще извещенней для всех, исходя из столь жалкого сосуда. Это напоминает мне тех работников ААА, которые первоначально «прославились» в слабости своей к пагубному пристрастию, но сделали так замечательно много для больных алкоголизмом в наше время.

Павел делает и другие ссылки на способности некоторых людей постигать такие измерения бытия, какие он сам не мог. «В отношении духовной одаренности, — писал он, — имеются различия». Павел перечисляет среди прочих одаренностей такие: способность распознавать и видеть духов (искусство медиума), мудрость, знание,

дар духовного врачевания, пророчество, генетические способности, совершение чудес. Но (и я вспоминаю предостережение Йогананды) ни одна из этих способностей сама по себе не говорит о подлинном оном совершенстве; без понимания и любви, говорит г-л они «лишь медь бряцающая и кимвал звенящий».

Ранним христианам жизнь за смертью казалась очень близкой и очень реальной. «...Какая польза человеку, — спрашивал Иисус, — если он приобретет весь мир, а душу вою потеряет?» Этот вопрос ставился ребром перед его последователями: не означало ли это, что отдельная личность представляет собой большую ценность, чем весь мир? «Потусторонность» ранних христиан, их нежелание зависеть всецело от этого мира поднимали человечество на высший уровень мужества и сострадания как в религиозной, так и в светской истории. Римляне, правители всего известного тогда человечеству мира, не знали, что с ними делать. Рим правил через угрозу смертью. Но вот появились люди, не боявшиеся этой угрозы! Единственным результатом, к которому привели гонения и массовые избиения христиан, было то, что их духовное и моральное превосходство стало очевидно для всех, и это обратило все остальное население к новой вере!

Когда угроза смертью оказалась бессильной, римлянам ничего не оставалось, как признать христианский католицизм официальной религией Римского государства. Некоторые историки замечают, что этот акт так изменил природу христианства, что оно стало больше римским и *кесарским*, чем католическим, то есть *вселенским*. После падения Рима эта изменившая свое положение религия нашла себе призвание иного рода. Если прежде это был институт, учивший религии высокоцивилизованный народ, то теперь его новой ролью стало учить цивилизации варварские народы. Иногда во времена ужасных «черных» первых столетий средневековья, известных в истории как Темные века, нельзя было с уверенностью ответить на вопрос, сможет ли церковь облагородить варваров или же под их натиском она деградирует сама.

Нам нет необходимости останавливаться подробно на верованиях различных кельтских, скандинавских, Франкских и германских племен, разрушивших мощь имперской империи и утвердившихся на ее развалинах. ^{О т а} некоторые ученые и считают, что друиды имели Р звитые религиозные воззрения, однако ясно, что большинство племен следовало примитивному покло-

нению силам природы. Как для последователей церкви, так и для варваров Темные века — это темная история. Редко человек опускался ниже уровня тех ужасных девяносто лет. К 1000 году большая часть Европы была «обращена в христианство» огнем и мечом. Каким же было это обращение, насколько истинным, если совершалось такими средствами? Вопрос этот до сих пор вызывает сомнение. Но, проходя через все превратности судьбы, человек никогда не отрекался от твердой веры в продолжение своей жизни в какой-то другой форме, — обычно среди племен, живших в лесах, это была жизнь в счастливых охотничьих угодьях под властью благосклонного бога природы.

В начале XIV века западному миру была дана первая за тысячу с лишним лет самая объемная, законченная, цельная, красноречивая и вдохновенная картина жизни за смертью, имеющей цель, смысл и структуру. Хотя «Божественная комедия» Данте, несомненно, была задумана и как светско-философская поэма, и как религиозный трактат, она, как только впервые получила известность, сразу же стала вселять в сердца людей благоговейный трепет — дань, которую обычно отдавали только религиозным откровениям. Данте Алигьери родился в 1265 году во Флоренции в разгар кровавой политической борьбы. Выдающийся интеллектual своего времени, он оказался на стороне проигравших в политической вендетте и был изгнан из родного города, куда ему было запрещено возвращаться под страхом сожжения на костре. Еще молодым человеком, не успев составить себе репутацию, он стал отверженным, без средств к существованию. Данте, упоминавший по случаю, что у него бывают видения и состояния откровения, описывая «состояние души после смерти», заимствовал многое у Фомы Аквинского, Аристотеля и римско-католической традиции.

С юности Данте обладал как поэтическим даром, так и даром внутреннего провидения. Вот отрывок из биографии поэта, написанной Джованни Боккаччо, где рассказывается о видении Данте, которое предшествовало ранней смерти молодой Беатриче Портинари. Это случилось вскоре после первой встречи поэта с девушкой.

В «Вита Нуова» («Новой жизни») он рассказывает нам о том, как получил учтивый поклон от Беатриче Портинари, юной дамы его сердца: «Я испытал такую сладость, что словно опьяненный покинул людей и

шать деяния, исполненные необузданной жестокости и зверства и т. д. Душа поэта, ведомая Вергилием, все ниже и ниже спускается в ад, и в той же мере возрастает серьезность преступлений, получающих там свой воздаяние, — лицемерие, обман, воровство, убийство — пока, наконец, оба путника не добираются до отвратительного полупогребенного тела сатаны на самом дне ада. Перебравшись через тело сатаны, они оказываются по другую сторону ада и начинают восхождение через чистилище, где душа может очиститься от губельных пристрастий и привычек, где может быть приобретено новое вдохновение на пути, ведущем вверх, к раю. Семь кругов чистилища соответствуют семи смертным грехам: гордыня, зависть, злоба, лень, алчность, чревоугодие и похоть. Пройдя своими кругами, очистившиеся души выводятся в подобие земного рая на вершине чистилища. Теперь душа достигла плоскости земной добродетели, но еще не достойна высших пределов рая.

Путешествие души поэта через рай к небесам символизируется остановками путников на различных астрономических телах, своего рода «путевых станциях» для душ, прибывающих в царство радости, но еще далеких от небесного совершенства. Эти этапы представляют собой главные человеческие добродетели: справедливость, благоразумие, умеренность, стойкость — и теологические добродетели: веру, надежду, милосердие. Наконец душа в экстазе достигает небес, где исчезают понятия времени и пространства. Но, конечно, в этом кратком пересказе нельзя воспроизвести богатства и утонченности мысли, глубины прозрения — всего того, что делает описание Данте *жизни после смерти* всемирно признанным шедевром.

Следующий систематизированный, вдохновенный и подробный рассказ о мире за чертой нашего, земного принадлежит шведу, жившему в XVIII веке, великому ученому, философу и провидцу Эммануилу Сведенборгу. То обстоятельство, что среди моих близких друзей есть несколько последователей Сведенборга, — они принадлежат к особой церкви, основанной на учении Сведенборга, — делает для меня особенно приятным этот краткий рассказ о нем.

Эммануил был сыном замечательного человека, епископа и профессора теологии, который постоянно бывал в неладах с церковными властями: он всегда настаивал, что прямой религиозный опыт человека важ-

нее, чем выдохшаяся религиозная догма. Эммануил был блестящим ученым со времени своего отрочества и завоевал мировую репутацию, будучи еще молодым человеком. Позже он писал своему другу, что тридцать пять лет занятий естественными науками были годами подготовки его Господом для восприятия тайн жизни за смертью. Достижения его как ученого были феноменальными. Задолго до Лапласа и Канта он предложил «небулярную» космогоническую теорию Солнечной системы — ее происхождения из гигантской завихренной массы, разреженной газовой туманности, сконденсировавшейся со временем в Солнце и планеты. Он сделал важные открытия, расширяющие наши знания о фосфоресценции, магнетизме, теории атомного строения материи, был пионером в кристаллографии. Как анатом и физиолог он наметил перспективы развития новой науки неврологии, особенно в области точного определения функций клеток мозга и коры головного мозга, спинного мозга. Он предвосхитил более поздние изыскания в области эндокринологии. Сведенборг не ограничивал свою деятельность теоретическими науками, он принимал активное участие в делах общества как правительственный чиновник и законодатель. Научные труды написаны им на латыни.

Сведенборг — один из величайших парапсихологов всех времен — стал испытывать непроизвольные проявления своего дара еще с тех пор, как с головой ушел в изучение естественных наук. Однажды, находясь вдали от своего дома, он продемонстрировал один из самых ярких засвидетельствованных примеров ясновидения. В субботний полдень, находясь в Гётеборге, в трехстах километрах от Стокгольма, он «увидел» Стокгольм, объятый пламенем. Это был великий стокгольмский пожар 1759 года. Своим внутренним зрением он видел, как быстро распространяется пожар, как горит дом его друга, как огонь угрожает дому, где он сам жил в Стокгольме. Наконец, в 8 часов вечера пожар был потушен. А через два дня, во вторник утром, новости о пожаре достигли Гётеборга. Пожар был в точности таким, каким его описал Сведенборг.

Когда ему исполнилось пятьдесят семь лет, он испытал ошеломляющее духовное превращение: говоря его словами, над ним «разверзлось небо». Он оставил изучение естественных наук, чтобы заняться изучением этих новых измерений реальности. Он говорил, что получил свобод-

ный доступ в мир духа, свободно перемещается в нем, беседует с его обитателями, исследует его. Хотя Сведенборг никогда не проповедовал и не пытался создать свою секту — сведенборгианская церковь была основана его восхищенными последователями, — он много писал о своих путешествиях по этому дальнему миру и опубликовал его полное и подробное описание.

На своем ординарном, начальном уровне загробная жизнь, по Сведенборгу, имеет много общего с нашей собственной. Он нашел естественную твердь и пространство, населенные центры, где обитают мужчины и женщины со всеми знакомыми нам человеческими привычками и чаяниями. Каждый занят чем-то, имеющим целью достижение общего блага, все учатся и в то же время учат. Учатся у душ, достигших более высокой мудрости, учат сбитых с толку и растерявшихся из числа вновь прибывших. Сведенборг считал, что всеобщий человеческий страх перед смертью совершенно не обоснован. Для просвещенных людей переход из одного царства бытия в другое может быть совершенно естественным и безболезненным. После перехода физическое тело становится ненужным. Мы легко осваиваемся в мире духа. Таким образом, «небо и земля могут быть вместе, могут составлять для нас единое; человек знает, что творится на небесах, и ангелы знают, что происходит на земле».

Сведенборг смеялся над представлением о том, что личность человека становится более благородной благодаря тому, что переходит в следующую сферу бытия. «Наши кружевные представления об абстрактном благородстве души, — писал он, — испытывают хорошую встряску. Души наших отцов ничуть не лучше нас, живых, — ни в моральном, ни в земном измерении, а их занятия зачастую менее стоящи, чем наши собственные. Многие из того, что они делают, смахивает на полицейскую хронику. Даже ангелы — не что иное, как просто хорошие люди в благоприятной им сфере бытия, мы можем им совершенно не поклоняться, поскольку они этого не заслуживают. В лучшем случае, они сродни нашим пророкам. Самое существенное — в том, что смерть не изменяет сути вещей. Человек сталкивается с теми же проблемами, что и прежде, и ему самому приходится их решать. Ничто, кроме правды и добра, не получает процветания в *ином мире*. За могилой нет иного отдыха, кроме мира во Господе, который был нам отдыхом и прежде».

Здесь, конечно, он говорит о начальных, «переходных» ступенях жизни вновь прибывших в иную сферу бытия. Более развитые души начинают осознавать излучение, исходящее из центра, свет, проистекающий от Бога — источника силы, правды, любви и радости. Но прежде чем для души становится возможным достижение этих высших уровней бытия, ей необходимо преодолеть мощную силу тянущих вспять отрицательных эмоций — ненависти, гордыни, зависимости от своих желаний и влечений, от привычек, от одержимости ими. Существенную часть работы продвинувшейся по пути к совершенству души и составляет помощь в этой борьбе пребывающим вновь.

Француженка мадам Гийон, мистик XVII века, оставила свой рассказ о форме общения в потустороннем мире, и он вполне соответствует тому, что рассказал мне мой собственный *контролер*, Флетчер. Оба говорят, что прямое мысленное общение друг с другом там вскоре заменяет неуклюжий механизм языка. «Там существует, — писала мадам Гийон, — другая манера вести беседу, иная, чем речь. Я познала тогда язык, раньше мне не знакомый. Я постепенно стала замечать, что я не могу говорить, когда приходит отец Лакомба, что в моей душе по отношению к нему выработалась та же манера молчания, что и к Богу. Я поняла, что Бог желает показать мне, что люди в этой жизни могут познать язык ангелов. Постепенно я стала разговаривать с отцом Лакомба только в молчании. И тогда мы стали понимать друг друга во Господе, в бессловесном божественном выражении. Мы часами пребывали в этом глубоком молчании, все время беседуя, но не произнося ни единого слова».

Сведенборг был последним великим ученым западной цивилизации, владевшим замечательными парапсихологическими способностями и демонстрировавшим их. Многие ведущие ученые признавали парапсихологические феномены и считали, что они указывают нам путь к познанию истинной природы человека. Но никто после Сведенборга не владел одновременно и такими способностями, и желанием их демонстрировать. (Многие медики в наше время владеют ими, но не желают, чтобы об этом все знали, опасаясь, что это повредит их профессиональной репутации!) Причину надо искать в рационализированном материализме, выставшем внутри нас и наконец почти полностью овладевшем тем, что можно назвать «официальным разумом» западного

человека. После Сведенборга пришли паровая машина, механическая прялка, ткацкий станок, фабричная система, Промышленная революция. Все поглощающая волна рационального материалистического скептицизма обрушилась на наш мир, угрожая поглотить всякого, кто осмелится противостоять ей. Мы — создания своего времени. Жить нашей жизнью и выглядеть сумасшедшим в глазах большинства современников нелегко. Но кто же действительно безумец? Тот ли, кто утверждает, что нет никакой иной реальности, кроме той, которую можно измерить, взвесить, услышать и понюхать, купить и продать? Или же тот, кто, открыв для себя диапазон ее измерений, не постижимых с помощью пяти основных чувств, видит более просторную Вселенную?

Благодаря Просвещению и Промышленной революции XVIII века, благодаря использованию в громадных масштабах механических изобретений в XIX веке и технологическому взрыву XX века с его автоматизацией и кибернетикой западный человек выжал огромные выгоды из земли, посвятив себя единственно лишь манипуляции материалами и исключив для себя, насколько смог, все другие ценности. История западной философии от Юма к Канту, к Конту, к Расселу — это хроника борьбы западного человека за сохранение трансцендентальных ценностей против поднимающегося прилива коммерциализированного материализма.

Экономическая основа популярных воззрений очевидна. Правящая элита приобретала деньги, престиж и власть путем рационального манипулирования материалами. Любые принципы, истинные или ложные, имевшие тенденцию обуздать материалистическую экспансию, следовало утопить в потоке слов и дискредитировать. Те философы, которые наиболее рьяно поддерживали материалистические гипотезы, оказались у кормила академического «муниципалитета» философии. От их научных заключений, если воспринимать их серьезно, мороз до костей пробивает. Вот характерные цитаты, принадлежащие маститым философам материалистической школы: «Все должно быть объяснимо языком и терминами физики, включая и поведение человека. С точки зрения науки в мире не существует ничего иного, кроме возрастающе сложных систем физических составляющих...». Другой философ: «Отношение мысли и мозга, грубо говоря, того же порядка, что и между желчью и печенью

или мочой и мочевым пузырем...». Еще один: «Как объяснить Вселенную? — это праздный вопрос. Человек не может знать, есть ли Бог или его нет. Поэтому дискуссия не имеет смысла».

К счастью, мы не остались без философского противоядия подобным взглядам, несущим столько насилия всему, что прекрасно и чем изобилует жизнь человека, природы и Вселенной. Одно из противоядий дал Уильям Джеймс, о работах которого речь пойдет в следующей главе. Другим является комплекс философских работ — вклад философов равного или даже более высокого уровня по сравнению с только что процитированными. И третье противоядие — это теория эволюции сознания, полностью объясняющая, как явления, непонятные на одном уровне человеческого сознания, становятся ясными, очевидными, воспринимаемыми на более высоких уровнях осознанности.

Последнее направление мысли заняло видное место в философии XX века и было поддержано такими выдающимися мыслителями, как Анри Бергсон, К. Г. Юнг, Джулиан Хаксли, Р. Б. Медавар, Т. А. Гаудж, Тейяр де Шарден и Эрих Калер. Изложение этой философии, принадлежащее канадскому психиатру Р. М. Бакку, является моим любимым. «Диапазон простого сознания намного уже диапазона самосознания, — говорит Бакк, — а диапазон космического сознания намного шире и того и другого. Человек, обладавший космическим разумом пусть даже лишь на несколько мгновений, вероятно, никогда уже снова не опустится до духовного уровня просто сознательного человека, но всегда будет чувствовать в себе очищающее, укрепляющее и возвышающее воздействие того божественного озарения; и многие из тех, кто его окружает, вынуждены будут признать, что духовный статус такого человека выше статуса среднего человека».

Люди с более низким уровнем сознания, не способные постигнуть мир в тех измерениях, которые воспринимаются сознанием более высокого уровня, естественно, должны протестовать и оспаривать существование самих этих измерений бытия. Так, засвидетельствован случай с одним бульдозеристом, к которому подступила группа воинственно настроенных защитников природы с требованием не разрушать красивого утолка пригорода. Бульдозерист, встав перед ними руки в боки, сплюнул на землю и посмотрел вокруг. «Какая красота? — спросил

он. — Я тут не вижу никакой красоты». Кому в этом случае мы должны верить — механику, который не смог увидеть красоты, или защитникам природы, которые ее увидели?

Перед лицом этого стародавнего противоречия я черпаю утешение в том, как его представил с чувством лукавого доброго юмора профессор Кембриджского университета К. Д. Броуд, которого в учебниках причисляют к столпам философии нашего времени. Мудрец из Кембриджа обратился к утверждению, постулированному Бертраном Расселом, Зигмундом Фрейдом и другими, о том, что опыт всех религий имеет ту же природу, что и галлюцинации и иллюзии. («С научной точки зрения, — сказал Рассел, — мы не можем провести различия между тем, кто ест мало и *видит* небеса, и тем, кто пьет много и *видит* змей».) Профессор Броуд с добродушным юмором рассматривает возможность того, что люди, способные проникать в иные пространственные измерения, могут выглядеть, по нашему мнению, несколько странными:

«Предположим, только в нашем рассуждении, что существует такой аспект бытия или мира, который остается полностью вне кругозора обычных людей из нашей повседневной жизни. Тогда выходит, что человеку необходима некоторая как умственная, так и физическая аномальность, чтобы в достаточной степени освободиться от предметов обычного восприятия и вступить в познавательный контакт с этим аспектом реальности. Именно поэтому те люди, которые заявляют, что имеют такие особого рода познавательные способности, действительно обычно выказывают некоторые умственные и физические отклонения от нормы, как этого и следовало ожидать, — при условии, конечно, если их утверждения правдивы. Надо быть действительно слегка „тронувшимся“, чтобы иметь возможность заглядывать в сверхчувственный мир».

Но профессор Броуд не считает, что последователи Фрейда и профессор Рассел правы. «Их теории, — пишет он, — выглядят слишком желчными и предвзятыми, чтобы вызывать полное доверие. Я бы воздержался признать теорию о природе музыки и ее роли в человеческой жизни, если она изобретена лишенным музыкального слуха психологом, чья жена недавно сбежала от него с музыкантом».

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ.

УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС

И ПИОНЕРЫ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Один мой друг эколог, чрезвычайно обеспокоенный разрушающим воздействием человека на окружающую среду, как-то раз сказал мне: «Существует только одна причина, не позволяющая нам иметь чистый воздух, чистую питьевую воду, здоровые ручьи, реки и озера, плодородную почву и незагрязненную пищу, — это наша неспособность верить, что такое возможно. Как только мы поверим, что такой мир достигим и что этого стоит добиваться, мы быстро создадим его».

Я часто думал, что нечто подобное можно сказать и в отношении нашей неспособности уничтожить страх перед смертью, и с открытым умом рассмотреть возможности восходящего развития самой нашей жизни — ее перехода в свою следующую, волнующую воображение и благодатную сферу. Перед лицом почти осязаемого упрямого неверия по принципу «этого не может быть потому, что не может быть никогда», разумеется, очевидные доказательства не значат ничего, и их даже серьезно не рассматривают.

А не сродни ли друг другу эти наши «ни за что не поверим» и «ни за что не сможем» в отношении защиты окружающей среды? Я убежден, что жизнь после смерти — это реальность для всех, для тех, кто в нее верит, и для тех, кто в нее не верит. Я убежден, что открытость нашего ума созидательным возможностям такой жизни делает ее более радостной и осмысленной, когда она для нас придет — как приходит она для 50 миллионов людей каждый год и как неизбежно придет к каждому из нас. Эта глава отчасти посвящена тому, что можно называть мощью канонизированного отрицания, а также некоторым из тех, кто самым успешным образом справляется с этой мощью.

Что такое человеческий мозг?

На этот вопрос не найдено такого ответа, с которым могли бы согласиться все ведущие авторитеты, хотя он и признан одним из самых важных вопросов из всех, которые когда-либо задавались, и, соответственно, привлекал к себе лучшие умы XX столетия.

Может быть, как утверждают некоторые, это орган секрети, вырабатывающий сознание подобно тому, как печень вырабатывает желчь? И если мертвая печень не

вырабатывает желчи, то и с прекращением функционирования мозга приходит конец сознанию.

Или же это орган — на чем настаивают многие ученые и философы науки, — который правильнее сравнивать с легкими? Как легкие отбирают из громадного объема окружающей нас атмосферы необходимую меру кислорода для поддержания нашего физического тела в его ежеминутных нуждах, не так ли и мозг берет из объемлющего все вокруг нас осознания лишь ежеминутную меру сознания, необходимую, чтобы обеспечить нужды психики данного человека в данный преходящий момент жизни? В этом случае душа личности, однажды сформировавшаяся в сознательную структуру, имевшую индивидуальное сознание (подобно тому, как и любое физическое тело сформировано из атомных структур), может продолжить свое существование в собственной стихии и ничего значимого для своего бытия не лишится с прекращением поступления к ней информации от мозга.

Вопрос, какая из этих двух точек зрения истинна, так никогда и не был разрешен. Ученые, исповедующие механистическую науку, как и любой обыкновенный человек, настолько вовлечены в приносящую прибыль деятельность, в «практическую» сферу нашей жизни, что даже не станут изучать свидетельства, ставящие под сомнение механистическую Вселенную и взгляд на мозг с позиций теории «печени». Сторонники же науки, признающие космическое сознание, находят доказательства в пользу «сознательной» Вселенной и теории, сравнивающей мозг с «легкими», настолько неодолимыми, что даже временные прихоти официальной науки, заставляющие ее их не слушать и наказывать их, когда это только возможно, понижением профессионального статуса, не могут заставить этих ученых отказаться от найденного, если они хотят остаться честными людьми.

Важность такого положения вещей для нашей нынешней дискуссии очевидна. Если человеческая личность прекращает свое существование, когда мозг перестает работать, тогда нет смысла размышлять о потусторонней жизни. Если же мозг есть некий «насос сознания», подающий в наш бранный организм космический разум такими малыми дозами, которые могут быть использованы развивающимся сознанием личности, заключенной внутри физического организма, и в то же самое время питающий ту же брannую психосоматическую систему информацией о локальных физических ощущениях, —

тогда необходимость в мозге для души отпадает, как только душа достаточно разовьется и окрепнет, чтобы быть в состоянии продолжать свое существование в ее собственной стихии... Тому, кто плывет в потоке чистой воды, не требуется система водоснабжения с ее сложными устройствами из насосов, трубопроводов, затворов и вентилях.

Некоторые выдающиеся умы видели, что в нашем понимании в успешном постижении космической функции человеческого мозга лежит само будущее человека. В механизме (поскольку концепция всесильного механизма является современной общепринятой мудростью, известной каждому семикласснику, нет необходимости говорить здесь подробно) они видят тупик и крах человека, который будет на ощупь бесконечно возиться с молекулами до тех пор, пока не взорвет себя вместе с ними. В космическом сознании они видят отражение смысла и содержания тех аспектов человеческого опыта, которые сегодня пока еще не получили своего объяснения, видят многообещающее возрождение научных исследований, перед которыми раскрываются необъятные горизонты.

Одним из самых выдающихся умов — первопроходцем, исследователем с огромным кругозором, указавшим на области, позднее исследованные подробно такими гигантами, как Юнг, Дьюи и Фрейд, — был Уильям Джеймс. Поскольку Джеймс был первым среди тех, кто начал создавать тот подход к знанию, в котором рациональная определенность и интуитивно постигаемая тайна мирно — и даже очень успешно — сосуществуют друг с другом в пределах одной и той же концепции мира, мы должны рассмотреть выдвинутые им ключевые положения. Тогда мы сможем полностью оценить самые последние данные о жизни *за* смертью, которыми мы располагаем.

Современные учебники по психологии обычно говорят об Уильяме Джеймсе как об одном из четырех основателей современной психологии, трое других — это Вильгельм Вундт, Джон Дьюи и Зигмунд Фрейд. Каждый из этих пионеров использовал работу других: Вундт внес вклад в разработку техники и методов эксперимента, которые доминируют в современных психологических исследованиях. Джеймс утвердил концепцию изучения человеческой личности как функционального целого; Фрейд разработал технику психоанализа, основанную на

методе свободных ассоциаций; Дьюи — концепцию умственной активности как эволюционное решение проблем, вытекающих из непосредственного человеческого опыта.

Джеймс никогда не отрицал того бесспорного факта, что деятельность человека в большой степени состоит из простых «машиноподобных» автоматических реакций на тот или иной стимул, или раздражитель. И в самом деле, его теория функционализма является основой для сегодняшнего понимания и лечения таких функциональных неврозов, как глухота, возникшая из стремления организма отделяться от нежелательных звуков; слепота, позволяющая уклониться от неприятного; обжорство и kleptomания, компенсирующие недостаток любви, жажда власти, прикрывающая чувство неполноценности, и т. д. Функционализм лежит также в основе убеждения Джеймса, что человеческое сознание есть нечто гораздо большее, чем система рефлекторных циклов, действующая по принципу «стимул — реакция». Его непосредственные наблюдения за физическим и умственным поведением человека привели его к поиску той функции, побочным продуктом которой является поступок или действие. Он был убежден, что глубокое понимание проявлений «механического» начала в человеке очень существенно для полного понимания человека. Его исследования в области функционализма психики помогли освободиться от многих ложных представлений о Боге и бессмертии.

Но те же самые исследования привели его и к открытию высших функций в человеке, не объясняемых ни одной земной механистической теорией. Из четырех основоположников современной психологии только Джеймс и Фрейд проявили внимание к огромному миру переливающихся, пульсирующих обертонов, существующему помимо замкнутой цепи клинических проявлений и наблюдений, которыми все они были столь заворочены. Фрейд осознал существование этих обертонов слишком поздно, чтобы это оказало какое-либо влияние на то процветающее направление в психологии, которое носит его имя (незадолго до смерти Фрейд писал, что, если бы ему суждено было начать все сначала, он стал бы парапсихологом). Джеймс же подошел к этому еще в расцвете своих творческих сил. Для Джеймса было очевидным, что ценность любой гипотезы обратно пропорциональна тому объему человеческого опыта, который она не может объяснить. Он много писал о явлениях, устойчиво существующих за границами объяс-

нений механистической психологии, и заложил фундамент для более тщательного изучения такого рода феноменов. Поэтому если наша цель ввести в область научного изучения полный диапазон действительных событий, которые составляют подлинный человеческий опыт, мы должны вернуться к основам, заложенным Уильямом Джеймсом, и к тем достижениям его мысли и интуиции, мимо которых столь примечательно прошли поздние фрейдисты.

Уильям Джеймс внес выдающийся вклад в ту область исследований, которые привели к его окончательным выводам по проблеме жизни после смерти. Он был одним из пяти детей блестящего, неутомимого и вечно непоседливого отца. Генри Джеймс-старший происходил из старинной процветающей шотландско-ирландско-английской пресвитерианской семьи фермеров, промышленников и коммерсантов. Молодым человеком Джеймс-старший учился в Принстонской теологической семинарии, где у него развилось яростное неприятие организованной религии. Позже он много и блестяще писал на философские и теологические темы и был близким другом таких интеллектуальных лидеров своего времени, как Эмерсон и Карлайл. Из-за врожденной одержимости отца к скитаниям образование Уильяма получал на двух континентах — в Старом и Новом Свете, — и оно часто прерывалось. Мальчиком Уильям посещал различные школы США, Франции и Швейцарии. В восемнадцать он занялся изучением искусства, через год бросил это занятие и поступил в Лоренсовскую школу естественных наук Гарвардского университета. Семь раз прерывал он свои занятия в Гарварде, прежде чем закончил уже Медицинскую школу Гарвардского университета. Причиной одного из таких перерывов было его участие в исследованиях долины реки Амазонки в качестве ассистента великого ученого Луи Агассиса. Другой перерыв был сделан на время его занятий в Германии под руководством знаменитого ученого Германа фон Гельмгольца.

На протяжении всех юношеских лет физическое здоровье Джеймса постоянно внушало опасения. Обострения болезней время от времени приковывали его к постели, и тогда он полностью погружался в себя, приходя иногда даже к мысли о самоубийстве. Возможно, именно вследствие таких кризисов у него развилась та чрезвычайная тяга к изучению и пониманию душевных болезней

и страданий человека, которая отличала все его позднейшие работы. Эти депрессии внезапно прекратились в возрасте двадцати восьми лет, когда он открыл для себя работу французского философа Шарля Б. Ренувье. Великий французский мыслитель доказывал, что отличительной чертой человеческого существа является не его «автоматизм», но непрерывное строение ко все большей свободе мысли и действия через использование той ограниченной способности, которой обладает лишь он один из всех живых существ, — свободной волей. Для молодого Уильяма Джеймса это было откровением. **«Мойм первым актом свободной воли, — писал он, — станет вера в свободную волю»**. Это решение раскрепостило его скованную способность к творчеству. Вскоре после этого Джеймс женился и углубился в многообещающие исследования с такой энергией и блеском, какие редко проявляются в человеке; им суждено было принести ему известность и признание.

Он восходил от одного предмета к другому, добиваясь значительных оригинальных результатов при каждой смене своих интересов, всегда используя ранее приобретенные знания в качестве отправной точки для дальнейших исследований. Сначала он стал профессором физиологии в Гарварде. Затем — профессором психологии. И увенчал эту фазу карьеры своим великим трудом — двухтомником «Принципы психологии». Эта работа, увидевшая свет в 1890 году, была немедленно признана в научных центрах мира как открывающая новую эпоху в развитии науки. Она перевернула весь принятый и установившийся набор представлений в науках, изучающих интеллект и психику человека, и навсегда утвердила принцип функционализма в психологии. Это был период быстрого продвижения в понимании рутинной, земной активности человеческого мозга. Иосиф Броер в 1880 году в Германии с помощью гипноза излечил своего пациента от душевной болезни, причиной которой была давняя, скрывающаяся от самого себя психическая травма. Этот случай заинтересовал молодого доктора Зигмунда Фрейда, который, работая с Бросом, готовился к своей первой книге по психоаналитической терапии. Совершая собственные открытия и с интересом следя за работами Вундта, Броера и Фрейда, Джеймс был на гребне волны наступления психологической науки.

В среднем возрасте Джеймс, уже находясь на самой вершине мировых достижений в избранной им психо-

логии, обнаружил, что эта наука имеет свои ограничения, мешающие полностью понять природу и назначение человека. Психология правильно концентрировала свое внимание на тщательном изучении человека именно в том состоянии, в котором он находится, с тем чтобы помочь ему решить его непосредственные частные проблемы и, если возможно, ослабить симптомы душевных отклонений. Джеймс нашел эти границы стеснительными во многих отношениях. Они исключали вовсе или оставляли без внимания космическое происхождение человека, его функцию и конечную цель. Это поднимало лабораторный склад ума и миф «объективности» над другими формами восприятия на такую высоту, которой они вряд ли заслуживали. Тогда, оставляя за собой и в дальнейшем используя до предела все, чего он достиг в своих занятиях психологией, Джеймс все-таки оставляет психологию как «малую» науку. Он использует фундаментальные достижения психологии в своих занятиях философией, где, как он чувствует, поиск истины обретет большие просторы. Его метод — считать любое знание достоверным только тогда, когда в его основе лежит непосредственный человеческий опыт, — не изменился и здесь и оказался в равной мере успешным. Он не отстаивал далеко идущих заключений и не переносил их в диалектические рассуждения. **подойдя к устрашающим своей сложностью вопросам о Боге и бессмертии, он обратился не к авторитетам, не к теории, не к искусной аргументации, а к тому, что на самом деле происходило с людьми.** Джеймс не мог выработать свою точку зрения наспех. В течение десяти лет он публиковал тщательно взвешенные статьи о своих тщательно выверенных исследованиях, прежде чем сделать предварительные заключения, но и они сопровождались осторожными оговорками о том, что для окончательного их подтверждения еще требуется значительная работа.

В конце концов он пришел к полному убеждению в существовании Бога. Сомнительно, конечно, чтобы его определение Бога могло удовлетворить требования высших священнослужителей его времени. Но он считал бесспорным и твердо установленным факт существования спасительных сил, душевных и духовных по своей природе, с которыми в минуты кризиса личность может вступить в контакт. Поскольку факт телепатии (передачи мысли) был также установлен, Джеймс обнаружил, что вопрос о бессмертии становится куда более затруднитель-

ным и сложным. Чтобы представить такого рода доказательства выживания человеческой личности после смерти тела, которые могли бы удовлетворить самого требовательного скептика (Джеймс полностью разделял скептическую точку зрения и придерживался ее принципов во всех своих исследованиях), необходимо было установить и представить факты, которые нельзя было бы объяснить никакой возможностью передачи мысли (сознательной или бессознательной) от одного из здравствующих на земле людей другому.

Раз за разом он сталкивался с такими случаями, объяснять которые с помощью гипотезы о телепатической передаче мысли казалось более несообразным, чем с помощью гипотезы о продолжении жизни человека *за* смертью. Однако во всех тех случаях, когда объяснение с помощью телепатического эффекта было хоть сколько-нибудь терпимым, он не считал, что этот пример научно убедителен для его выводов. В том, что они могли быть логически и морально убедительными, он не сомневался.

В 1902 году Джеймсу представился случай систематически изложить свои мысли и результаты исследований в цикле Джиффордских лекций, традиционно читавшихся в Эдинбургском университете специально приглашенными учеными. Эти двадцать его лекций были опубликованы позже в книге «Многообразие религиозного опыта» и выражали генеральную линию его философии жизни *за* смертью, которой он остался верен до конца своих дней. То, что появлялось на свет относящегося к данной проблеме впоследствии, иногда могло быть сравнимо с уровнем этих лекций, но никогда не превосходило этот органичный сплав духовного и научного опыта человека. «Следует помнить, — писал об этой книге знаменитый ученый из Колумбийского университета Жак Барзен в 1958 году, — что Джеймс пришел в философию из психологии — его классический трактат 1890 года и по сей день остается вехой в истории этой науки. Прежде чем стать психологом, Джеймс получил образование как химик и врач, так что его эволюция от изучения материи до изучения религиозных устремлений человека была подкреплена знанием естественных, точных наук, то есть теми знаниями, которыми больше всего восхищается наше столетие».

Цитировать какой-нибудь определенный отрывок из работы, настолько богатой и глубокой, как «Многообразие

религиозного опыта», значит рисковать исказить ее; эту работу действительно необходимо прочесть целиком. И тем не менее я все-таки должен рискнуть. Приведу отрывок, где Джеймс обсуждает отношение к религии, который был и остается одним из самых мной любимых:

«Существует состояние ума, известное лишь людям религиозным, но никому другому, когда воля к самоутверждению и желание настоять на своем сменяются готовностью замолчать и быть ничем, растворившись в потоках вод и чистых родниках Всевышнего. В этом состоянии ума обителью нашей безопасности становится то, чего мы больше всего боялись, а час смерти нашей воли к самоутверждению оборачивается нашим духовным рождением. Кончилось время напряженности в нашей душе, наступает счастливое отдохновение... в вечном настоящем, без забот о дисгармоничном будущем. ...Мы увидим, насколько бесконечно страстной может быть религия в ее самых высоких парениях. Как любовь, как гнев, как надежда, устремление и ревность, как любое другое инстинктивное рвение и побуждение, она придает нашей жизни очарование, какое нельзя рационально и логически вывести ни из чего другого. Если религия должна означать для нас что-то определенное, то, мне кажется, мы должны принять ее как то, что сообщает дополнительное измерение нашему чувству, нашему стремлению к слиянию, к единению в тех сферах, где наша мораль, в обычном смысле слова, может лишь склонить голову и смириться. Это означает не что иное, как достижение новой свободы, как завершение борьбы, как звучание в наших ушах главной ноты Вселенной — обретенные навечно просторы, расстилающиеся перед нашими глазами... Среди религиозных людей много угрюмых натур, которым неведомо это радостное послание бытия... и все-таки именно религию в ее самом обостренном и страстном проявлении я хочу изучать прежде всего, не вдаваясь в споры о терминах.

...Были святые, ощущавшие себя тем счастливее, чем непереносимей становилось их физическое состояние. Ни ^одно другое чувство, кроме религиозного, не может подвинуть человека к такому удивительному переходу. Я полагаю, нам следует искать разгадку среди этих неистовых натур скорее, чем среди тех, кто более умерен».

Конечно же, Уильям Джеймс не всегда столь лиричен. Он говорит обычно с позиций анатома и психолога-иссле-

дователя. Более типичные для него штрихи можно найти в его лекции о бессмертии, прочитанной в Гарварде. Здесь он признает как бесспорное, что мысль есть функция мозга. Но он не видит, почему этот факт должен хоть в какой-либо мере исключать возможность бессмертия. «Даже если жизнь нашей души, насколько мы ее понимаем, сегодня может быть в буквальной непосредственности порождением деятельности мозга, который в конце концов погибает, это вовсе не означает, что жизнь не может продолжаться — напротив, это вполне возможно — и с гибелью мозга». Он объясняет далее, что природа дает нам много примеров сочетания продуктивной функции с иными другими. «Спусковой механизм арбалета имеет освобождающую функцию: он устраняет препятствие, сдерживающее натянутую тетиву, и это позволяет согнутому луку арбалета вновь принять исходную форму... Клавиши органа открывают клапаны различных труб и позволяют воздуху по разным путям выходить из органных мехов... Мы никем не обязаны думать только о продуктивной функции мозга, мы вправе рассматривать также и его передаточную функцию». Затем он делает предположение, что наш мозг является подобием полупрозрачной линзы, проходя через которую белое излучение, реальности приобретает окраску, расщепляется в разные цвета благодаря ее индивидуальным природным свойствам. «Наше сознание, насколько мы себе представляем его сегодня, непосредственно есть функция мозга... Но подобная зависимость от мозга такой природной жизни ни в коем случае не делает бессмертную жизнь невозможной... Раз так, то по строгой логике это означает, что клыки мозгового материализма удалены... отныне вы можете уверовать в бессмертие независимо от того, собираетесь ли вы извлечь для себя какую-либо выгоду при этом допущении или вовсе никакой». Я всегда понимал эти слова как предложение употребить наш порожденный мозгом интеллект не для вытеснения, а для обретения расширенного сознания.

В большинстве своих работ Уильям Джеймс предстает как очень «заземленный» исследователь фактов. Он изложил свою окончательную позицию в вопросе о бессмертии человека в статье, опубликованной лишь за год до смерти в «Американ мэгэзине». Здесь он касается некоторых из главных выводов, сделанных им за четверть века исследований парапсихологических феноменов. «Я хочу, чтобы считалась определенно установленной, —

писал он, — обычность этих явлений и их общность... Я часто терялся в догадках, что следует думать о том или другом конкретном случае, поскольку источники ошибок в любом наблюдении редко можно полностью определить. Но хрупкие прутья образуют прочную вязанку, а когда зги случаи обнаруживают свою последовательность и все указывают в одном определенном направлении, тогда начинаешь понимать, что имеешь дело... с подлинным феноменом». Он подтверждает существование изначальной воли к контакту и общению. «То, что ортодоксальная наука игнорирует реальные естественные виды парапсихических явлений, меня совершенно не обескураживает, ибо я твердо убежден в их существовании». Ничто в этих последних заключениях Джеймса не меняет его научной позиции, изложенной в книге «Многообразие религиозного опыта» десять лет назад; он еще раз говорит здесь о трудностях, с которыми сталкивается исследователь в попытке провести разграничительную черту между телепатической связью живых людей и спиритической коммуникацией бестелесных, и высказывается за всяческое поощрение дальнейших исследований. «Это тот случай, когда обо всем должны говорить факты», — подчеркивает он.

В этой последней своей статье он отсылал читателей к той важнейшей работе в интересовавшей его сфере, которая проводилась в то время: «Я питаю высочайшее уважение к терпеливым исследованиям господ Майерса, Ходгсона и Хайслопа», Чтобы достичь цели, поставленной нами в этой главе, — помочь подготовить наш ум, сформированный на материалистических принципах и привыкший к языку естественных наук, к пониманию тех возможностей, которые наука еще в полной мере не исследовала, нам лучше всего последовать совету Уильяма Джеймса и обратиться к этим названным вехам развития парапсихологических исследований.

Джеймс Хайслоп был профессором Колумбийского университета и одним из основателей Американского общества психических исследований (АОПИ), созданного в 1906 году; он умер в 1920 году. Доктор Хайслоп добился значительного развития методики и техники психических исследований, его работы пролили новый свет на понимание парапсихических явлений. Доктор Ричард Ходгсон — один из членов Британского общества психических исследований (БОПИ) — был известен тем, что безжалостно разоблачал мошенничество и обман в

сфере парапсихологии. Настроенный чрезвычайно скептически, он настаивал на самой скрупулезной проверке всего, что представлено нашему вниманию как факт, прежде чем пытаться убедить в чем-то научный мир. Ходгсон некоторое время руководил американским филиалом БОПИ; вскоре после его смерти (1905) этот филиал и стал ядром нового Американского общества (АОПИ). Вклад Фредерика Майерса — особенно его широкие исследования условий, в которых существует жизнь после смерти, — настолько огромен, что для рассказа о нем потребуется отдельная глава. Здесь же мы только отметим, что Майерс, эссеист и ученый, занимавшийся в Кембридже античной классикой, был одним из основателей Британского общества психических исследований и впоследствии его президентом.

С другими деятелями этой пионерской исследовательской организации мы встретимся позднее, во время нашего путешествия в иную сферу бытия, поэтому сейчас я могу их только представить. Наиболее выдающиеся из них — Генри Сидгвик, профессор философии Кембриджского университета и первый президент БОПИ; Эдмунд Герней, профессор психологии в Кембридже и в прошлом президент БОПИ; Артур Конан Дойл, британский врач, ставший впоследствии писателем и мировой знаменитостью как создатель Шерлока Холмса; сэр Оливер Лодж, один из наиболее выдающихся британских физиков, получивший рыцарское достоинство за свои замечательные работы в области исследования атома и теории электричества. Тяжелая утрата, понесенная Лоджем, потеря им сына Раймонда в то самое время, когда сэр Оливер вел самые интенсивные исследования в области парапсихологических явлений, привела в конце концов к тому, что наука получила первый в XX веке подробный рассказ, описывающий вступление личности в другую сферу бытия и утверждение человека в мире, существующем *за* смертью.

В книге сэра Оливера Лоджа «Раймонд», в которой рассказывается об установленной экстраординарной связи с сыном после его гибели, а также в материалах специалистов БОПИ, анализирующих и оценивающих этот рассказ, большое место отводится методам и технике парапсихических исследований. Для этого есть веские причины.

Какие именно слова бесспорно доказывают, что информация, принятая медиумом для передачи сэру

Оливеру, исходила от сына Лоджа Раймонда и ни от кого другого? В какой степени эти сообщения могли оказаться «загрязненными» со стороны телепатического, медиумистического или какого-либо другого влияния? Возможно ли, чтобы Раймонд во время сеансов в одном случае пребывал в полусонном состоянии, а в другом — в состоянии полного бодрствования? Поскольку Раймонд «был получившим специальную подготовку ученым, то переданные им описания мира, в котором человек существует после смерти, могли оказаться просто его субъективными впечатлениями; но тогда какие научные выводы можно сделать на основе его впечатлений относительно фундаментальной структуры потустороннего мира и свойственных ему видов энергии?

Все эти вопросы, конечно, для ученых имеют жизненно важное значение. К ним мы позже еще вернемся. А сейчас мне хотелось бы остановиться главным образом на самом вступлении личности человека в потусторонний мир, на том, как ею это ощущается. Я рассматриваю информацию Раймонда в качестве спонтанного, субъективного выражения прямого опыта, как информацию почти абсолютно «чистую», то есть не загрязненную никакими влияниями и помехами, как информацию, обладающую определенной ценностью для тех из нас, кто более склонен познавать жизнь через собственный опыт, чем анализировать ее. Поэтому в рассказе, к которому перехожу, я опущу технические пояснения исследователей и как бы «предоставлю слово» самому Раймонду.

Раймонд Лодж, младший офицер Британских вооруженных сил во Франции во время первой мировой войны, был убит в бою в сентябре 1915 года. В это время его отец, сэр Оливер Лодж, был занят проведением цикла парапсихологических исследований, которым он теперь посвящал большую часть своего времени. В этом случае он работал «анонимно» (то есть не раскрывал своего подлинного имени и званий) с тремя медиумами: миссис Кэтрин Кеннеди (она была «медиумом-автоматистом», в состоянии транса она неосознанно для себя, автоматически воспроизводила *послания* в письменном виде); миссис Глэдис Осборн Леонард, работавшей как в состоянии транса, так и с помощью спиритической доски, но с Лоджем она в основном работала как трансмедиум, и мистером А. Ваут-Питерсом, трансмедиумом. В это же время — о чем вы также узнаете позже — наибольшую «активность в общении с миром живых проявлял Фредерик

Майерс, скончавшийся в 1901 году; Майерс тогда часто выходил через медиумов на связь со своими друзьями, оставшимися жить на земле. Первое предвестие о смерти Раймонда пришло от Майерса в сообщении, известном как «послание Фавна».

Раймонд Лодж был убит 14 сентября 1915 года во Фландрии, ему шел тогда двадцать шестой год. Больше чем за месяц до смерти Раймонда, 8 августа 1915 года, во время сеанса знаменитого американского медиума миссис Ленор Пайпер в Гринфилде (штат Массачусетс) было записано короткое **послание** от Майерса к Лоджу. Его обычным порядком переслали Лоджу по международной сети обмена данными в области парапсихологии, создавшейся к тому времени между учеными. Через медиума говорил доктор Ричард Ходгсон (он умер в 1905-м). Вот его **послание**: *«Послушайте, Лодж, хотя мы и не вместе, как бывало раньше, но это не совсем так: мы все-таки можем общаться. Майерс говорит, что вам выпала роль поэта, а он будет действовать за Фавна. За Фавна. Верролл это поймет».*

Сейчас хорошо известно, что Майерс, будучи выдающимся специалистом в классической филологии, часто облакал свои **послания** в форму ассоциаций и отсылок к греческой и римской поэзии и другим работам античных классиков, то есть к той области знаний, которая почти наверняка неизвестна среднему медиуму; так **послания** Майерса оберегались от возможных «загрязнений», и личность их «автора» устанавливалась вне всяких сомнений. Под «Верролл» имелась в виду миссис Артур У. Верролл, вдова известного кембриджского ученого, специалиста по античной классике, и сама компетентный специалист в этой области. Она сразу же определила, на что ссылается Майерс и смысл этой отсылки. В «Одах» римского поэта Горация есть эпизод, в котором говорится о том, как поэт смог уберечься от падающего дерева — ему помог бог Фавн, «хранитель поэтов». Это могло означать, что Лоджа вскоре должен постигнуть некий удар, а Майерс собирается сделать все, что сможет, исполняя роль хранителя.

В парапсихических исследованиях, проводимых сэром Оливером Лоджем, ему помогала вся его семья. Но первый сеанс, в котором участвовал член семьи Лоджа, состоялся 25 сентября 1915 года — одиннадцать дней спустя после гибели Раймонда. На сеансе у медиума миссис Леонард присутствовала инкогнито жена сэра Оливера — леди

Лодж. Медиум миссис Леонард, таким образом, не знала ее настоящего имени и отношения к Раймонду. Никаких попыток установить контакт с Раймондом не предпринималось. И тем не менее мать получила следующее **послание** от «умершего» сына: «Скажи отцу, что я встретил здесь нескольких его друзей». На вопрос матери, не может ли он назвать кого-нибудь из них по имени, последовал ответ: «Да, Майерса». Спустя два дня на сеансе с этим же медиумом присутствовал сэр Оливер Лодж, опять-таки «анонимно». Контролер миссис Леонард, Феда, объявив, что Раймонд находится в контакте с ней, сказала: «Он говорит, что ему там трудно, но у него много добрых друзей, которые ему помогают... Он знает, что его ожидает здесь большая работа, как только он будет немного больше готов к ней. Он иногда сомневается, будет ли он на это способен. Но ему говорят, что он сможет. У него хорошие учителя и наставники. Он показывает мне букву «М»... говорит, что чувствует, что у него теперь два отца... Прежний и другой... День или два назад он почувствовал, что его сознание уже больше не подавлено. Он чувствует себя сейчас легче и лучше, последние дни. Сначала он был потерян. Не мог справиться с силами. Но это продолжалось недолго, ему повезло. Ему вскоре все объяснили, и он понял, где находится».

В тот же день миссис Лодж была «анонимно» на спиритическом сеансе у мистера Питерса. Через него прошло следующее сообщение: «Этот джентльмен, занимавшийся поэзией, — я вижу букву „М“, — помогает вашему сыну общаться с нами». Спустя несколько мгновений Питере подскочил, щелкнул пальцами и почти прокричал: «Боже мой! Если бы отец мог сейчас увидеть его! Он совсем окреп, как бы это тронуло отца!». Через две недели на сеансе с миссис Леонард «сам» Майерс подтвердил знаменитое **«послание Фавна»** как обещание помочь Раймонду и его семье в это трудное переходное время. Еще двумя днями позже. 29 октября, Лодж имел сеанс с трасмедиумом мистером Питерсом, во время которого «опека» Майерса над Раймондом еще раз была подтверждена: «Ваш семейный обычай подходит ко всему с точки зрения здравого смысла очень помог Раймонду прийти в себя... иначе ему было бы значительно труднее... Он говорит: „Ф. М. помог мне больше, чем вы можете себе представить...“ Теперь он говорит: „Ради °°°а, отец, разрушьте эту плотину, эту стену, которую

ставят между нами люди. Если бы ты только мог увидеть, что вижу я: здесь сотни безутешных мужчин и женщин. Если бы ты видел таких же, как я, ребят здесь на нашей стороне, отгороженных от всех своих близких, оставшихся на земле, ты бросил бы все и изо всех сил занялся бы только этим!" Он хочет, чтобы я передал вам, что, когда он уходил из этой жизни, он испытывал чувство сильной растерянности и какого-то разочарования, он даже не догадывался о том, что это смерть. Вторым было чувство печали и горечи... Это — время, когда мужчины и женщины чувствуют, что с них как бы сдирается какая-то корка, — разбивается скорлупа всего привычного и условного... скорлупа безразличия... и каждый начинает заново мыслить, хотя некоторые и по-прежнему как эгоисты».

С этого времени Раймонд постепенно «идет на поправку», точно так же, как больной оправляется от шока травмы. У него появляется полная осознанность всех возможностей его нового положения и горячее желание скорее ими овладеть. Идет «выздоровление», хотя и медленно, но день ото дня, неделя за неделей все лучше и лучше. Во время сеансов, приходящихся на этот период «выздоровления» Раймонда, наконец был получен ответ, хоть и не совсем полный, на часто задававшийся ему вопрос: «Спят ли вообще люди в жизни после смерти?». Раймонд встретил там юношу по имени Поль, который помогал ему ориентироваться в новой жизни. Их взаимоотношения были описаны во время сеанса автоматического письма у медиума-автоматиста миссис Кеннеди: «Передайте, что Раймонд был на сеансе, и Поль говорит, что я могу бывать и потом, когда захочу... Поль говорит, что он здесь с семнадцати лет, он веселый парень, и все здесь его любят. Здесь, кажется, взяли за правило звать на помощь Поля, когда кому-нибудь приходится трудно». В этот момент вклинился Поль: «Раймонд уже спал... начиная со вчерашнего дня». Затем Поль рассказал о том, какую растерянность и смятение испытывают *там* вновь прибывшие, когда узнают, как трудно им теперь установить связь со своими родными и друзьями, оставшимися жить на земле, сообщить им, что они сами тоже Живут: «Они почти не верят в это. Всякий раз они думают, что это безнадёжное дело, и готовы сдаться. Но я уговариваю их все время, прошу попробовать снова сказать своей матери, что они живы... Ведь так много людей считает, что те, кого они любили, навсегда умерли.

Все в тебе переворачивается, когда слышишь, как ребята рассказывают, что никто больше с ними не говорит».

На другом сеансе во время «выздоровления» Раймонда контролер миссис Леонард, Феда, сообщила: «Раймонд еще не совсем пришел в себя. Ему еще трудно, но у него много добрых друзей, которые ему помогают. Он знает, что, когда он будет немного больше подготовлен, его ждет много дел».

К середине ноября, через два месяца после своей смерти, Раймонд уже полностью восстановил все свои способности, освоился в своем новом окружении и был в состоянии описывать его подробно. Он теперь гораздо более уверенно справляется с трудностями передачи посланий живущим земной жизнью через медиумов. Он дает свой сугубо личный, субъективный, «импрессионистский» рассказ о том, что он видит вокруг себя, как все это воспринимает, он ничего не анализирует, не пытается определить, является ли его нынешний мир «мысленным», квазифизическим, реальным или кажущимся, и не задается другими вопросами, столь дорогими сердцам ученых-исследователей. Он просто рассказывает через контролера миссис Леонард, Феду, что сам видит и чувствует.

Сначала идет несколько сумбурный диалог о том, как устроен потусторонний мир. Затем после замечания: «Молитва помогает в вещах не очень важных» — все входит в свое русло, и Раймонд говорит через медиума, уже больше не прерываясь:

«Вы *(это относится к участникам спиритического сеанса)* не чувствуете себя такими настоящими, как люди там, где находится он. Для него стены теперь кажутся прозрачными. Больше всего его примирило с нынешней обстановкой то, что вещи выглядят здесь такими твердыми и настоящими... Первый, кто его здесь встретил, был его дед, а потом и другие — о некоторых он прежде только слышал. Они все выглядят как обычные люди из плоти и крови, так что он с трудом мог поверить, что перешел в другой мир. Он теперь живет в доме из кирпича — вокруг есть деревья и цветы, и грунт твердый... Здесь ночь не сменяет день, как в земном мире. Иногда только темнеет, когда он этого пожелает, но время между светом и тьмой не всегда одно и то же...

... Мне все время хочется понять, как все вокруг меня устроено, из чего состоит. Я еще этого не узнал... какое-то время я думал, что это мысли каждого из нас создают и здания, и деревья, и цветы, и твердую почву

под ногами, но за всем этим кроется что-то большее... Теперь он больше всего занят тем, что помогает тем беднягам, которых война буквально выстреливает все время в мир душ».

На вопрос, обладает ли теперь Раймонд способностью предвидения, последовал ответ: «Иной раз кажется, что да, но предсказывать нелегко. Я не думаю, что теперь я действительно знаю больше, чем когда жил на земле».

Несколькими днями позже, на следующем сеансе с тем же медиумом, смешанное употребление первого и третьего лица становится в сообщении менее явным, и Раймонд все больше и больше говорит от первого лица и сам за себя: «Если я буду приходить, тогда не должно быть печали, я не хочу быть как призрак на пиру. Не должно быть ни одного вздоха...». Когда его спросили, носят ли в его мире одежду, Раймонд сказал: «Да ее здесь и делают. Можете представить меня в белых одеждах? Знаете, я сначала о них совсем не думал, да и не стал бы их носить — примерно так же, как если бы какой-нибудь невежественный человек поехал в жаркую страну, не имея ни малейшего представления о том, куда он отправляется. Сначала он решит носить свою одежду, но очень скоро станет одеваться наподобие местных жителей. Пока Раймонд привыкал и приспособлялся к новому окружению, ему давали носить его земную одежду; ему это позволяли и ни к чему не принуждали. ...Не думаю, что мне когда-нибудь удастся показаться своим ребятам в белых одеждах».

На одном из следующих сеансов Раймонд рассказывал о своем новом теле: «У меня почти такое же тело, как и прежде. Иной раз я могу себя ущипнуть, чтобы убедиться, что у меня на самом деле настоящее тело, и оно действительно настоящее, но только боли от щипка я такой не чувствую, как в прежней жизни. Внутренние органы, кажется, не так устроены, как прежде. Они, конечно, и не могут быть такими же, но все признаки — те же самые, и внешне все похоже. И я как-то свободнее в своих движениях».

Затем диалог внезапно начинает идти в третьем лице: «Да, у него есть ресницы, брови, точно такие же, как и были; и язык, и зубы. У него появился новый зуб вместо того, который прежде был не в порядке. Хороший зуб теперь на месте старого. Прежде он знал одного человека, который потерял руку, но здесь у него теперь

новая рука. Да, сейчас у него две руки. Ему кажется, что, когда он перешел в астральный мир, у него ее не было, она казалась неполной, но потом она все больше и больше восполнялась, и теперь у него совершенно новая рука... Когда в прежней жизни кого-нибудь как на войне разрывает на куски, астральному телу требуется какое-то время, чтобы восполнить себя, собраться воедино и стать целым. Видимо, какая-то часть субстанции, которая, несомненно, имеет природу эфира, в этих случаях рассеивается, но она должна быть снова сконцентрирована. Духовное существо, конечно, не разрывается на куски, но взрыв все же определенным образом воздействует на него. Нельзя сжигать тело умершего намеренно. У нас здесь иногда бывает очень трудно с людьми, которых кремируют слишком скоро после смерти. Живущие думают примерно так: „Надо сделать все поскорее — и дело с концом, ведь мертвому теперь все равно“. Нельзя кремировать тело раньше чем через семь дней...».

Затем следует: «Я не думаю, что мужчины и женщины находятся точно в таких же отношениях, что и в земном мире, но, кажется, они испытывают друг к другу те же чувства, выражаются они несколько по-иному. Здесь, кажется, совсем не рождается детей. Чтобы иметь детей, люди должны быть посланы вновь в земной мир, в физическое тело, здесь никто не имеет детей... Он теперь не испытывает желания есть, но он знает, что некоторые здесь хотят; он говорит, им требуется что-нибудь давать есть, имеющее тот же вид, что и земная пища. На днях здесь появился парень, который хотел бы выкурить сигару. „Уж тут-то я загоню *их* в угол!“ — думал он... Но ему смогли сделать что-то наподобие сигар... и он выкурил сразу четыре штуки; сейчас он на них уже не смотрит. Кажется, люди здесь не получают такого удовольствия от своих прежних пристрастий, и постепенно они проходят. Но когда они только что появляются в нашей плоскости бытия, им хочется многих вещей. Некоторые, например, хотят мяса, другие — крепких напитков... Раймонд может видеть солнце и звезды, но не чувствует ни холода, ни тепла. Это не значит, что солнце перестало греть, но у него уже не то тело, которое ощущает тепло. Когда он входит в контакт с земной жизнью и как-то проявляет себя, то он немного чувствует либо холод, либо тепло — во всяком случае, когда присутствует медиум, но не тогда, когда он приходит в земной мир сам по себе, как обычно, чтобы посмотреть...»

Затем завязывается разговор о том, какого рода доказательства может привести Раймонд, чтобы они были наиболее убедительными. Диалог снова переходит в третье лицо: «Вот почему он сейчас собирает информацию. Ему так хочется ободрить людей, чтобы они смело ожидали новую жизнь, в которую все они обязательно вступят, и чтобы они поняли, что это разумная жизнь». И снова переход к первому лицу: «Я хочу здесь многое узнать и понять. Вам покажется это эгоистичным, если я скажу, что я не хотел бы вернуться назад? Я бы ни за что не расстался теперь с моей новой жизнью».

Тем людям, кто сильно привязан к своим любимым домашним животным, наверное, будет интересно узнать, что *там* видели собаку — по всей вероятности, ту же самую, по кличке Керли, про которую упоминал несколькими годами раньше Майерс через другого медиума.

С этого времени, упомянув также о *«сотнях вещей, о которых я думаю, когда со мной нет медиума, и о которых хотел бы рассказать вам»*, Раймонд, иногда используя перекрестную связь двух медиумов, концентрирует свое внимание на выдаче очевидных доказательств относительно известных ему обстоятельств, семейных дел, домашних животных, привычек и человеческих свойств — обо всем, что мог знать именно он и что могло бы, вне всякого сомнения, доказать, что эти сообщения исходят от существа, которым является безусловно сам Раймонд Лодж. После этого, как и во многих других подобных случаях, важность и содержательность информации снижаются. Возникает такое ощущение, как будто дающий информацию считает, что он уже достаточно выполнил свой сыновний долг, помогая отцу в его исследовательской работе, и теперь хотел бы вернуться к своим собственным делам. Перед тем как прекратить свои сообщения. Раймонд делает интересное замечание относительно литературы: он говорит, что в его плоскости бытия уже подготовлены книги, которые ожидают возможности быть внедренными в сознание подходящих для этого писателей и в конце концов быть опубликованными в «земном мире».

В заключение своей книги «Раймонд» сэр Оливер Лодж обращается ко всем, кто понес утрату близких, с целенаправленным советом: «Меня можно спросить, рекомендую ли я всем, кто понес тяжелую утрату, посвятить столько же времени и внимания, сколько и я, чтобы установить связь со своими ушедшими близкими и до-

ументировать все сообщения? Совершенно определенно ^{не} рекомендую. Я — человек, изучающий эту проблему, а исследователь зачастую должен обращаться к труду специфическому и работать на основе детально разработанных методов. Я советую всем людям понять и осознать, что их утраченные близкие продолжают жить активной, полезной, интересной и счастливой жизнью, что они теперь в некотором смысле более живы, чем прежде. Всем людям следует прийти к решению жить собственной жизнью, принося пользу на земле до тех пор, пока они не воссоединятся с дорогими им людьми в другом мире».

Все выдающиеся лидеры Британского общества психических исследований — Сидгвик, Герней, Майерс, Ходгсон — и после своей смерти, из другой сферы жизни продолжали свои психические исследования. Они часто принимали участие в сеансах, представляли доказательные материалы или давали полные технические указания. Из всех лиц, упомянутых профессором Джеймсом в его последней статье, — Майерс, Ходгсон и блестящий американский ученый Хайслоп, — только Майерс предпринял попытку полного описания бесконечно расширяющегося мира за пределами жизни на земле. Ходгсон, однако, прояснил вопрос, каким образом ставшие бестелесными после своей смерти личности способны определять, а вслед за тем и использовать потенциальных медиумов. Хайслоп сделал некоторые существенные заключения о структуре реальности в потусторонней жизни, особенно благодаря широкому спектру его исследований и наблюдений.

По мнению Лоджа, Ходгсон, чрезвычайно осторожный ученый, сделал два исключительно важных открытия, без которых все парапсихические исследования не смогли бы достичь дальнейшего значительного прогресса. Ходгсон очень рано понял важность этих проблем и посвятил их разрешению не один год своей жизни. Во-первых, он дал определения методам коммуникации с потусторонним миром через посредство медиума, находящегося в трансе, и *автоматического письма* и затем доказал справедливость своих гипотез демонстрацией результатов экспериментов. Во-вторых, он собрал и разработал материал, который позволил покончить раз и навсегда с гипотезой о том, что случаи коммуникации «как бы» с иной сферой бытия через медиумов основаны просто на способности медиума получать информацию телепатически от живущих людей. Это устранение теории «телепатии меж-

ду живущими» лишило опровержений сам факт поступления информации от людей уже умерших.

Каждый из нас обладает телом, которое называют или *эфирным*, или *астральным* и которое взаимосвязано с нашим физическим телом. У одаренных медиумов, утверждал доктор Ходгсон, существует запас энергии особого рода, и эти скопления энергии видимы из эфирной сферы бытия как «свет». У миссис Пайпер, медиума, особенно тщательно изученного Ходгсоном, были две массы такой энергии — одна, соединенная с ее головой, другая — с правой рукой. «Я не берусь — говорит доктор Ходгсон, — дать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение описываемому мной процессу». Но то, что некий вполне определенный процесс действительно происходил, он продемонстрировал во время спиритического сеанса, на котором одна бестелесная личность из потустороннего мира передавала устные сообщения, используя «энергию головы», а другая — независимо от первой — передавала связную информацию с помощью автоматически, то есть непроизвольно, писавшей правой руки.

Опровержение Ходгсоном теории «телепатии между живущими» включало убедительную демонстрацию им огромного по объему материала, который очевидным образом не мог поступить от живущих на земле людей. Он также сделал несколько собственных весьма оригинальных наблюдений. Он очень тщательно наблюдал и описывал происходившие во время сеансов типичные осложнения — сбои, туманность сообщений, влияние усталости, автоматические повторы, затухание связи. Ходгсон разработал очень сильную аргументацию, слишком сложную для пересказа в настоящем контексте, относительно того, что бестелесная личность для общения через медиума должна погружаться в дремотное состояние «припоминания», не дающее ей возможности быть в полном сознании. Он также указал на трудности, с которыми сталкивается личность человека, многие годы стремившаяся овладеть умением эффективно использовать физический механизм своего собственного тела, затем вынужденная овладевать совершенно новой для него техникой жизни безо всякого физического тела, а потом, во время сеанса, оказавшаяся перед необходимостью использовать абсолютно незнакомый для нее физический «механизм» медиума. Реальные результаты таковы, каких только и следует ожидать в подобных ситуациях, — че-

ловек становится тем искуснее, чем больше опыта приобретает. Ходгсон показал, и не раз, что такой подход к тем, кто передает сообщения во время сеанса, как к разумным бестелесным личностям, поставленным в столь трудные условия, дает гораздо лучшие результаты, чем восприятие получаемого материала как телепатически переданных впечатлений живущих людей. Он также отметил ясность памяти у недавно скончавшихся маленьких детей по сравнению с памятью тех невидимых участников сеансов, которые умерли детьми уже давно: они забывали чисто детские вещи. Это как раз то, что следует ожидать от нормально развивающейся, хотя и бестелесной, личности.

Профессор Хайслоп обратился к теоретической проблеме: из чего состоит воспринимаемый нами через опыт потусторонний мир? Если признать, что этот иной мир не может быть тем же атомным, молекулярным, ионным, корпускулярным, электромагнитным миром нашего земного опыта, тогда остается несколько возможностей. Есть много оснований предположить, говорит Хайслоп, что духовная жизнь после смерти не зиждется на сенсорной реакции на внешний стимул или ответных реакциях наших чувств и организма в целом на внешние раздражители, а является мысленной и творческой. Соглашаясь, что эта духовная жизнь требует избавления от чувственной жизни наших appetitов, мы остаемся лишь с нашими органическими умственными свойствами и способностями в качестве нашего базового снаряжения. То, что «выживает после смерти внутренняя жизнь, — писал Хайслоп, — это именно наша внутренняя жизнь, а не физическая».

Но поскольку внутренняя жизнь в огромной степени состоит из сохраняющегося памятью нашего чувственного опыта, импринтов, автоматизмов, повторяющихся и обусловленных опытом, средой умственных навыков и привычек, то некая часть всего этого сопутствует нам на первом этапе нашего путешествия, начинающегося за чертой смерти. Резонно предположить, что такой разум будет сам воспроизводить для себя достаточно жизнеспособное факсимиле прежнего чувственного мира, что будет для него целесообразным на то время, которое ему потребуется, чтобы приспособиться к реальностям жизни в новой Вселенной чистого разума и чистого духа. Этот Умственно созданный мир будет представлять личности совершенно реальным — «очень твердым и осязаемым»,

как выразился Раймонд. Доброжелательное общества, встречающее вновь входящего в бестелесном мире, не желая ему потрясений, но стремясь помочь в его дальнейшем развитии, признает эту временную необходимость. Оно ободряет его и помогает поддерживать необходимую иллюзию, пока и эта душа не сможет достаточно приспособить себя к тому, чтобы принять реалистически свою новую ситуацию.

Хайсlop определил два вида накопленной информации. Согласно одному, будущая жизнь включает все основные черты нашего нынешнего мира, за тем только исключением, что там они недоступны физическим чувствам. В соответствии же с другим, мир *за* смертью построен на основе энергий чисто умственной природы. «Эти два массива информации, — говорит Хайсlop, — не обязательно противоречат друг другу и один другой исключают». И то и другое на самом деле сочетается уже и в нашей нынешней земной жизни: мы все живем жизнью как внешнего восприятия, так и жизнью нашего внутреннего сознания, мышления, воображения, созерцания. Не существует причины, подытоживает великий исследователь, почему бы такого рода комбинация не могла господствовать и в мире *за* смертью, хотя, может быть, и взятая в несколько иной «порции».

ОТКРОВЕНИЯ ФРЕДЕРИКА МАЙЕРСА

Ни в коей мере не задаваясь вопросом о том, что первично — духовное или материальное, что за чем следует, давайте посмотрим, сколь огромную часть нашей обычной повседневной жизни занимают вещи, состоящие не из чего-нибудь иного, но из чисто мысленных построений. Для иллюстрации я хотел бы начать с самых обыденных примеров.

В нашем нынешнем мире мысленные, духовные и физические структуры и функции неразрывно переплетены между собой. Я чувствую и осознаю желание побыть в дружеском обществе (мысленная, духовная структура). Я снимаю телефонную трубку, набираю нужный номер (физическая функция) и договариваюсь (мысленная) встретить приятеля в определенном месте и в определенное время (физическая). Наши голоса создают кобе

лания воздуха (физическая), и они воспринимаются как слова (умственная), которые непосредственно переводятся в дружеское общение (духовная структура).

Дети в Соединенных Штатах обязаны, по закону, учиться в школе двенадцать лет. Большая часть этого времени уходит на чисто умственную деятельность — дети получают организованные мысленные образы, мысли, перерабатывают их в своем сознании за счет своей собственной умственной активности и демонстрируют, к удовольствию или неудовольствию учителей, конечные построения их собственной мысли. Деловой мир в очень большой мере состоит из мысли. Изобретательный ум вынашивает «идею» (мысленное, духовное), продукта, книги, здания или нового потребителя (физическое). Идея получает физическое выражение в чертежах, проектах, описаниях, которые доносят ее до сознания других людей (мысленное), которые затем переводят ее в *физическую* «реальность».

На самом деле умственные построения доминируют в нашем физическом мире в гораздо большей степени, нежели мы обычно считаем. Каждый предмет из одежды, которую мы носим, каждый прибор в нашем доме, каждая кастрюля на кухне, каждый предмет мебели, каждая автомашина, каждое здание, в котором мы живем или куда входим, каждая полученная или отданная нами монета, каждое действие, которое мы предпринимаем, каждое движение — все это обязано своим существованием начальному акту чистой мысли. Даже природа свойственно это качество. Песня дрозда, форма цветка, если проследить их происхождение, окажутся созданными загадочными силами, имеющими свою сложную структуру, и по своей природе в значительной степени «разумными».

Когда анализируешь физические «реальности», столь дорогие нашим чувствам и, кажется, так необходимые для нашей физической деятельности, то оказывается, что они так же загадочны, как и мысленный мир, из которого они приходят. Физики говорят нам, что этот физический мир построен из комбинаций электромагнитных и инерционно-гравитационных сил. Мы даем названия этим силам и наблюдаем за некоторыми их проявлениями, но никто из нас не может сказать, что они в действительности собой представляют.

То же самое относится и к миру мысли — духовному, Умственному миру. Каждый из нас, хоть и в сутолоке

повседневной жизни, проводит очень много времени в этом мире. Поэтому и музыканты в нем почти всегда с уверенностью рассуждают об эстетических структурах, для них столь же реальных и твердых, как и сооружения из стали и камня для строителя, начало которым положила нематериальная мысль архитектора. В каждой сфере нашей жизни, независимо от нашего возраста и рода занятий, мы неизбежно сталкиваемся с первичной реальностью мысленных форм.

В какой же естественной для них окружающей среде живут или существуют эти мысленные формы? Посредством чего передаются? Кроме очевидно установленного факта, что умственная энергия действует согласно законам, независимым от законов, управляющих физическими явлениями, наука мало что может сказать в ответ на эти вопросы. Столетний опыт исследований в области гипноза, телепатии и телекинеза доказал, что мысли энергия может непосредственно передаваться на расстояние и что эта энергия легко проникает через препятствия, которые непроницаемы для всех других форм энергии. Недавно советские исследователи продемонстрировали, что мысленная энергия может сообщать наблюдаемое движение физическим объектам. Американский полиграфист Клив Бакстер доказал, что человеческая мысль, направленная на клетки растения, проникает через электромагнитную защиту, а также через толстые препятствия из свинца и бетона. Спиритически одаренный американец Тед Сериос показал американским исследователям, что мысль может запечатлеть изображение на фотопленке.

Таким образом, у нас нет никакой необходимости обращаться к оккультизму, чтобы найти опору для нашего следующего шага к пониманию жизни *за* смертью. Две необходимые для этого посылки имеют под собой широкий экспериментальный фундамент: во-первых, структуры чистой мысли имеют первостепенное значение в человеческой жизни; во-вторых, такие структуры могут существовать и в природе, и в человеческом обществе независимо от каких-либо физических явлений. Эти два положения, представленные здесь как исходные, образуют мост между физическим миром наших основных чувств и миром потусторонним, который главным образом, если не абсолютно, есть мир мысли.

Сделанное Фредериком Майерсом представляет особый интерес для тех наших современников, кто верит,

что возможность жизни после смерти определенно существует, и хочет узнать о ней больше. И не только потому, что Майерс был оригинальным, энергичным, неистощимым, увлеченным и высокоодаренным исследователем в области парапсихологии в течение тридцати лет до «смерти» и тридцати лет после нее. Древняя и современная история, равно как и современная журналистика, дает нам бесчисленные примеры людей, проявляющих активную любознательность в отношении жизни после смерти во время своего физического существования и находивших средства и возможности заявить о себе и передавать сообщения после того, как они оставляли мир плоти и крови. Но большинство из них при этом говорило языком иных идиом, чем те, которым доверяет наше время. Они говорили образами поэзии, представлениями религии, мифологии, искусства или языком обыденности. В наше время всему этому не верят. Если к ним вообще прислушивались, то уж серьезно не воспринимали и не рассматривали случившееся как факт. Мир верит сегодня только языку и образам физической или психологической науки.

А здесь Майерс особенно силен. Высокообразованный человек, профессор Кембриджа, одного из ведущих университетов мира, он специализировался в античной классике и был прежде всего известен как автор ряда глубоких эссе о поэтах Древнего Рима до того, как нашел свое призвание в парапсихологических исследованиях. Майерс был прекрасно знаком с достижениями физики и других естественных наук, которые привели к открытиям Эйнштейна, так же как и с основными достижениями современной психологии, вплоть до Фрейда и включая его работы.

Майерс приступил к своим исследованиям исполненный глубокого скепсиса. Он и его сотрудники были известны как не признающие ни святынь, ни пощад к шарлатанам, готовые разоблачить любое мошенничество, откуда бы оно ни исходило. Их требования к доказательности материала были настолько суровы, что кое-кто горько называл исследовательскую группу Майерса «обществом по уничтожению доказательств». Только под неослабевающим давлением всевозрастающего числа доказательств Майерс наконец пригел к убеждению, что выживание человеческой личности после смерти является фактом. После этого он видел свою главную задачу уже не в установлении истины — это было сделано, — а в

доведении ее до сознания большинства людей на том языке, который их ум, напрочь свыкшийся с догмами физической науки, мог бы понять.

Никто другой не был так основательно знаком со сложностями и тонкостями научного исследования проблемы выживания человека после смерти, как Майерс. Никто не знал так хорошо, как он, всех законных оснований для научного скептицизма. Все мы начиная с детского сада впитываем догмы науки, описывающей и объясняющей физический мир, и, чтобы заставить нас во что-то поверить, необходимо, чтобы новые идеи излагались на привычном нам языке. Скорее именно это обстоятельство, больше, чем их уникальность, придает свидетельствам Майерса особую ценность. Он говорит с нами «на нашем языке».

Ко времени смерти Майерса в 1901 году два уже упомянутых больших препятствия все еще стояли на пути всеобщего признания факта выживания личности человека после его физической смерти. Одно из них — гипотеза о том, что все это в действительности объясняется телепатическим обменом информацией между живущими среди нас людьми. Как только было установлено, что телепатия — это реальное и воспроизводимое, не единичное явление, все сообщения, претендующие на связь с потусторонним миром, сразу же поспешили объяснить сознательной или несознательной фабрикацией медиума, получавшего телепатически информацию от живущих на земле. Майерс признавал если не правдоподобность, то законность этого возражения. Он постоянно искал такие доказательства, подкрепленные демонстрацией, которые могли бы начисто исключить любую возможность физического существования источника исследуемой информации. После своей «смерти» он блестяще решил эту задачу в своих знаменитых перекрестных сообщениях.

Вторая главная трудность заключалась в отсутствии какой-либо общепринятой теоретической базы, на которой материалистически ориентированный ученый мог бы построить структурную концепцию продолжающейся и развивающейся жизни *за* смертью. Майерс справился и с этой задачей, демонстрируя мысленную энергию и мысленные формы, оперируя уже знакомым психологам языком.

Чтобы понимать Майерса, нет необходимости понимать научную терминологию. Все мы слышали выражение: «Он ушел в свои мысли». Майерс мог бы

спросить: «Откуда же он ушел?» Конечно же из нашей повседневной «реальности». Но наука нам показала, что реальности нашей обыденной жизни иллюзорны. Благодаря ей мы знаем, что, например, этот стол, такой твердый на ощупь, или человеческое тело, на взгляд такое плотное, в основном представляет собой пустое пространство. Огромные «относительные» пространства между маленькими ядрами атомов и вращающимися вокруг них электронами, между атомами в молекулах, наконец, между самими молекулами показывают, что вся видимость твердости — это иллюзия того же пространства. Человек, «ушедший в свои мысли», находится в ментальном мире, где таких иллюзий не существует. Майерс и многие другие настаивали, что истина заключается как раз в противоположном. Это люди, никогда не «уходившие в мир мысли», так сказать, никуда никогда и не входили — они просто-напросто роботы да еще и лунатики. Человек, «затерянный» в мыслях, в действительности уходит к истине и к единственной окончательной реальности, поскольку высшая реальность ментальна по своей природе — это реальность мысли.

Послания Майерса после смерти за его «подписью» осуществлялись по системе перекрестной связи через трансмедиумов, обладавших способностями автоматического письма. Каждое из них имело отрывочный характер, и каждый такой отдельный фрагмент, полученный через одного медиума, сам по себе не имел никакого логического смысла. Когда же эти отдельные куски соединялись вместе в соответствии с принятыми правилами (это было нетрудно благодаря всем известной системе), послание принимало совершенно ясный, связанный и осмысленный характер. Медиумы, принимавшие фрагменты этих сообщений, не знали друг друга, были малосведущи в античности или совсем не знали малоизвестные классические тексты, обычно использовавшиеся Майерсом в посланиях помимо подписи, для того чтобы его можно было определенно опознать как отправителя информации. Весь характер, последовательность, индивидуальный почерк этих посланий не менялись в течение четверти века, хотя с ними работало несколько групп медиумов. Некоторые из медиумов умерли, другие прекратили участвовать в этих сеансах благодаря тому или иному стечению обстоятельств, их сменяли новые, которые ничего не знали об этой перекрестной связи и не разбирались в античной литературе.

это концепция эволюции сознания, или последарвинская теория эволюции. Согласно этой гипотезе, разработанной в XX веке Бергсоном, Бакком, Джулианом Хаксли, Тей-яром де Шарденом, Юнгом, Медаваром и другими, главное направление эволюции — это развитие вширь и вглубь всевозрастающей осознанности, сопровождающееся множественностью физических форм как побочным продуктом этого центрального эволюционного устремления.

Дождевые черви, морские моллюски, морские огурцы, обладающие «просетившим сознанием», живут в смутной дреме и всю свою жизнь довольствуются несколькими кубическими метрами пространства, смутным ощущением света, темноты, тепла, холода, голода и необходимости продолжения рода. На уровне рептилий, птиц и животных сознание поднимается через иерархии осознанности в расширяющемся диапазоне. В человеческом мире отличительная особенность поступательного развития человека с детских лет до зрелого возраста — это увеличение и расширение диапазона вещей и явлений, которые личность может осознать. Когда достигается возраст зрелости, большие различия у разных людей остаются в их способности осознавать — в «уровне» их осознанности. Сознание женщины «А» может быть ограничено мужем, домом, детьми и торговыми центрами, в то время как ум женщины «Б» может охватывать все вышеперечисленное плюс музыку, интерес к книгам и участие в местной политической жизни.

Уровень осознанности и диапазон осознаваемого у обеих женщин может измениться. У первой из них может неожиданно пробудиться интерес к религии, это откроет ей глаза на проблему судеб всего рода человеческого и подвигнет ее на серьезное изучение международных отношений и того, что происходит в мире. У второй женщины к ее прежним интересам может добавиться острое стремление к социальной справедливости, и это расширит ее понимание действия социальных механизмов. Тогда обе эти женщины, выражаясь языком Майерса, «достигают более высокого уровня сознания» на нашем нынешнем, земном уровне бытия. Подобным же образом у человека, поглощенного делами на бирже, семьей и рыбной ловлей, может развиваться интерес к искусству, к иностранным языкам, — так он поднимает свой уровень сознания, не покидая земной сферы бытия.

В сообщениях Майерса утверждается, что направленность к развитию и эволюционная энергия все

расширяющегося сознания носит космический и вечный характер, а потому и не прекращается со смертью. Главное устремление созидательного процесса не физические формы, а мысленные, духовные, способные легко отбросить свою физическую форму, сменить ее на другую или жить полной энергетической жизнью безо всякой физической формы. Мудрый человек, живущий на земле и сохраняющий духовную восприимчивость, шаг за шагом приобретает мудрость благодаря своему все расширяющемуся и углубляющемуся пониманию физических, мыслительных и духовных принципов бытия.

Точно так же, говорит Майерс, мы прогрессируем в жизни *за* смертью. В своей земной жизни — в детстве, отрочестве, юности, в молодом и в зрелом возрасте и еще несколько раз в зрелости и старости — мы попеременно обладаем многими телами, в определенный срок полностью заменяем их физический состав, сменяем его — все это «побочный выход» нашего, растущего развивающегося сознания. В жизни *за* смертью продолжается не только эволюционный процесс расширения сознания человека, но и смены посмертных форм его «тела». Эти «посмертные тела», однако, создаются из более легких, тонких и обладающих большой энергией субстанций — при этом умственно-духовная энергия по мере эволюционного продвижения вперед все больше преобладает. **Сам Создатель** постигается как источник чистых созидательных энергий мысли — **«Великий Промысел»**

Майерс, в результате своего двадцатилетнего «потустороннего» опыта и наблюдений, пришел к выводу, что жизнь после смерти разделяется на семь главных стадий, каждая из которых имеет свою вступительную фазу, период развития и период подготовки к переходу в следующую, более высокую стадию. Первая стадия — это, конечно, плоскость нашего земного бытия. Вторая — это состояние личности сразу же после смерти. Майерс называет ее по-разному: **«жизнь сразу же, после смерти»**, **«переходная плоскость»** и **«Гадес»**. Пребывание в этой плоскости бытия длится недолго и завершается переходом в более стабильный мир, который Майерс называет **«плоскость иллюзий»**, **«непосредственный, или следующий, мир после смерти»**.

Затем следует четвертая стадия неописуемо привлекательного бытия, называемая им **«плоскость цвета»**, или **«Мир Эйдоса»**. Высокоразвитые души теперь могут прогрессивно восходить к **«плоскости пламени»**, или

«*Миру Гелиоса*», пятой стадии бытия. Завершающие ступени—шестая и седьмая стадии — «*плоскость света*» и «*Вневременье*» — сферы настолько высокой духовной природы и настолько близкие к истоку и сущности созидания, что для их описания еще не существует словаря того опыта, который мог бы здесь помочь; поэтому все это трудно передать доступным для понимания языком тем, кто живет нашей земной жизнью. Если прибегнуть к грубой аналогии, ситуация здесь оказывается куда более сложной, чем если бы врач попытался объяснить действие эндокринных желез маленькому ребенку, которому он их лечит.

Это наступательное движение в жизни после смерти Майерс иллюстрирует фактическими примерами. Но прежде чем следовать дальше за Майерсом, предварим его дальнейшие сообщения еще одним разъяснением — на этот раз понятием о реинкарнации (перевоплощении). Во время научной деятельности Майерса на земле и ее продолжения в потустороннем мире теория реинкарнации не имела широкого доверия на Западе среди исследователей в области психологии, парапсихологии и психиатрии. В наши дни, особенно в свете последних исследований профессора психологии Вирджинского университета Яна Стивенсона, возможность реинкарнации рассматривается более серьезно. И здесь, как и в отношении теории эволюции сознания, Майерс оказался намного впереди своего времени.

Первым среди фактических примеров, о которых сообщает нам Майерс, мы можем рассмотреть случай с Уолтером. Уолтер был одним из четырех сыновей в семье среднего достатка. Семья имела возможность жить обеспеченно и с комфортом благодаря отцу, хотя дело, которым он занимался, было и неинтересным. Это была семья, «сконцентрированная» на самой себе. Мать играла доминирующую роль и видела смысл своей жизни в детях, которыми она очень гордилась. Семья отличалась чопорностью, гордостью и отчужденностью от окружающих, считая себя выше обычного люда и принимая лишь минимальное участие в жизни за пределами семейного круга.

Уолтер был особенно любим родителями. Он наконец женился, но брак его оказался непрочным. Уолтер, привыкший к неумеренным восхвалениям со стороны матери, не мог приспособиться к присутствию женщины, которая оценивала его более реалистически. Следствием

этого были серьезные ссоры и развод. Уолтер вернулся в свой дом к матери и посвятил весь избыток энергии наживанию денег. Искусный биржевой игрок, он добился большого успеха и сумел нажить состояние. После смерти родителей он перебрался в дорогой и фешенебельный городской клуб, где и провел остаток своих дней, наслаждаясь низкопоклонством, которое в земной жизни всегoda окружает тех, у кого много денег. В конце концов Уолтер умер и вступил во вторую стадию бытия — *переходную плоскость*, или *Гадес*.

Когда ребенок из состояния эмбрионального сознания переходит на уровень земного разума и осознанности, он много спит, дремлет и отдыхает, в то время как за ним ухаживают люди, более привычные к земным условиям бытия, которые он едва лишь смутно осознает. То же самое, говорит Майерс, происходит с личностью по ее вступлении в *Гадес*, или во вторую стадию, в жизнь *за* смертью. Фольклорная традиция утверждает, что в сознании людей непосредственно перед их смертью проносится вспышкой воспоминание о всей их прежней жизни. Если это правда, то это и есть обрисованная Майерсом *переходная плоскость*, или *Гадес*. В течение этого периода Уолтер, когда он не спал, пребывал в состоянии покоя и полусонного забытья, и в его сознании разворачивались и проплывали каритны его прошлой жизни. Вероятно, это состояние древняя традиция и называет «адам». «Адским» оно будет или «не адским» — это зависит, конечно, от того, что содержится в памяти данной личности. Если ее память хранит много злого, если в ее жизни было много вселяющего ужас, все это будет теперь плыть и плыть перед ее взором вместе с более отрадными событиями ее земной жизни. Майерс называет этот промежуток «*путешествием вниз по длинной галерее*».

Во время этого сонного путешествия по тропе памяти Уолтер вновь открыл для себя свою прежнюю привязанность к матери и ту уютную, восхитительную атмосферу любовной опеки, которой она его окружала. Когда силы его окрепли и воображение стало более развитым, он нашел в себе способности воссоздать идеализированное подобие своего старого дома, быта, старого родного городка и — вместе с по-прежнему тянувшейся к нему душой матери — смог зажить счастливо в положении, которое он считал идеальным.

На третьей стадии бытия — *плоскости иллюзий*, или в *непосредственном мире после смерти*, материалы настолько податливы, что им можно придавать любую форму прямым воздействием воображения. Их не надо в отличие от «упрямых» земных материалов пропускать через руки конструкторов, чертежников и рабочих. У Уолтера теперь не было никаких проблем, кроме избытка свободного времени. А поскольку он всегда любил биржевую игру, скупать и продавать акции, он стал искать себе партнеров, которые были бы не прочь вступить вместе с ним в игру, и, конечно, нашел таких.

Как и на земле, он добился успеха и снова стал обладателем больших денег. Однако здесь богатство не принесло ему такого же восхищения окружающих и той же власти, как на земле. Все, что потребуется здесь, можно создавать непосредственно силой своего воображения. Все это породило в Уолтере чувство разочарования и беспокойства. Это чувство еще больше усилилось, когда он стал отдавать себе отчет, что любовь к нему матери — это собственническая любовь ребенка. Она была мать-ребенок, забавлявшаяся со своим малюткой: маленькая девочка играла со своей куклой.

И отец не так восхищался сыном, как прежде. Он был из тех, кто понимает бесполезность денег там, где они не нужны. Так постепенно Уолтер вынужден был понять, что в духовном отношении он не много значит. Пренебрежительное отношение отца и удручающая навязчивость матери приводят Уолтера в бессильную ярость. Он чувствует, что ему надо выбираться из этого состояния. Вопрос только, куда ему деваться. Его тянет к былым дням захватывающей игры на бирже, туда, где на него смотрели с восхищением. Он ощутил то, что здесь называется «тягой земли, тягой к рождению». Он вернулся во вторую стадию бытия и снова пересмотрел свое прошлое. Там он принял решение возвратиться на первую ступень, в сферу земной жизни. Ему, как только будут найдены подходящие в этом случае родители, предстоит снова родиться на свет ребенком и разобраться в том, что он сможет получить из дальнейшего земного опыта.

У Уолтера был брат, по имени Мартин; он был убит на войне задолго до смерти Уолтера. Была и сестра Мери, умершая в молодом возрасте. У Мери и Мартина кругозор был гораздо шире, чем у Уолтера и родителей. Благодаря тому что оба сумели иначе вести свою жизнь на земле,

они смогли выйти за пределы узкого круга интересов семьи, в них пробудилось чувство любви к людям и своей общности со всем человечеством.

Они также после пребывания во второй стадии бытия вернулись в созданное воображением окружение их старого родного города и радовались воссоединению со своей семьей. Но они были на этом уровне бытия недолго. Они быстро увидели всю ограниченность домашнего хозяйства и бизнеса, как бы это приятно ни выглядело и ни идеализировалось. Они тянулись не к возвращению на землю, а к жизни на более высоком уровне сознания, в совершенно новых измерениях. Таким образом, они перешли в бытие в *плоскости цвета*, или *Эйдосе*.

В конце концов, расставшись со всеми детьми, и отец с матерью стали задумываться над переоценкой своего существования в обстановке старого родного городка. Мать, ощущающая тягу к земле из-за своей привязанности к Уолтеру, вернется в будущем в земную жизнь новорожденным ребенком. Там, живя жизнью более осознанной и щедрой, она восполнит тот ущерб, который прежде нанесла своей собственнической одержимостью. Отец колебался, не имея желания возвращаться на землю. Наконец, со скрытой помощью Мартина из сферы «Эйдоса» он был выведен на путь, ведущий к более высокому уровню сознания.

Не все на третьей ступени бытия, говорит Майерс, отдает таким «домоседством», как в случае с описанной семьей. Особый интерес может представить тенденция создавать взамен семейных структур группы, объединенные общими интересами и занятиями: искусством, религией, ремеслом, вообще едва ли не любого рода деятельностью. Поскольку общение друг с другом здесь осуществляется непосредственно телепатически, то не существует и никаких языковых барьеров. А поскольку все увлеченные люди никогда не бывали в плену у своего времени, в плену вкусов и представлений своего столетия, то и бывшая принадлежность общающихся к разным эпохам не имеет большого значения. Таким образом, здесь вполне возможно, чтобы личность оказалась в такой группе, в которую входят представители разных веков и народов.

Но хотя личность может задерживаться на третьей стадии бытия на время жизни целых поколений, выбор в конце концов должен быть сделан ею здесь: личность ^аибо возвращается на землю, либо поднимается на четвертую ступень бытия. Перед тем, однако, как покинуть

эту сферу жизни, наиболее деятельные души имеют возможность познакомиться с одним из величайших чудес этого уровня сознания — совершить путешествие по тому или иному разделу *«Великой Памяти»*. Подобно тому как любой из нас может пойти в фильмотеку и посмотреть хронику важных событий, происходивших в мире и заснятых на фото пленку со времени изобретения кинокамеры, так и на третьей ступени бытия можно увидеть в «оригинале» любые выбранные по желанию события с самого начала существования человека. Все, что когда-либо происходило на земле, сохраняется в космической памяти.

«Я достигал только *Эйдоса*, четвертого уровня, — писал Майерс рукой мисс Камминс, —...так что мои знания неизбежно ограничены». Здесь, так же как и в земной жизни, он видит себя «исследователем» действительной природы человека, Вселенной и отношений между ними. Его ясная и сознательная цель — проникнуть как можно глубже в раскрывающиеся перед ним тайны бытия, а затем послать в земную жизнь сообщения о новых открытиях «коллективному разуму человечества». Шаг за шагом он ведет нас за собой и показывает, как совершается космический процесс. Человеческая личность, неуклонно идущая к новым горизонтам восприятия и понимания, с каждым шагом вперед будет все шире и глубже осознавать и осваивать просторы творщей Вселенной.

Складывается впечатление, что цель Создателя — «принять в дело» в качестве своего рода «младших партнеров» как можно больше способных быть ими. Как только пережитый земной опыт будет в полной мере постигнут и усвоен личностью — либо в одной жизни, либо после повторных возвращений в первую сферу бытия, либо в результате обмена постигнутым с другими душами на третьем уровне бытия, — кандидат может проследовать далее, в сферы бытия, не достигаемые для земного разума. «Если вы становитесь душой интеллектуально и этически развитой, — пишет Майерс, — вы захотите идти вверх, захотите подняться по лестнице сознания. В большинстве случаев тяга к физическому существованию и возвращению на землю выгорает дотла».

Во всех своих экскурсах Майерс подчеркивает, что то, о чем он рассказывает, есть действительный опыт существования человеческой личности в других формах бытия, а не простое теоретизирование на этот счет.

«Здесь, в четвертой сфере бытия, следует освободиться от всех застывших интеллектуальных структур и догм, будь они научными, религиозными или философскими». Майерс так настаивает на этом положении, что дает такое дополнительное название четвертой плоскости бытия — «разрушение образа». Находясь теперь в *плоскости цвета*, Майерс с трудом пытается подобрать слова из нашего земного языка, чтобы описать, что он испытывает: «Человек не может вообразить или представить себе новый звук, новый цвет или такое ощущение, которое ему никогда еще не приходилось испытывать. Он не может составить себе какое-либо представление о бесконечном разнообразии звуков, цветов и ощущений, которые мы узнаем здесь, в четвертой сфере жизни».

И тем не менее он сообщает нам о некоторых ее свойствах. Потребности физического тела и представления в земных формах благодаря своему долгому воздействию еще сохраняются в памяти личности, но уже отодвинуты далеко назад. Новый интеллект и дух с более высоким энергетическим потенциалом получают гораздо больше простора и свободы в своей деятельности. Эта новая энергия требует и нового тела, она его и создает. Это тело смутно напоминает его прежнюю земную форму, оно — лучезарное и красивое и лучше подходит для своего нового назначения. Майерс продолжает:

«Здесь растут цветы, но неизвестных вам форм и изысканных тонов, излучающие свет. Такого цвета и света нет ни в одной земной гамме. Мы выражаем свои представления о них телепатически, а не словесно. Слова "здесь для нас устарели. Душа на этом уровне сознания должна бороться и трудиться, знать печаль, но не земную печаль. Знать экстаз, но не земной экстаз. Разум находит для себя более непосредственное выражение: мы можем слышать мысли других душ. Опыт четвертой стадии бытия ведет душу к границами сверхземного региона».

На этой плоскости, говорит Майерс, все невообразимо более интенсивно, заряжено более высокой энергией. Сознание здесь непрерывно, сон более не нужен. Опыт, получаемый здесь личностью, «неописуемо» более интенсивен. Здесь существуют не только любовь, истина, красота, но также и враждебность, ненависть и гнев. «Враждебная личность мощным направленным излучением мысли может частично разрушить или повредить ваше тело, созданное из света и цвета. Необходимо

научиться посылать встречные защитные лучи. Если на земле у вас был враг, мужчина или женщина, и вы ненавидели друг друга, то старая эмоциональная память просыпается и здесь при встрече. Любовь и ненависть неизбежно влекут вас и здесь друг к другу, и это принимает те формы, которые вы сами определяете».

Основная работа души в этой сфере бытия — дальнейшее понимание того, каким образом разум контролирует энергию и жизненную силу, из которых возникают все внешние проявления бытия. Здесь личность свободна от тяжелых механических земных ограничений. «Стоит мне только сконцентрировать мысль на какое-то мгновение, — говорит Майерс, — и я могу создать некое подобие себя, послать это подобие себя через огромные расстояния нашего мира к другу, то есть к тому, кто как бы настроен со мной на одну волну. Через мгновение и я появлюсь перед этим моим другом, хотя сам и продолжаю находиться далеко от него. Мой «двойник» разговаривает с другом — не забывайте, говорит мысленно, обходясь без слов. Однако все это время я контролирую все его действия, находясь на огромном расстоянии от него. Как только беседа завершается, я перестаю питать энергией собственной мысли этот свой образ, и он исчезает».

Поскольку Майерс в то время, когда он посылал свои сообщения, выше четвертого уровня бытия *не восходил, его рассказы о более высоких сферах сознания менее подробны и более умозрительны. Но, кажется, он почерпнул достаточно много из существующих в его сфере представлений об уровнях высшего порядка, чтобы с некоторой уверенностью обрисовать в общих чертах дальнейшее восхождение.

Для перехода с каждой ступени на более высокую необходим новый опыт смерти и новое рождение. Предполагается, что на четвертом уровне бытия напряженно приобретаемый опыт «глубокого отчаяния и непостижимого блаженства» выжигает в человеческой душе последние остатки стесняющей ее мелочности и земной суеты, полностью и окончательно освобождает душу от власти Земли. Дух человека теперь способен к испытанию космических пространств за пределами нашей планеты.

На пятой ступени бытия личность обладает телом из пламени, это позволяет ей путешествовать по звездным мирам, не опасаясь ни любых температур, ни стихийных космических сил, и возвращаться с новыми знаниями о

дальних пределах Вселенной. Шестая плоскость — это *плоскость света*. Личности здесь — зрелые души, прошедшие осознанно весь предшествующий путь и достигшие понимания всех аспектов созданной Вселенной. Майерс называет этот уровень бытия также «плоскостью Белого Света» и дает ей еще дополнительное название — «Чистый Разум». Души, существующие в этой плоскости бытия, он описывает следующим образом:

«Они несут с собой мудрость форм, неисчислимы тайны мудрости, приобретенные через самоограничение, снятые как урожай бесчисленных лет в мирадах жизненных форм... Они способны теперь жить вне какой-либо формы, существуя как белый свет в чистой мысли их создателя. Они присоединились к бессмертным... достигли конечной цели эволюции сознания».

Седьмая, и последняя, ступень, на которой душа воссоединяется с Богом, как бы «становится полным его партнером», — за пределом словесных возможностей Майерса. Она «не поддается никакому описанию; абсолютно безнадежно пытаться это сделать».

Майерс знал, что высшие сферы сознания недоступны пониманию среднего, живущего на земле человека, — исключением могут быть лишь вспышки интуиции. Однако Майерс подробно рассказывает об этих мирах, лежащих за пределами досягаемости для нашего земного разума, я полагаю, только для того, чтобы дать нам понять, что такие миры есть, что они действительно существуют. Они действительно достижимы как для нас самих, так и для наших близких, если только мы будем хотеть достичь их достаточно сильно. Майерс хотел, чтобы человеческий разум раз и навсегда освободился от всякого страха перед смертью, хотел уверить нас в том, что смерти в действительности нет — есть только изменения в форме сознания.

Как медиуму-практику мне приходилось иметь дело главным образом с теми сферами, которые Майерс обозначает как вторую и третью плоскости бытия. Лишь иногда в спиритических сеансах, в которых использовались мои способности посредника, затрагивались ¹⁶гшие сферы развития духа. Об этих случаях я уже писал. Здесь я веду весь о тех аспектах жизни ¹⁷а смертью, которые проявляют себя чаще всего и наиболее понятны ¹⁸Реднему человеку, то есть о второй и третьей ступенях ¹⁹изни после смерти. Майерс дает нам здесь столь

много, что я считаю: нам следует обратить больше внимания на то, что он рассказывает о жизни и смерти из наиболее близкого нашему земному опыту.

Хотя вспышки духовного света и могут иногда на короткое время озарять потемки, в которых находится разум среднего человека, все-таки в проблеме жизни после смерти чаще всего его внимание привлекает только сам непосредственный переход от жизни к смерти и затем — в третью сферу бытия. Очень многие «средние» души с большой готовностью остаются на третьей ступени развития очень долгое время — иногда на многие столетия, — считая, что это и есть подлинное царствие небесное, и не прилагая никаких усилий к своему дальнейшему развитию.

Если мы вспомним, что именно сообщал нам Майерс через мисс Камминс в начале 30-х годов, мы будем удивлены тем, как злободневно звучит сегодня многое из сказанного им тогда. Демографический взрыв, загрязнение окружающей среды, тайная подготовка войны военными-промышленными кругами, подавление человеческого духа индустрией и политикой, «сверхпривязанность» человека к земным благам (эти темы сегодня в центре внимания наиболее вдумчивой и серьезной современной прессы) — обо всем этом самым серьезным образом предупреждал нас Майерс еще целое поколение тому назад.

Обычно (и ошибочно) полагают, что люди, перешедшие в потусторонний мир, приобретают способность предсказывать будущее. Однако хотя они и не могут предсказывать события, но в состоянии различать тенденции их развития, а это несколько другое. *«Ни обному человеку не дано полностью знать тайны грядущего, — писал Майерс. — Но мы, души, обитающие в... Эйдосе, смутно улавливаем направленность человеческой мысли и поэтому в состоянии предчувствовать, что человек сделает в недалеком будущем»*. Ясное прослеживание этих тенденций глубоко заботит Майерса: «Я прошу сегодня всех живущих на земле людей, мужчин и женщин, отделить в своем сознании человеческое существо от машин и жизнь — от золота. В неутомимом и непрерывном скрежете зубчатых передач и вращающихся без остановки колес, производящих вам так называемую цивилизацию, так мало досуга и покоя для тишины или философских размышлений, из которых рождается здание. Какая мрачная судьба может ждать детей завтрашнего дня, если их сознание не пробудится и они

тоже окажутся в жесткой хватке этого создания без души — машины, этого последнего и завершенного воплощения бога материализма».

Майерс указывает на опасность необузданных националистических чувств, раскалывающих человечество на ненавидящие друг друга и друг друга страшящиеся национальные группы. Это задерживает осознание той истины, что человечество представляет собой единое целое и его проблемы не могут быть разрешены иначе, чем его объединенными усилиями. «Нации могут скатиться в пропасть войны или порождать и рассеивать нищету и несчастья благодаря многомиллионному приросту населения». Об окружающей среде: «Ни красота, ни здоровье не могут выжить и расцвести, когда нации уничтожают нации и машины разрушают машины». Машинное мышление представляет опасность для развития духовных сил человека. «Механизм без души должен быть слугой, а не господином мыслящего человеческого существа. Мир должен видеть идеал не в количестве, а в качестве».

Люди часто спрашивали меня о «статусе» самоубийцы в потустороннем мире. Взгляд Майерса на самоубийство более практический, чем моралистический. Крайне негативное, угнетенное душевное состояние самоубийцы в момент акта саморазрушения переносится и в потусторонний мир, ставя самоубийцу в чрезвычайно трудное положение в отношении приспособления к новой жизни. Раз за разом пробуждаясь, приходя в себя в стадии перехода к жизни после смерти, самоубийца не может понять, что он уже перешел в другой мир. Он может впасть в полную панику, обнаружив, что больше не в состоянии управлять своим физическим телом. Наконец, в полной мере осознав, что он сам убил себя, он может глубоко сожалеть о содеянном, как это и было в случае с сыном епископа Джеймса Пайка, в котором я смог оказать некоторую помощь.

Молодой Пайк покончил с собой из-за пристрастия к разрушительному наркотику ЛСД. Обнаружив, в какое тяжелое положение он себя поставил, сын епископа пришел в отчаяние. Он принялся проделывать все, что обычно считается эффектом полтергейста, — разбивал «Ши, приводил в беспорядок одежду, передвигал предметы, загибал и разбрасывал булавки, переставлял и "ереклаывал книги, которые могли бы привлечь к памяти о нем, — все это с единственной целью позвать

на помощь в своей беде. Епископ наконец понял, в чем дело, и стал искать помощи у медиумов, в том числе и у меня. Так стал известен печальный рассказ юноши о своей участи, и были приведены в движение силы, которые могли ему помочь.

«Тревожное чувство, ведущее самоубийцу к самоубийству, — писал Майерс из иного мира через мисс Камминс, — окутывало его, словно облако, из которого мы долгое время не можем его освободить. Его эмоции и мысли, весь настрой его ума создают барьер, который только он сам может преодолеть собственными напряженными усилиями, мужественным самоконтролем и прежде всего тем, что изо всех сил своей души призовет высшие существа помочь ему и освободить».

«Внезапная смерть», упоминаемая в знаменитой молитве и настолько обычная для нашего времени войн и автомобильных катастроф, — еще одна тема, вызывающая множество вопросов, и снова Майерс выражает практичность. Сложности, создаваемые внезапной смертью, говорит он, кроются главным образом в том, что у души не было времени подготовиться к переходу. Душа человека, погибшего внезапно в расцвете сил, какое-то время может блуждать среди сцен земной жизни, прежде чем осознает свою новую ситуацию. В этом состоянии душа его не скоро начинает понимать необходимость помощи со стороны других бесплотных индивидов в ее собственном приспособлении к новой жизни и потому долго не прибегает к их услугам. Однако, как показывает мой собственный опыт медиума, во многих случаях переход в потусторонний мир после внезапной смерти происходит без больших отклонений от нормы и довольно спокойно. Нормальный переход, — говорит Майерс, — это простое и спокойное погружение в приятный, а иногда и блаженный, восстанавливающий силы сон. В течение этого периода астральное тело — этот излучающий свет «двойник», который сопровождает наше физическое тело с эмбрионального состояния и который ясно виден людям, одаренным парапсихическими способностями наблюдать ауру, — отделяется.

Это отделившееся от земных останков тело, хотя и первоначально пребывает в состоянии сна, живо, как и прежде, но только теперь существует исключительно в диапазоне волн астральных тел. В этот период отдыха могут приходить сны с воспоминаниями о земной жизни.

После пробуждения душу обычно встречают и приветствуют друзья, бывшие коллеги и родственники, совершившие ранее свой переход в иной мир.

Майерс не выражал неодобрения в отношении использования лекарств или наркотиков, ускоряющих кончину и переход в другой мир неизлечимо больных пациентов, хотя, по его мнению, для такого перехода необходимо отвести несколько дней. «В этих обстоятельствах милосердный врач имеет полное право на то, что закон до сих пор рассматривает как убийство». Медицина добьется гораздо большего в понимании болезней, говорит Майерс, когда врачи начнут видеть связь между физическим телом и душой человека.

Какое влияние оказывает повреждение мозга или развившееся старческое слабоумие на потустороннюю жизнь личности? Здесь Майерс напоминает нам о том, что «двойник», или астральное тело, носитель личности после физической смерти, пребывает с нами с момента зачатия. Все, что познало в жизни физическое тело, познало и астральное. Повреждение мозга, говорит Майерс, делает индивида «неспособным проявить свой интеллект в видимом человеческом мире. Но личность его интеллектуально жива, она существует... и после смерти душа находит свой центр фундаментальной памяти в астральном теле... Он или она здесь стоят от вас лишь несколько в стороне, но вовсе не нуждаются в вашей жалости».

Много рассуждений было о том, каким образом тело поддерживает свое существование без пищи. Майерс объясняет это так: «Эфирная жизнь получает свою „пищу“ космическими лучами, которые так великолепно освещают все вокруг нас и каким-то непонятным для меня образом поддерживают жизнь наших тел». Были, однако, и в земной жизни такие случаи (например, знаменитая немецкая женщина-мистик — Тереза Нойманн или известная своей святой жизнью индийская жинщина, которую звали Йогананда), когда люди могли Усваивать, излучения вместо нашей обычной пищи. В течение многих лет они обходились без земной пищи; ^к к это им удавалось, неизвестно даже таким далеко Ушедшим в своем развитии душам, как Йогананда.

Майерс высказал мнение, что на других планетах УЩествует жизнь, подобная нашей. Он говорит, что еспособность наших органов чувств и приборов обнаружить ее нельзя считать доказательством ее отсутствия.

Мы осознаем, говорит Майерс, только волны той длины или частоты, на которые настроены наши «приемные устройства». Так, при приеме электромагнитных волн радиоприемник или телевизор, настроенные на определенную вещательную станцию, не будут регистрировать неподалеку и посылающей мощный сигнал.

Майерс особо подчеркивает, что *все миры занимают одно и то же пространство*. Наша неспособность постигать что-либо иное помимо земных явлений ни в коей мере не меняет того факта, что сверхземные, космические и духовные процессы поразительной интенсивности всегда совершались и совершаются сейчас вокруг нас.

ПОТУСТОРОННИЙ МИР ВЗЫВАЕТ К НАУКЕ.

БЕТТИ И ДЖОАН

На одном из моих сеансов в 50-х годах в ответ на настойчивые вопросы одного из присутствующих о природе сознания в потустороннем мире пожелала заговорить бесплотная личность, назвавшая себя Рут Файнли. Миссис Файнли в течение семи сеансов передавала *послания*, содержащие специальные ответы именно на эти вопросы. Затем однажды она сделала тщательно подготовленное сообщение о технике транса — так называв: мы состояние медиума во время сеанса.

Мы должны отдавать себе отчет, сказала она, каждый индивид представляет собой энергетический комплекс, включающий в себя физическое тело и ментально-эмоциональное тело. Физическое тело состоит из одного рода энергии относительно низкой частоты. И в пределах этого частотного диапазона различные органы тела — сердце, печень, мозг — имеют свою частоту колебаний их тканей. Эта устойчивая индивидуальная структура энергий физического порядка (физическое тело) целиком пронизана другой энергетической структурой ментально-эмоциональным телом, вибрирующим на *а* вершенно других частотах и сложенным из энергий более высокого порядка. Его обычно называют *бета-телом*, или *астральным телом*. Эти тонкие уровни энергии н затрагиваются смертью. Когда колебания физическо^а уровня прекращаются, бета-тело — душа — отделяется

переходит в свою собственную среду, в более свободное пространство более интенсивных энергий ничем не стесненной Вселенной.

Вообще все в мире, разъясняла миссис Файнли, представляет собой ту или иную форму энергии. Наш природный мир полон примеров различных форм энергии, сосуществующих вместе в одном и том же теле: тепло — свет — в очаге; электричество — тепло — свет — в электрической лампочке; электромагнетизм — механическое движение — инерция — в электромоторе и т. д. Проведем земную параллель с электричеством: здесь первичная энергия — электричество; во Вселенной в целом первичная энергия — сознание, под чьим контролем и управлением находятся все другие виды и формы энергии. Хотя все обособленные, составляющие отдельное целое, структуры сознания имеют свои частоты, или ритмы колебаний, более тонкие, чем те, которые могут восприниматься нашими пятью основными чувствами, они все-таки отличаются друг от друга по частоте в пределах определенного диапазона. Все радиоволны имеют частоты, отличные от тепловых волн, но каждая отдельная радиостанция занимает свое особое место в диапазоне радиочастот. Подобным же образом бета-тела имеют свои частотные характеристики, и этот факт крайне важен для понимания ментальной механики состояния транса, в который входит проводящий сеанс медиум.

В обычной земной жизни, сказала миссис Файнли (моими голосовыми связками, конечно, когда я находился в состоянии транса), ментально- или умственно-эмоциональная и физико-клеточная энергии находятся в постоянном взаимодействии. Поэтому, если ментально-эмоциональное тело медиума (бета-тело, или астральное тело) желает отделиться от физического на какое-то время, тогда какое-нибудь другое эмоциональное тело, приблизительно подходящим чистотно-энергетическим Рисунком, должно вступить во взаимодействие с физическим телом медиума, чтобы его нормальное состояние поддерживалось. Таким образом, бесплотная, скончавшаяся в земной жизни личность на какое-то время становится физически физически живым индивидом, делившимся, хотя и не полностью, в живое тело другого человека. Итак, говорила Рут Файнли, в эти минуты на самом деле «мертв именно Форд, а его физическое тело занял Флетчер. Однако такое замещение не может быть о^а оянным, даже если бы Форд этого и пожелал».

Несмотря на то что сообщение Рут Файнли и содержало некоторые новые аналогии и новую информацию, оно ничего принципиально существенного не добавило к тому, что уже было известно о природе связи в состоянии транса. Меня, когда я обо всем этом услышал от других участников моих сеансов, в основном и поразило не столько то, что было сказано, а то, кто именно это говорил.

Двадцатый век, как и любое другое столетие, дает нам бесчисленные примеры ушедших из земной жизни, «возвратившихся» к общению с нами личностей, которые через медиумов делают для нас свои сообщения о сути и качестве жизни *за* смертью. Однако эти сообщения далеко не равноценны. Мы располагаем очень немногими такого рода материалами, которые могли бы сравниться с сообщениями Фредерика Майерса по своей последовательности и взаимосвязанности, единству логики, тщательности описаний и убедительности.

Та же Рут Файнли принимала прямое участие в одной из серий хорошо документированных сеансов, которые во всех отношениях вполне сравнимы по своим достоинствам с серией посланий Майерса. И эта серия с ее участием была, по сути, дополнением к сообщениям Майерса. Если Майерс очертил полный диапазон сознания от рождения человека до вечности, то сообщения Рут Файнли были сосредоточены на описании энергетической механики небольшой части спектра жизни *за* смертью — «третьего уровня бытия», по Майерсу. Тем самым Рут Файнли оказала важную услугу в завершении этого исторического по своему значению парапсихологического исследования.

В земной жизни миссис Файнли была во всех отношениях женщиной необычной. Рут Эбrait (так звали ее до замужества) родилась в Акроне, штат Огайо, училась в Оберлинском колледже и университете Акрона, затем переехала в Кливленд, где стала работать в газете. Там она встретила Эмита Файнли — юриста, занявшегося журналистикой, — и вышла за него замуж. Рут долгое время работала журналистом и активно участвовала в общественной жизни. Начав как редактор страницы доС женщин в «Кливленд пресс», она была затем редактором литературных материалов в газетно-журнальном концерне Скриппса — Говарда, заместителем главного редактора вашингтонской «Геральд» и, наконец, редактор публикаций для женщин газетного синдиката. Пере

на журнальную работу, Рут была соредактором «Макколз мэгэзин», затем редактировала политическое обозрение для женщин. Она входила в координационный комитет Национальной федерации организаций женщин, занятых в бизнесе и имеющих квалификацию специалистов, являлась одним из попечителей местной публичной библиотеки. Ей принадлежат две книги об Америке и американской истории и бесчисленные газетные и журнальные статьи. Помимо этого она была (анонимно) автором популярнейшей в 20-х годах книги, посвященной парапсихологическому феномену, «Наш невидимый гость». Миссис Файнли, или «Джоан из тандема „Дарби и Джоан“», о которой речь пойдет ниже, была одним из самых талантливых трансмедиумов XX века. Однако она настолько хорошо скрывала свой дар, что о нем не подозревали даже ее ближайшие друзья! Причины такой скрытности очевидны. Миссис Файнли, хорошо знающий жизнь журналист-практик, прекрасно понимала, что мы живем в век жестокого и лицемерного материализма. Она делилась своим даром только с теми, кто был способен это оценить.

Среди таких ее друзей были Стюарт Эдвард Уайт и его жена Элизабет Грант Уайт (*Бетти*), которая тоже могла бы порассказать кое о чем почти невозможном (по материалистическим стандартам, конечно). Уайт был натуралистом, много путешествовал по миру, стал автором сорока с лишним книг о наблюдениях природы во всех частях света. Он закончил Мичиганский университет со степенью бакалавра и магистра и получил также юридическое образование в Колумбийском университете. Когда Уайт не путешествовал, он жил с женой в Берлингеме, штат Калифорния. «До 17 марта 1919 года, — писал Уайт, — я очень мало обращал внимания на все оккультное. Если бы меня попросили высказаться на этот счет, я, полагаю, занял бы скептическую позицию. Я ведь знал, что спиритуализм был „разоблачен“».

В тот день, 17 марта 1919 года, к ним в гости зашли Друзья и принесли с собой модную игрушку — спиритическую доску, на которой все были тогда помешаны. «Всем было весело, мы подтрунивали друг над другом, — рассказывает Уайт, — но только поначалу». Неожиданно игра с доской приняла серьезный оборот. Доска вдруг словно ожила, стала точной, резкой и деловой. «Почему вы задаете глупые вопросы?» — «простучала» доска, сразу отрезвив собравшихся. Затем она вновь и вновь стала

обозначать имя «Бетти». Миссис Уайт, которая лишь вначале и с некоторой брезгливостью принимала участие в испытании доски, а потом покинула играющих, теперь решила, что ее просто хотят заманить обратно, и не хотела возвращаться.

В конце концов она согласилась, и, как только ее пальцы коснулись доски, та отреагировала очень живо. «Возьми карандаш, возьми карандаш», — «выстукивала» доска снова и снова. Миссис Уайт уже слышала об *автоматическом письме* медиумов, через несколько дней она действительно «взялась за карандаш» и, склонившись над листом бумаги, привела себя в состояние бездумного забытья. Карандаш пришел в движение так же, как и спиритическая доска. Она рассказала об этом мужу и показала ему, что у нее получается.

Теперь у самого Уайта появился интерес к этому делу. Он стал помогать жене, подкладывая ей под руку чистые листы и убирая исписанные, делая необходимые пометки и всячески поощряя Бетти. Сама Бетти совершенно не имела никакого понятия о том, что она пишет. Слова сначала приходили медленно. Не соблюдалось ни пунктуации, ни абзацев, не было заглавных букв — все слова писались слитно. Скорость письма постепенно возрастала и через несколько недель стала весьма высокой. У самого Уайта появилось чувство глубокого уважения к тому, кто сообщал информацию, — кем бы или чем бы он ни был. Содержание написанного никогда не было глупостью, и «автор» его не давал вовлечь себя ни в какие дурачества. Была теперь названа им и его основная цель: подготовить сознание Бетти для того, чтобы она могла принимать и передавать важную информацию.

В сентябре, почти шесть месяцев спустя, «писатель» сообщил Уайтам, что связь скоро прекратится. Вскоре так и произошло. К этому времени муж был глубоко заинтригован всем происшедшим. Он знал, что *автоматическое письмо* могло быть работой собственного подсознания Бетти. Он также осознавал и возможность того, что оно могло исходить от скончавшегося и ныне бесплотного человека. Для Уайта это не имело большого значения: он понимал, что Бетти тем или иным образом, в целом еще не понятным, затронула некий уровень осознанности, обычно не доступный людям. Материал этот был ценен сам по себе и стоил хлопот.

Уайты проявили настойчивость. Вскоре во время деловой поездки Уайт прочел книгу под названием «Наш

невидимый гость», в которой рассказывалось об опыте спиритического транса. Когда он вернулся домой, они договорились с Бетти попробовать этот метод. Бетти легко достигла состояния транса. «Она как бы провалилась в некое освобожденное, или двойное, сознание и стала передавать свои впечатления. Она говорила сначала запинаясь и останавливаясь, ее фразы были отрывочными, как если бы она испытывала огромные затруднения. Очевидно, это происходило потому, что ей приходилось совмещать сразу два уровня сознания. Ее нормальное обычное, с помощью которого она говорила, казалось, было подчиненным, ее же подлинное сознание погружалось в нечто более глубокое, и с этого уровня передавались сами сообщения.

Сначала все шло чрезвычайно медленно, рассказывал Уайт. На несколько коротеньких предложений иногда уходил целый час. Но терпение вскоре было вознаграждено. В конце концов Бетти стала так быстро передавать сообщения из этого состояния «более глубокого сознания», что Уайт, обладавший хорошим навыком стенографии, иной раз едва поспевал за ней.

Через полтора года у них уже было 400 страниц заметок, отпечатанных на машинке. К этому времени они оба уже были полностью убеждены в том, что имеют дело с ярко выраженными и целеустремленными «внешними» интеллектами и что они сами участвуют в осуществлении некоего важного замысла, предпринятого этими носителями разума. Уайты назвали их *Невидимками*. Целью их было составить с помощью миссис Уайт нечто вроде «букваря потустороннего мира» для подготовки людей к их неизбежному путешествию «в новую страну». Уайт опубликовал эти записи под названием «Книга Бетти» в 1937 году.

Сначала *Невидимки* резко выговорили Уайтам за их просьбы рассказать о мире, в котором они живут: «Вы еще недостаточно много знаете, чтобы понять наш мир». Несмотря на это, Бетти удалось во время «пробных» путешествий ее глубинного сознания в эту иную сферу сделать некоторые собственные наблюдения и передать их. В одном случае она отмечала, что это «гораздо более просторное и более прекрасное место». В другой раз она сообщила, что с ней там обращаются точно так, как у нас принято обращаться с новорожденным ребенком.

«Образование» Бетти тем временем продвигалось вперед. Трагедия эпохи материализма получила такое

описание: «Вы лишили силы слово „Бог“. Мир стал стыдиться духа. Он умерщвляет его, как в свое время аскеты умерщвляли плоть... Приветствуйте и принимайте все естественные человеческие инстинкты, весь вкус жизни, но пусть все это будет пропитано жизненной силой духа».

Прогресс подразумевает действие: «Одно лишь интеллектуальное признание истины — это нечто отторгнутое от сути, не взаимосвязанное с ней... не проявляет себя в действии. Только благодаря своей решимости и вере вы сможете стронуться с места». Первый шаг должен быть сделан с земной стороны, затем «мы сможем использовать в дело то, чем вы бессознательно обладаете», и ответить на усилия живущих.

«Я смутно ощущаю, что вокруг меня люди, — сказала однажды Бетти, — так же, как чувствуешь присутствие других людей в темной комнате. Понятие ауры вполне реально... так вы проходите мимо костра и ощущаете его тепловую ауру; точно так же аура обрамляет тело человека и ощущается в определенном радиусе вокруг него». Во время одного из ее «путешествий по ту сторону мира» Бетти настолько сильно захотелось узнать, как там питаются люди, что у нее самой возникло острое желание подкрепиться. «Мне нужно питание! Это инстинкт того, что растет. Любопытно, как вы питаетесь; кажется, вы ничего не принимаете в себя и ничего не выделяете. Как будто здесь существуют атомы энергии и вы просто впитываете их, присоединяете к своей субстанции. Как вы это делаете, я не понимаю».

В этот момент в разговор вмешался один из *Невидимок*: «На то, чтобы построить свою субстанцию, нужно время. Придет и ваш день, вы сами окажетесь здесь и начнете жить здесь так же, как все». На вопрос, видят ли нас в нашей земной жизни, последовал ответ: «Мы не можем видеть вас так, как вы сами себя видите: у нас нет ваших физических глаз. Наши глаза видят тела другого рода, видят долговечное неосязаемое, то, что вы называете духовным. Только с большим напряжением мы можем видеть материальное».

В потустороннем мире, как во сне, можно в мгновение ока перемещаться из одного места в другое без помощи собственного тела, не совершая никаких обременительных движений. «Вообразите, что вы можете не только разговаривать, но и видеть „по телефону“, — сказал один из *Невидимок*, — вы разговариваете с кем-то и в то же

время действительно находитесь там же, где и тот, с кем вы общаетесь. Может, это даст вам хоть какое-нибудь приблизительное представление, что значит войти в сферу более широкого сознания?» Бетти прокомментировала это так: «Кажется, здесь существует какая-то непосредственная сила, которая беспрепятственно переносит интеллект одной личности к другой».

Дан был и такой совет в отношении молитвы: «Молитва — это сосредоточение лучшей части самого себя и предложение ее для союза с высшими силами... Слабая молитва не выполняет своего назначения, поскольку она зовет высшее сойти вниз, а не поднимает человека навстречу высшему... Она мало что значит, если не вызывает в вас того, что расширяет вашу способность принимать эти высшие силы и сливаться с ними. Молитва — это проявление вашего духовного существа, сознательное сосредоточение вашего высшего «я». Изливая свою душу в молитве, вы обнажаете ее и остаетесь лицом к лицу со своей собственной сущностью. Молитва как бы просвечивает вас насквозь, словно рентгеновские лучи, — и это по-настоящему так и происходит. Действительно, надо сначала погрузиться в бездну, чтобы потом нам было дано вознестись духом. Нет ничего обескураживающего в лицемерии своей обнаженной души. Молитва приносит вам великие чувства, это — кузница души». Бетти нашла, что молитва прибавляет сил: «Это прекрасная форма, величавый ритм... Я вбираю с ней в свое сердце всю красоту физического мира — все... цветущую пустыню, кристаллы льда, весь мир, который виден под увеличительным стеклом, звезды — всю физическую Вселенную, — все проявления всепобеждающей любви и разума... Все это я вбираю в себя в великом порыве, благоговения. Это мое подношение, это сконцентрированный жизненный опыт, возвращающийся к собственному источнику. Излившись в молитве, я затихаю. И мало-помалу обновленная жизнь снова входит в меня, заряжает меня новой жизненной силой, бодростью и стремлением исполнить все, что мне положено».

Что касается существования различных уровней сознания, *Невидимки* подтвердили сообщения Майерса, хотя и уклонились от того, чтобы входить в большие подробности. «Вы все живете на земле на разных уровнях сознания. Каждому уровню принадлежат определенные преимущества. Вы живете в начальной сфере, на уровне

лишь забрезжившего восприятия. Это подобно восхождению вверх по лестнице. Каждую ступень надо пройти, прожить весь положенный этой ступени опыт полностью, до конца, прежде чем перейти на следующую».

Много места в этих трехсторонних беседах — в них участвовали Бетти в роли медиума, Невидимки и Уайт — отводилось чувству долга и ответственности. По мере того как человек все больше познает принципы духовного, для него становится все очевиднее, какие ужасные несчастья вызывает их непонимание людьми. Это побуждает его к служению этим принципам, к стремлению делиться своими духовными ценностями с другими людьми, чтобы помочь восстановить гармонию. Это требует изменения взглядов у иных людей, что сразу же вызывает их противостояние. Противостояние порождает противостояние, человек подвергается искушению втянуться в те же враждебные чувства, в то же ожесточенное соперничество, которые и были изначальной причиной утраты духовности и вели мир от одной катастрофы к другой. Проблема, таким образом, заключается в умении встречать взгляды и мнения, противоположные твоим собственным, не позволяя вовлечь себя в водоворот разрушительных эмоций, которые так часто порождаются при столкновении с противостоящими силами.

Невидимки охотно обращались к этой проблеме, рассматривая ее решение как краеугольный камень своих наставлений. «Вы не можете уклониться от столкновения, ведь тогда вы потерпите неудачу. И вы не можете оставаться равнодушными — это будет жестокостью, а значит, и духовным поражением. Хотя такое и заложено в человеческой природе, но не следует давать увлекать себя в вихрь враждебных эмоций — это только раздувает пожар».

В таком случае что же делать? Совет, предложенный *Невидимками*, таков: прежде всего соблюдай первый принцип, всегда поддерживай свое собственное духовное равновесие, сосредоточивая свое «я» на осознании высокого, на более высоком и полном представлении о Вселенной, которого вы достигли. «Вы ведь не сможете вытащить друга из трясины, если сами не будете иметь под собой твердой опоры?!» Сохраняя полностью собственное духовное равновесие, собственное сознание, работающее на более высоком уровне, человек может бороться чисто духовными средствами, чтобы пробудить в вашем оппоненте те же духовные силы, которые недавно про-

будились и в вас. Именно так, говорили *Невидимки*, можно предотвратить эмоциональные штормы противостояния и противоречий.

Итак, желание Бетти побольше узнать о жизни *за* смертью обернулось требованием к ней стать более действенной духовно в ее непосредственной земной жизни! Однако *Невидимки* не вполне игнорировали ее любопытство. После того как они разъяснили главное: «Сражайтесь за *людей*, не за победу!» — они ответили на желание Бетти, и весьма удивительным образом.

Здесь мы снова встречаемся с той же Рут Файнли, которая позже сыграет выдающуюся роль в разворачивающейся перед нами саге Стюарта и Бетти Уайт, а потом еще и в моей собственной практике медиума. Случилось так, что в 1922 году вместе оказались в Нью-Йорке восемь человек, все люди необычные, со всех концов страны и провели там весь январь. Среди них были супруги Гейнз, муж был журналистом, миссис Гейнз проявляла парапсихические свои способности в состоянии полутранса. Была чета Камеронов: супруга, Маргарет Камерон, написала книгу «Семь целей», в основу которой были положены ее сеансы *автоматического письма*. Книга ее пользовалась в то время большим успехом. Присутствовали там и мистер и миссис Файнли, рассказавшие, под именами Дарби и Джоан, о своих парапсихических находках в книге «Наш невидимый гость», вышедшей двумя годами ранее. Там были также Бетти и Стюарт Уайт. Эти восемь человек, знакомые *друг* другу лишь по установившейся репутации каждого, договорились встретиться и провести вместе одиннадцать сеансов. Результаты поразили их всех: никогда прежде каждый из них в отдельности такого не добивался.

Явления, наблюдавшиеся в этом случае, относились к категории «физических». Это-то и было самым Удивительным, поскольку все эти восемь человек работали, как и я сам, в рамках «ментального». На первом же сеансе задуманной серии «контролеры» медиумов взяли управление всем на себя и через медиумов Бетти и Джоан (миссис Файнли) заявили, что все эти сеансы будут подчинены одной четко определенной цели — «демонстрации бета-тела».

Если бы это эфирное тело, наблюдаемое до сих пор только людьми с парапсихическими способностями, могло бы стать доступным зрению обычных мужчин и женщин, ^о представило бы громадный интерес для исследований.

Это могло бы перекинуть мост между «здесь» и «там», сделать эту связь определенной и неоспоримой. Проявления этой связи происходили, конечно, еще с древних времен. Но скептицизм XX века отмечает все и вся, если он этого сам не видел, не чувствовал, не измерял. Более того, он относит на счет обмана, шарлатанства или неточных и искаженных данных любое сообщение, которое не вяжется с его материалистическими догмами. Но в данном случае сложилась почти идеальная для научного исследования ситуация. Все участники обладали хорошим социально-экономическим положением, имели прочную базу, созданную за счет тех способностей и достижений каждого из них, которые не были связаны с демонстрацией парапсихических способностей. Все они начинали как скептики, все прилагали большие усилия, чтобы скрыть свои парапсихические способности от огласки. Они ничего не могли выиграть благодаря обману во время сеанса или подтасовке в сообщениях.

Обрисовывая предполагаемые условия физического проявления парапсихического феномена, я ничуть не считаю себя при этом более авторитетным в этой области, чем другие мои коллеги-исследователи. Хотя я и был неоднократно свидетелем подобного, сам я таких демонстраций не произвожу. Вот традиционное и часто предлагаемое объяснение: в условиях земной жизни физическое тело всегда совмещено с бета-телом. Хотя бета-тело прежде всего ментально, эмоционально и духовно по своей природе, оно (согласно Майерсу) сохраняет некоторые сопутствующие физические свойства также на второй и третьей ступенях бытия. В отличие от физического тела, «составного» по своей сути (ухо или палец можно отрезать, но тело будет продолжать жить), бета-тело неделимо, оно «атомическое», целостное по своей природе. В земной жизни, на второй и третьей ступенях бытия бета-тело является вместилищем души — основы сознающего себя «я», настоящего «я»: При определенных специфических обстоятельствах бета-тело может отделиться от физического тела. Это составляет основу его проявлений «вне плоти», биолокации (люди уверенно наблюдают определенного человека, о котором достоверно известно, что физически он находится далеко, в других местах, как это было в случае с покойным итальянским монахом отцом Пио) и других подобных событий.

Бета-тело, являясь вместилищем души, может управлять различными ресурсами физического тела, когда это

потребуется и по своему выбору. В парапсихических опытах и исследованиях это известно под такими названиями, как «отбор энергии», «наращивание силы», «энергетическая посылка», «эктоплазма» и т. д. В этих исследованиях давно признается, что энергия разума и духа — в тех случаях, когда она достаточна, — управляет физической субстанцией. В земной жизни параллели этому мы видим часто, и они никого не должны удивлять. Ничто в деятельности человека не может произойти физически, если сперва не «произошло» в его уме; направляющее умственное действие всегда идет первым. Прежде чем будет построен мост, возведен дом или произведена определенная продукция, это должно возникнуть как воображаемая умозрительная структура.

Подобным же образом физические материалы могут перерабатываться по воле разума. Вчерашний разбитый бронзовый колокол можно перелить в бронзовую статую или новый звучный колокол. Вместе с тем известны и зарегистрированы как физические явления такие случаи, когда «разборка» и «сборка» материального объекта производились непосредственно, без помощи и участия посредников-исполнителей, если при этом использовались ресурсы необходимого рода и мощности. Это явление носит название *аппорт* и часто демонстрировалось. Предметы при этом разбираются на расстоянии без «физического контакта», переносятся в пространстве и вновь без «физического контакта» восстанавливаются в своем первоначальном виде на глазах участников сеанса.

Сеансы с участием Уайтов, Гейнзов, Файнли и Камеронов проводились под непосредственным управлением «с той стороны». Проводившие их экспериментаторы «с той стороны» называли себя Доктор, Стивен, Энн (известная также как леди Энн, шотландка, скончавшаяся в XVII веке, к которой ее бесплотные коллеги относились очень почитательно), а также Джо, это был «умерший» сын Гейнзов. Первоначально заявленная программа этой серии сеансов, к общему удовлетворению всех присутствующих, была полностью выполнена. Были продемонстрированы также и другие явления, не предусмотренные программой. Бета-тело Рут Файнли отделялось^{от} ее физического тела и стояло у всех на виду при свете дня; а в бледно-лиловом вечернем освещении оно было видно в виде люминесцирующего абриса. Экспериментаторы «с той стороны» сказали, что бета-тело^о обладает магнитной активностью и что его присутствие

вызывает падение температуры. Они предложили принести соответствующие приборы и с их помощью убедиться в этом. Так и сделали, и все сказанное подтвердилось.

В обширной литературе, рассказывающей о случаях пребывания астрального тела вне физического, часто упоминается *«серебряная нить»*, соединяющая бета-тело с физическим. В земном существовании, когда бета-тело отделяется от физического, они остаются соединенными некой *серебряной нитью*, настолько эластичной, что бета-тело может путешествовать по всей Вселенной и не разорвать эту нить. Со смертью физического тела, однако, *серебряная нить* обрывается, и бета-тело продолжает жить как носитель души и развиваться на втором, третьем, четвертом и более высоких уровнях бытия. При отделении бета-тела Джоан от ее физического тела эта серебряная нить была видна и осязаема. Это и есть та самая нить, о которой говорится в Библии: «...пока не оборвется серебряная нить».

На другом сеансе была продемонстрирована способность духовного разума рассредоточивать, перемещать и вновь собирать материю: неоднократно физическое тело Джоан полностью исчезало из поля зрения на тридцать секунд и дольше, а затем снова появлялось на прежнем месте в своем прежнем состоянии. Участникам сеансов были представлены портреты нескольких «умерших» и ныне существующих в «потустороннем мире» людей (это были не бета-тела, а рисунки, выполненные художником с помощью вещества, возможно того самого, светящегося, которое некоторые исследователи называют эктоплазмой). На одном из портретов был изображен отец Джоан, на другом — сын Гейнзов. Обоих можно было легко узнать.

В заключение бесплотные исследователи суммировали свое отношение к догматическому скептицизму, который так часто рядится в тогу науки. Здесь, в преодолении этого препятствия, в последнее время удалось добиться некоторого успеха. Так, явление магнетизма было продемонстрировано и сейчас повсеместно признано. Колебания температуры, сопровождающие сеансы, теперь всегда измеряются, и это тоже демонстрировалось. Однако те, кто руководил этой серией сеансов, еще не были готовы в полной мере к столкновению с догматическим скептицизмом. «Нет ничего удивительного в том, чтобы увидеть эти изображения или бета-тело, обнаженную

душу, но для науки это имеет ценность, — подытожил Джо Гейнз. — Ведь и в прошлом всегда были люди, которые могли все это делать, но опять-таки научных объяснений не было. Мы пока еще не готовы к работе с учеными».

В 1937 году Стюарт Уайт опубликовал рассказ об этих событиях в приложении к «Книге Бетти», где описал также и ранние годы деятельности своей жены в качестве медиума.

В апреле 1939 года Бетти умерла.

Стюарт и Бетти жили в браке 35 лет. Теперь у Стюарта были все причины, чтобы припомнить некоторые откровения о жизни *за* смертью, полученные в период одиннадцати нью-йоркских сеансов. «Я как бета-тело продолжаю жить, жить дальше, — говорил Джо Гейнз. — У нас есть форма, вес, цвет, и мы обладаем большим спектром чувств, чем вы». Стюарт был полностью убежден в том, что Бетти продолжает существовать. Бесчисленное число раз — первый раз уже через полчаса после смерти — он живо ощущал ее присутствие рядом с собой, «удивительное чувство близости, которое появляется иногда, когда вы оба находитесь в одной комнате, — когда каждый, скажем, читает книгу». Слов не было, но чувство близости было настолько полным, что, казалось, никаких слов и не требовалось. Уайт вспомнил слова бесплотных участников сеансов о том, что общение в более высоких сферах бытия непосредственно, духовно и обходится без слов. Он предположил, что теперь общение с Бетти будет проходить именно так, и не ожидал сколь-нибудь определенно словесной связи.

В сентябре того же года Уайт отправился по делам на восток США. Эммит и Рут Файнли (Дарби и Джоан) жили теперь в Хантингтоне, на Лонг-Айленде. Разумеется, устроили сеанс. Он оказался лишь первым сеансом из многих последовавших. Теперь, после полугодового молчания, Бетти заговорила; у нее было что сказать — нечто важное, о чем она хотела рассказать подробно и что займет немного времени. Сперт, как обычно, делал подробные заметки. Он обработал и опубликовал их в 1940 году под названием «Беспределенная Вселенная».

Бетти понимала, что прежде всего ей необходимо Удостоверить вне всяких сомнений собственную личность, что она и сделала без всякого понуждения. Через находящуюся в трансе Джоан (Рут Файнли) она стала говорить со Стюартом «спокойно, свободно и уверенно об

очень личных вещах, известных только им двоим». Она назвала не один, а целые дюжины фактов из тридцати лет их совместной жизни, которые могли быть известны только ей и Стюарту, называя его ласковым уменьшительным именем Стьют, с которым в земной жизни обращалась к нему только она.

Доказав, что через медиума говорит именно она, Бетти обратилась к тому, что она считала главным и единственным, что, она хотела разъяснить во всей этой серии своих сообщений: *«Есть только одна Вселенная»*. Бетти ни разу не отклонялась от этой главной темы, за исключением лишь тех случаев, когда она хотела привести подтверждающий или иллюстрирующий материал. Так был создан первый объемный рассказ о потусторонней жизни, ведущийся от первого лица через четверть века после откровений Фредерика Майерса. Майерс, однако, делал свои сообщения и через двадцать лет жизни «по ту сторону», в то время как опыт Бетти исчислялся всего несколькими месяцами. И тем не менее ее свидетельства имеют уникальную ценность. У Бетти было преимущество перед Майерсом в том, что она обладала талантом медиума и «путешествовала» по дальним сферам бытия в течение двадцати лет до собственного ухода из земной жизни. Кроме того, хотя ее опыт и был, видимо, ограничен второй и третьей степенями бытия, в то время как Майерс стремился обрисовать весь диапазон бытия, ясность и выразительность рассказа Бетти имеют свою особую ценность.

«Есть только одна Вселенная». Как только я слышу этот рефрен Бетти, мне на память приходит случай из моей собственной практики. Однажды ко мне пришла недавно овдовевшая женщина в надежде установить контакт с покойным мужем. Контакт был успешно установлен, супруги вступили в беседу, и жена со-слезами стала говорить о том, как она безутешна «с тех пор, как он ушел». Последовал незамедлительный ответ: «Но я никуда и не уходил». В этом заключается и суть посланий Бетти. Наши скончавшиеся любимые и близкие никуда не уходят. Они живут в той же Вселенной, что и мы. Разница в том, что они в этой Вселенной гораздо более свободны. Именно в описании этой свободы и того, как человек чувствует себя при этом, и заключена особая сила свидетельств Бетти.

Бетти использовала живые аналогии, чтобы пояснить свои мысли: «Это все равно что смотреть сквозь враща-

ющиеся лопасти электрического вентилятора»; «Это все равно что смотреть на рыбу в аквариуме»; «Это похоже на разницу между черно-белой и цветной фотографией».

В ответ на один из вопросов Дарби Бетти сказала так: «Вы верите в бессмертие. До тех пор пока в лабораториях таких исследований по-настоящему не ведется, вы должны закладывать для них основу. Я хочу наметить в общих чертах курс, которым позже предстоит пройти, вооружившись научными средствами... попытаться представить в понятиях механики возможность того, что оба наших мира — это одно и то же».

Затем последовало сравнение со взглядом сквозь вращающиеся лопасти электрического вентилятора. Разница в частотах — одна из причин того, что общий мир кажется нам двумя разными вселенными. Когда вентилятор работает с большой скоростью, то есть когда его лопасти проходят каждую точку кругового пути с высокой частотой, мы смотрим прямо сквозь лопасти и не видим их. «Вы могли бы увидеть меня, если бы частота изменилась и подошла для человеческого глаза. А так вы смотрите сквозь меня». Один из участников сеанса предложил сравнить это с тем, когда смотришь на рыбок в аквариуме: «Мы можем видеть их, человек и рыба живут в одной Вселенной, но не могут существовать в одной среде». Бетти согласилась и предложила параллель с фотографией. Черно-белая фотография фиксирует реальность, но цветная фотография фиксирует ту же самую реальность как гораздо более многомерную, чем черно-белая. «Это помогло нам понять, — писал Уайт, — как одно и то же может выглядеть по-разному». Бетти подчеркивала: «Если вы сможете найти нужную частоту, вы сможете увидеть мой мир. Но это не значит, что вы сможете в нем жить. Вы просто убедитесь, что я живу в нем». Хотя Бетти и недолго еще пробыла в новом мире, она подтвердила концепцию Майерса об уровнях сознания: «Образ существования определенных людей здесь ближе к высшему и единому».

Затем Бетти попыталась обрисовать наглядно свое существование. Она начала с того, что напоминала о неспособности наших органов чувств воспринимать многие на деле существующие явления, реальность которых подтверждается приборами. Различие между двумя состояниями жизни человека лежит в основном в «механизме осознанности». «Инструменты», или «чувства», тех, кто живет «по ту сторону», более тонко настроены,

чем наши. Среди откровений Бетти были и такие: «Я вас по-прежнему реально осязаю. Мы можем видеть вас... Ваш мир и наш — это одно и то же, только вы не осознаете наше бытие. А я вижу оба мира — и свой, и ваш... Нам приходится много работать с людьми, внезапно оказавшимися у нас, за чертой земного мира, и не понимающими, что с ними происходит». Затем она стала говорить о том, как много это даст, если человек будет иметь представление о фазе перехода в другой мир — чистый, прекрасный и надежный.

«Смерть много проще, чем рождение. Земля — это место, где рождаются, чтобы обрести индивидуальность».

Рисуя для нас свою картину потустороннего мира, Бетти не полагалась на одну себя. Часто она могла сказать: «Я не знаю. Одну минуту, я сейчас спрошу». Чаще всего она спрашивала у леди Энн, чей опыт измерялся не одним столетием. *«Сознание — единственная реальность, ум и материя всего лишь его аспекты».* Земное сознание, пояснила она, приспособлено к миру, в котором существует множество структур ума и материи, в которые мы все время и упираемся. «Вы натываетесь на стену. Вы сталкиваетесь с космосом, — и здесь пространство является для вас препятствием, которое вы должны преодолеть. Вы упираетесь во время. Вы говорите: «У меня нет времени», и этим хотите сказать, что строго фиксированная длительность дня и года служит для вас препятствием. Вы упираетесь в мысль: человеческие мысли и представления вам мешают и ограничивают вас».

Позже Эммит Файнли, комментируя послания Бетти, так выразил свои впечатления: *«В нашем мире существует такая вещь, как электричество. Мы не знаем его сути; все, что мы знаем о нем, — это то, как оно себя ведет, если ему препятствуют, если его ограничивают. В неограничивающей Вселенной, где нет препятствий, суть вещей становится известна, и с ней-то непосредственно и имеют дело. Поэтому когда мы спрашивали Бетти, есть ли там электричество, кислород, кирпичи, палки и камни, она отвечала: „Да“. Но к этому она всегда добавляла, что знает эти вещи и пользуется ими не в их ограниченных возможностях, как поступаем мы на земле, а в их сути».*

Нам будет легче все это понять, продолжал Файнли, если мы вспомним, что нам уже не первый год говорят

физики: на самом деле на свете не существует материальной субстанции в том смысле слова, в каком мы понимали это прежде. Есть только сгустки энергии, и конечно, существуют определенные формы восприятия этой энергии. *«Войдите в темную комнату — вы будете блуждать по ней и ничего не увидите. Это один аспект. А теперь найдите электрический выключатель и зажгите свет. Вам уже не придется блуждать, вы увидите мебель, картины, цвет, форму предметов. Это уже другой аспект. И все же это два аспекта восприятия одной и той же комнаты. И это именно та комната, в которой вы все время находились».*

Заключение сделал Стюарт: «Мы знаем прекрасно, что ваш мир, забывший, как важно знать о бессмертии, забывший мудрость, позволявшую понимать реальное единство сознания, вновь обретет эти знания». А это, делает вывод Уайт, означает веру в бессмертие личности и расширение наших взглядов во всем, что этой верой подразумевается.

Я должен снова вернуться к Рут Файнли, с рассказа о которой и начиналась эта глава. В том случае, с которого я начал ее, именно Рут — Джоан — говорила из потустороннего мира с одним из участников моего сеанса, с доктором Шервудом Эдди. Но говорила она не о великих принципах созидания, а об обычных, земных вещах. «Я слушала ваше выступление в Оберлинском колледже много лет назад, — сказала она доктору Эдди. — Вас представил доктор Ликок, и вам почти удалось уговорить меня встать на путь добровольца-миссионера. Но я разбила ваши чары, когда пошла работать в „Кливленд ньюс"».

ОПЫТ И ОБЪЯСНЕНИЕ

В предыдущих главах рассказывалось в основном о людях, которые, хотя и жили в нашем столетии и, возможно, какое-то время вместе с нами, сейчас уже не являются нашими современниками в земной жизни. Так было задумано. Жизнь за смертью — это одна из двух фаз существования. Наиболее убедительно это рассказано теми, кто сам прошел весь путь: наш физический мир, опыт перехода, который мы называем «смертью», и жизнь

за ней. Читателей, которых интересуют непосредственные свидетельства современников, я отсылаю к другим своим книгам. В этой работе главное внимание уделяется не этому миру, а тому, который в нашем физическом существовании называют «будущим» миром.

И тем не менее, для того чтобы сделать наше свидетельство завершенным, нам необходимо как можно больше приблизиться к нашему времени и ко времени живых авторитетов. Некоторые довольно часто задаваемые вопросы все еще витают в воздухе, поэтому цель данной главы — «связать свободные концы», дать ответы на вопросы, которые задаются сейчас и задавались в предыдущих поколениях. Например, в чем разница между гипнотическим трансом и трансом, в котором находится медиум?

В своей знаменитой лекции, произнесенной в 1951 году в Сметморском колледже, профессор университета Брауна К. Дж. Дюкасс рассмотрел различные современные объяснения тому, что происходит в медиумистическом трансе. Он внимательно изучил их и сделал свои выводы на основании многолетних тщательных исследований этого явления. В лекции Дюкасса, ставшей в своем роде классической, обсуждается ряд трудностей в оценке того, что происходит или что может произойти во время медиумистического транса. Эти возможности включают преднамеренный обман, могут включать действительные сообщения от лиц, некогда живших на земле во плоти и крови, или допускать комбинацию этих факторов. Во время своей лекции Дюкасс рассказал, с какой тщательностью проводятся парапсихологические исследования, насколько внимательно относятся к делу исследователи.

Случай, избранный им для подробного рассмотрения, был связан с именем миссис Ленор Пайпер. Скептики иногда утверждают, что медиумы непосредственно сами или через своих сообщников заранее собирают сведения, информацию о семье и родственниках людей, которых приглашают на сеанс. За много недель до сеансов за миссис Пайпер и ее мужем детективы специально устанавливали слежку, чтобы выяснить, не ходят ли они по людям и не собирают ли сведения о семьях и родственниках тех, кого ожидают на сеанс. «Ничего подобного или хотя бы малейшего намека на что-то подозрительное не было обнаружено». Более того, медиуму участников сеансов представляли под вымышленными именами. В некоторых случаях, когда медиум впадал в транс, они

даже не находились с ним в одной комнате, а когда входили туда, то рассаживались так, чтобы медиум не смог их увидеть, даже если бы глаза его были открыты. Во время своей поездки по Англии миссис Пайпер жила в помещениях, которые ей были подобраны самими исследователями, и они все время держали ее под наблюдением. Вся ее почта ими вскрывалась и прочитывалась.

И все-таки миссис Пайпер продолжала представлять явные доказательства продолжения жизни человека за смертью. Ее сообщения содержали массу такой информации, какой не могли бы собрать и самые способные детективы за неограниченное время. После многолетних наблюдений за медиумом, ее образом жизни и ее окружением исследователи пришли к выводу, что не существует таких известных и естественных средств, с помощью которых можно было бы собирать подобную информацию о стольких участниках сеансов. «В данном случае нам никак не удастся уйти от того факта, — сделал заключение Дюкасс, — что эта информация имеет некий „сверхнормальный“ источник».

Далее он рассмотрел другой часто предлагаемый вариант объяснения: медиум обладает необычайно мощными способностями «телепатического извлечения» информации, чувств, намерений, планов и самого разнообразного опыта, хранящихся в памяти или подсознании ныне живущих в любом уголке земли людей. Но если объяснить таким образом то, что в действительности происходило на сеансах, то придется сделать еще большие допущения. Помимо получения медиумом содержательной информации следует принять, что физически разобщенные с медиумом помощники способны живо изображать из себя «автоматически либо преднамеренно, но зачастую с замечательным правдоподобием» третье лицо -- покойного друга участника сеанса.

Здесь возникает необходимость рассмотреть некоторые вещи, происходящие при обычном гипнотическом трансе (Дюкасс особо подчеркивал, что гипнотический транс и медиумистический транс не одно и то же, хотя их легко можно спутать). «Человек, находящийся под гипнозом, играет с удивительной убедительностью любую роль любого персонажа, которая ему внушена; и сам он воображает, что он действительно тот, чью роль играет». Во многих случаях человеку в гипнотическом трансе предлагались вымышленные имена или образы литературных героев, и он давал их живую интерпретацию. Поскольку

у людей, находящихся в состоянии транса, обнаруживаются «необычайные способности к ясновидению и телепатические силы», подлинно научный анализ результатов, полученных во время сеанса медиума, требует учесть *все* в каждом отдельном сеансе; распутывать же такой клубок должен натренированный аналитический ум.

Все это в конце концов приводит нас к понятию степени «чистоты» или «качества» работы того или иного медиума; высокий процент признанных безусловно подтвержденными сообщений от ушедших из земной жизни людей и принимается как свидетельство «чистоты», или «высокого качества». В случае же с миссис Пайпер такой опытный исследователь, как профессор Хайсlop, после длительной работы пришел к выводу, что любое иное допущение, кроме признания того, что он действительно разговаривал через нее со своими умершими родственниками, «повлекло бы за собой слишком длинную цепь невероятностей».

Дюкасс говорит также, что тщательное изучение записей в некоторых случаях позволяет считать гипотезу о персонификации, то есть искусном разыгрывании во время сеанса ушедшего из земной жизни человека в его характерных проявлениях, неправдоподобной и невероятной. «Некоторые из самых способных и хорошо подготовленных исследователей, — сказал Дюкасс, — подходили к этим явлениям с полнейшим изначальным скептицизмом и изучали их многие годы в острейшем критическом духе, но в конечном счете приходили к заключению, что по крайней мере в ряде случаев лишь гипотеза продолжения жизни после смерти остается приемлемой».

Профессор Хайсlop считал, что основным мотивом, заставляющим ученых колебаться и воздерживаться от принятия гипотезы продолжения жизни *за* смертью, является боязнь этого признания. На деле не существует никаких трудностей теоретического порядка, для того чтобы можно было принять и признать жизнь после смерти. Однако это потребовало бы от науки все начать сызнова. «Величайшие последствия философского, морального, религиозного и политического плана, с которыми столкнется человеческое общество при условии признания научными доказательств, свидетельствующих о будущей жизни в потустороннем мире, требуют, чтобы мы не обманулись в столь важном вопросе, как этот».

чспространенное мнение о том, что жизнь после смерти невозможна, поддерживается только упрямой приверженностью к «определенной метафизической предпосылке, весьма спорной, в силу которой эта проблема считается автоматически решенной».

Дюкасс подводит итог: *«Можно утверждать, что сознательная жизнь личности продолжается в некоей форме и после смерти. Это предположение можно считать действительно установленным как с естественнонаучной, так и с философской точки зрения. Существуют полученные опытным путем свидетельства о том, что индивидуальный разум переживает смерть и в некоторых случаях способен общаться с живущими на земле».*

Еще один вопрос, который часто задается: «Значит ли что-нибудь молитва здесь и в жизни после смерти?»

Одним из наиболее одаренных медиумов в конце XIX столетия был английский священник У. Стейнтон Моузес, у которого был приход на острове Мэн. Моузес стал медиумом с того дня, когда его друг, врач, попросил его «заглянуть в спиритизм». Моузес начал посещать сеансы, будучи тогда убежден, что все это не что иное, как трюкачество и шарлатанство, а кончил тем, что развил в себе способности одного из самых могущественных медиумов своего времени. Голоса его бесплотных собеседников из мира иного были слышны сами по себе. Моузес был способен произвести эффект левитации: он мог свободно парить в воздухе и делать это с предметами. Предметы с помощью телекинеза переносились им через закрытые двери из посещения в помещение, и демонстрировалось «непосредственное» автоматическое письмо, без участия кого-либо из живущих людей.

Моузес более всего известен как автор религиозных и наставительных книг, написанных им «автоматически». Его «корреспондентами» была группа, состоящая из двадцати двух ушедших из телесного мира индивидов, которую направлял некто, подписывавшийся «Повелитель». Благодаря полученным от них советам и наставлениям Моузес отошел от ортодоксальных религиозных взглядов, Усвоенных им, когда он готовился стать священником, ". принял «потусторонние» концепции, пришедшие к нему через *автоматическое письмо*. Приводимое ниже рассуждение касается эффективности молитвы. Соглашаясь с тем, что молитва необходима для сбережения души и Духовного роста, его «корреспонденты» толковали

действие молитвы не так, как мы обычно себя представляем.

«Вы молились бы больше, если бы знали, какое огромное духовное благословение приносит молитва. Ваши ученые мудрецы много рассуждали о ценности молитвы, а сами блуждали в лабиринте мнений, словно в тумане, не зная ничего о сути того, о чем говорят. Они не знают — да и откуда им знать? — об ангелах-вестниках, витающих рядом и готовых прийти на помощь гласу души, взывающей к своему Богу... Часто именно невысказанная просьба, не получившая своего удовлетворения, и становится высшим благословением молящейся душе. Сам крик томящейся под бременем души, брошенный в пустоту, крик горькой печали — это непознанное облегчение... Если будет много раз дароваться исполнение мольбы, это может причинить тяжкий вред. Человек может просить о чем-то разумно, вздорно, глупо, и его мольба остается неисполненной, но он смог приблизиться душой к общению с высшим разумом, который ждет возможности сближения и может придать человеку силы и утешение в его нужде. Было бы хорошо, если бы человек боролся за то, чтобы жить этой жизнью молитвы — не нездоровой жизнью благочестия, которой ложно присвоили это название и которая заключается в пренебрежении человеческим долгом и в растрате драгоценных часов жизни-испытания на зловерное самокопание, на культивирование нездорового самоанализа, на вымученную и неистинную молитву. Молитва, чтобы быть настоящей, истинной, должна быть криком сердца — быть произвольной и импульсивной, обращенной к дружественной силе, витающей возле тебя. Представление о молитве как о просьбе, доходящей до слуха Господа, который склонен изменять неизменяемые законы в ответ на капризные пожелания человека, во многом дискредитировало само понятие молитвы. Молитва — произвольный крик души к своему Богу, — направленная через друзей, которые, она это знает, рядом и готовы подхватить невысказанную мольбу, чтобы донести ее до той силы, которая откликается, — это все не предмет какого-то формального приготовления. Молитва не состоит ни в чем внешне показном. Это не обязательно что-то произнесенное и высказанное еще меньше в какой-то условной форме, связанное стереотипными словами и выражениями. Настоящая молитва — это голос души, готовый к общению с духом».

Всегда ли переход через внезапную и насильственную смерть более труден, чем после мирной кончины?

Необычно яркое описание перехода через насильственную смерть было получено в 1917 году медиумом, владевшим способностью *автоматического письма* и подписывавшимся буквами ВТП; корреспондент из потустороннего мира называл себя Томасом Даудином. Вот оно: «Физическая смерть ничто. Ее действительно не надо бояться. Некоторые из моих друзей горевали обо мне, когда я ушел „на тот свет“. Они считали, что я умер на самом деле. А вот что на самом деле случилось. Я прекрасно помню, как все произошло. Я ждал в изгубе окопа, когда придет мое время заступать на пост. Был прекрасный вечер, у меня не было никакого предчувствия опасности, но вдруг я услышал вой снаряда. Где-то позади раздался взрыв. Я невольно присел на корточки, но было поздно. Что-то меня ударило так тяжело, тяжело и сильно — в затылок. Я упал и, пока падал, не заметив даже на время никакой потери сознания, очутился снаружи самого себя! Вы видите, как просто я это рассказываю, чтобы вы лучше все поняли. Вы сами узнаете, как мало значит эта смерть... Через пять секунд я стоял рядом со своим телом и помогал двум моим товарищам нести его по траншее в перевязочную. Они думали, что я просто без сознания, но жив. Я не знал, навсегда или на какое-то время я выскочил из своего тела из-за контузии от взрыва снаряда. Вы видите, как мало значит смерть, даже насильственная смерть на войне!.. Моим товарищам не нужно бояться смерти. Некоторые ее боятся — конечно, за этим стоит страх перед тем, что ты можешь быть уничтожен, что ты исчезнешь. Я тоже боялся этого, многие солдаты боялись смерти, но у них редко бывает время об этом раздумывать... Мое тело положили на носилки. Мне все хотелось узнать, когда же я снова окажусь внутри него. Вы видите, я был так мало „мертв“, что воображал, будто я все еще живой... Я начал новую главу в своей жизни. Я расскажу, что я чувствовал. Это было похоже на то, как будто я долго и тяжело бежал, пока не взмок, не потерял дыхания и не сбросил с себя одежду. Этой одеждой было мое тело; казалось, если бы я его не бросил, я бы задохнулся... Мое тело доставили сначала " перевязочную, а оттуда — в морг. Я простоял возле него целую ночь, но ни о чем не думал, просто смотрел... Мне все еще казалось, что я пробужусь в своем соб-

ственным теле. Потом я потерял сознание и крепко уснул. Когда я проснулся, то увидел, что тело мое исчезло. Как я его искал!.. Но вскоре я перестал искать. Тогда пришло потрясение! Оно навалилось на меня внезапно, без предупреждения: я убит немецким снарядом, я мертв!.. Что это такое — быть *мертвым*! Я просто чувствовал себя свободно и легко. Мое существо, казалось, расширилось... Я, наверное, и сейчас нахожусь в каком-то теле, но я мало что могу рассказать вам о нем. Оно меня не интересуется. Оно удобно, не болит, не устает. Кажется, что по форме оно напоминает мое прежнее тело. Есть здесь какая-то тонкая разница, но я не смогу это проанализировать... Я почувствовал себя очень одиноким. Я сознавал, что рядом со мной никого нет. Я не был в материальном мире, но я и не мог быть уверенным, что вообще нахожусь где-нибудь, в каком-нибудь месте! Кажется, я уснул во второй раз... и, наконец, проснулся. Груз упал с меня. Мне кажется, что сейчас я в полном порядке и уже могу владеть моими новыми способностями. Я могу думать, двигаться, я чувствую... Теперь я уже не один. Я уже встретился со своим родным братом, который здесь уже три года и теперь пришел встречать меня. Уильям сказал, что долго не мог до меня добраться. Он хотел быть со мной в нужное время, чтобы уберечь меня от первого потрясения, но ему это не удалось. Он работает с теми, кто только что сюда прибывает, и у него большой опыт».

Всегда ли мир за чертой земной жизни выглядит для вновь прибывших странным и неестественным?

Американский парапсихолог Эдвард К. Рэндэл перерабатывает живое описание жизни *за* смертью, полученное через посредство медиума миссис Эмили С. Френч. Он пишет это сообщение в 1917 году.

«Самый знающий ученый из живущих на земле не имеет практически никакого понятия о свойствах материи, о субстанции, из которой создана Вселенная — видимая и невидимая. Я тоже ничего не знал, когда жил среди *вас*, хотя и изучал все это специально. То, что вы видите и можете потрогать, то, из чего состоит все физическое и осязаемое, есть только низшее выражение жизненной силы... Когда я прибыл сюда, меня встречали и приветствовали мои родные и близкие — все было так, как бывает в земной жизни, когда человек возвращается назад после долгого путешествия; и все так же естественно выглядели. Их тела казались не столь плотными,

какими были в земной жизни, но были такими же, как * мое собственное. Потом мне рассказали, что нынешнее ... состояние необходимо для перехода в жизнь более высокого порядка, и что такие тела, каким было мое в период жизни на земле, имеют свое продолжение, и что я перешел из земной жизни в ту плоскость, где все состоит из эфира, то есть здесь субстанция вибрирует в совершенной согласованности с духом. Все здесь выглядит абсолютно естественно для разума, зрения и осязания. Лишь эфирное тело одно обладает способностью восприятия. Мой внешний вид ничуть не изменился, но тело стало менее плотным. Ум мой ясен, исчезли признаки пожилого возраста, я стал человеком в расцвете духовных и умственных сил. Что поразило меня больше всего после встречи с близкими, так это реальность и осязаемость всех и вся... Нашей целью было дать объяснение закону, по которому жизнь имеет свое продолжение за порогом смерти, просто изложить факты и объяснить условия, чтобы всем это было понятно. Все, что вы видите и осязаете на земле, — это только субстанция, временно используемая жизнью в своем развитии... Говорят, что, освобождаясь от физической оболочки, человек обретает бессмертие, но на самом деле он всегда и был бессмертен... Мы общаемся друг с другом, просто проецируя свои мысли».

Мне можно задать вопрос: «Вы говорили главным образом о заранее подготовленных для сеанса ситуациях. А что можно сказать про сообщения о случаях спонтанного видения потустороннего мира?»

Доктор Ральф Харлоу, профессор колледжа Смита, писал в 1960 году: он убежден в том, что благодаря даже небольшому расширению наших способностей воспринимать вибрации мы могли бы осознать присутствие людей за чертой земной жизни. Наше восприятие настроено на частоты, близкие к волнам потустороннего мира, и в редких случаях отдельным немногим людям выпадает счастливый случай практически подстроиться к ним. Он рассказывает о некоем событии, происшедшем с ним и его женой, когда они однажды весенним утром гуляли в лесу под Баллардвилем, штат Массачусетс.

«Позади на значительном расстоянии мы услышали приглушенные голоса. Я сказал Марион, что мы не одни. Марион кивнула и огляделась. Мы ничего не увидели, но голоса как будто приближались гораздо быстрее, чем

шли мы сами, и мы поняли, что незнакомцы скоро нас нагонят. Затем нам стало ясно, что звуки шли сзади и сверху, тогда мы посмотрели вверх. Метрах в трех над нами и чуть-чуть слева по воздуху плыла группа поразительных, прекрасных существ, светящихся духовной красотой. Мы остановились и пристально глядели, как они проплывают мимо нас. Это были шесть молодых красивых женщин в развевающихся белых одеждах, поглощенные серьезной беседой. Если они и знали о нашем присутствии, то вида никакого не подавали. Мы совершенно ясно видели их лица; одна из женщин, чуть постарше остальных, была особенно прекрасна. Ее черные волосы были откинuty назад и, казалось, были перевязаны лентой, хотя точно я этого не могу утверждать. Она что-то сосредоточенно говорила женщине-духу помоложе ее, обращенной к нам спиной и глядевшей ей в лицо. Ни Марион, ни я не могли понять слов, которые они произносили, хотя мы и ясно слышали их голоса. Они, казалось, проплывали мимо нас, и их грациозные движения выглядели естественно-мягкими и умиротворяющими, как само утро. По мере того как они удалялись, их разговор слышался все слабее и слабее и, наконец, стал совершенно неслышным. Мы все стояли как ошолобелые. Наконец посмотрели друг на друга, как бы задавая друг другу один и тот же вопрос. „Идем“, — сказал я жене и повел ее к поваленной березе. Мы присели, и я сказал: „Ну, Марион, что ты видела? Расскажи мне все точно, со всеми подробностями. И скажи мне, что ты слышала“. Она поняла, что я хотел проверить свои собственные глаза и уши, понять, не стал ли я жертвой собственных галлюцинаций. Ее рассказ во всех отношениях совпадал с тем, что сообщили мне чуть раньше мои собственные органы чувств. „На эти считанные секунды, — заключила она спокойно, — завеса между нашим миром и миром духовным приподнялась“.

Профессор психологии Элмер Т. Гейтс писал в 1920 году, что он убежден (равно как и доктор Ричард Морис Бак), что космического сознания, или бессмертия, можно достигнуть, пребывая еще в земной жизни и обладая физическим телом.

«Во Вселенной есть то, что добилось преобладания, то, что создало миры и населило их развивающейся жизнью; сам факт совершающейся эволюции указывает на торжество добра над злом, победу знания над невежеством. То, что добилось преобладания, есть Разум,

и сознание; ...вы и я унаследовали эту природу, нами радеет дух, смысл и обещание будущего, данное этой еличайшей из тайн бытия — сознанием. Через Разум ддл нас открыты все возможности, и когда мы изучаем о природу, мы изучаем природу высшего разума и осознаем непосредственно существование того, что вечно правит космосом. Какие бы проблемы ни решались в будущем, они будут решаться сознанием, независимо т того, относятся ли эти проблемы к объективному или субъективному миру».

На уровне земной жизни, говорит Гейтс, человек ближе всего приближается к космическому сознанию через свою интуицию. Он цитирует Анри Бергсона: «Через интуицию можно открыть смысл жизни, саму природу бытия». Космическое сознание должно по своей природе быть более фундаментально, чем наше, ограниченное личным опытом, рассуждает Гейтс. Именно благодаря этому космическому сознанию для нашего индивидуального сознания открываются источники откровения и интуиции, освещающие нам путь к пониманию. «Бесценным приобретением», лежащим в пределах досягаемости для всех людей, является возможность осознания бессмертия с помощью своего собственного внутреннего сознания.

На спиритических сеансах живущие в земной жизни часто задают «той стороне» вопросы о том, какое место там занимает «секс». Ответы формулировались по-разному, но все они отличались определенным постоянством. Еще Иисус Христос сказал, что людей не берут и не отдают в брак, они — «как ангелы». Бетти утверждала, что земной, а не потусторонний мир является «местом рождения». Раймонд Лодж сказал, что «дети здесь не Рождаются». Но сущность сексуальности, видимо, каким-то образом сохраняется. Очень интересный комментарий на эту тему был получен через женщину-медиума, извечную под именем Дженнифер, — он был записан *автоматическим письмом* для писателя Бейзла Кинга, который изложил его так:

«Разделение полов продолжается и здесь, поскольку иол является неотъемлемой характеристикой личности. ^* здесь больше сближает симпатия, но одарены они Разными способностями, и эта разница здесь больше, ем в земной жизни. Мужское и женское начало — это £^в отдельные Божьи силы. Они сталкиваются в лучистом нии и порождают энергию и любовь. Эти контра-

стирующие и гармонизирующие элементы как кремь и кресало, а пламень от их духовного соприкосновения есть божественная страсть — созидательная сила, из которой рождаются не дети, а мощь».

Можно спросить: «Если исследователи настолько придирчивы и скрупулезны, то какой же тогда материал они считают **доказательным свидетельством** — то есть когда они считают очевидно доказанным, что сообщение пришло от человека, жившего прежде на земле и уже умершего, а не от кого-либо другого?»

В двух других своих книгах — «Ничего особенно странного» и «Неизвестное, но известное» — я привел несколько случаев из своей собственной практики медиума, которые выдержали самую строгую проверку. Сейчас, поскольку эта книга посвящена несколько другой теме, я ограничусь одним отступлением и назову один случай, который все исследователи-парапсихологи отнесли к разряду самых надежных — без сучка без задоринки.

19 марта 1917 года миссис Хью Талбот, вдова, присутствовала на сеансе у медиума миссис Глэдис Леонард, у которой контролером была Феда. Вот что рассказывает миссис Талбот:

«Феда дала очень точное описание внешности моего мужа, а потом через нее заговорил он сам, и беседа с ним была в высшей степени необычайной. То и дело он явно старался убедить меня снова и снова, что это действительно он. По мере того как наш разговор продолжался, я была вынуждена признать, что это, конечно, он и был. Все, что он говорил, или, точнее, что за него говорила Феда, было ясным и понятным. Случай из прошлого, известные только нам двоим, личные принадлежности, тривиальные сами по себе, но представлявшие именно для него особый интерес, о котором я знала, — все это было описано с самыми мелкими подробностями: о некоторых вещах он спрашивал, у меня ли они все еще. Он снова и снова переспрашивал меня, верю ли я, что разговариваю с ним. Мне было сказано, что смерть — это вовсе не смерть, что жизнь продолжается, хотя она несколько и не похожа на нашу, и что, как кажется моему мужу, он совсем не изменился...

Вдруг Феда стала старательно описывать некую книгу. Она говорила, что книга переплетена в темную кожу, старалась даже указать ее размер. „Это не совсем книга, в ней нет печатного текста, а делались записи от руки“.

Понадобилось немало времени, прежде чем я наконец вспомнила одну книгу для записей моего мужа, которую л называл „судовой журнал“. Я просила: „Эта книга в красном кожаном переплете?“ Последовала пауза. Возможно, ответил он, но ему кажется, что книга темнее. Затем заговорила Феда: „Он не уверен, двенадцатая ли страница или тринадцатая, прошло так много времени, но он хочет, чтобы вы поискали в этой книге одну запись. Ему хочется узнать, если ли в ней еще тот отрывок, который его интересует“.

У меня не было особого желания заниматься этим, мне это казалось бесцельным. Я хорошо помнила эту книгу, не один раз просматривала ее, чтобы решить, стоит ли ее сохранять. Помимо того, что относилось к кораблям и деловым занятиям мужа, насколько я помнила, было еще несколько записей и какие-то стихи. *Но главной причиной, почему мне не хотелось говорить об этой книге, была уверенность, что я ее уже не смогу отыскать: я либо выбросила ее, либо убрала ее вместе со многими другими ненужными вещами в дальнюю кладовую, где ее вряд ли удастся найти... Феда, однако, становилась все более настойчивой: „Он не ручается за цвет переплета, он не помнит. Есть две похожие книги, но вы узнаете ту, которую он имеет в виду, по лингвистической таблице, помещенной в ее начале... Посмотрите страницу, двенадцатую или тринадцатую. Если этот переписанный отрывок там, ему он будет очень интересен после этой беседы. Он хочет, чтобы вы это сделали, он хочет, чтобы вы ему пообещали“.*

В тот же день вечером, после ужина, моя племянница, обратившая на эту просьбу больше внимания, чем моя сестра или я сама, уговорила меня тотчас же заняться поисками этой книги. Я пошла к книжному стеллажу и через какое-то время нашла на верхней полке две старые книги для записей, принадлежавшие моему мужу, в которые я ни разу не заглядывала. Одна из них, в потрепанном черном кожаном переплете, походила по размеру на ту, о которой мне было сказано, я рассеянно открыла ее, все еще пытаюсь вспомнить, бросила я или нет ту, нужную, книгу. И вдруг, к моему удивлению, мой взгляд упал на заголовок: „Таблица семитских и сирийско-арабских языков“. Так она, лингвистическая таблица!»

Мис"с Талбот нашла тринадцатую страницу и там "вдела записанный рукой мужа отрывок из книги «Пост

Мортем», написанной анонимным автором и изданной Блэквудом:

«По шепоту, по любопытным и сочувственным взглядам, которых, как предполагалось, я не могу услышать и увидеть, я понял, что нахожусь при смерти... Скоро мой ум стал жить уже не только ожиданием счастья, которое должно было ко мне прийти, но счастьем, которое я стал действительно ощущать. Я видел давно забытые образы своих сверстников по играм, школьных товарищей, друзей моей юности и преклонных лет, которые все, как один, улыбались мне. Они улыбались не с сочувствием, в котором, я чувствовал, я больше не нуждаюсь, а с той добротой, с какой улыбаются друг другу люди, когда взаимно счастливы. Я увидел свою мать, отца, сестер — всех, кого я пережил. Они не говорили со мной, но каким-то образом передавали мне свою неизменную и неизменившуюся привязанность ко мне. Когда они появились, я сделал попытку понять, в каком состоянии мое тело... то есть я напрягся, пытаюсь соединить свою душу с телом, лежавшим на постели в моем доме... попытка не удалась. Я умер».

ВЗГЛЯД НА СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ. СВАМИ ЙОГАНАНДА. СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ТЕМ, КТО ПЕРЕНЕС НЕДАВНЮЮ УТРАТУ

Во время одного из восьми моих сеансов, когда Рут (Джоан) Файнли говорила через Флетчера из потустороннего мира, она сказала: «Форд сам для себя распорядитель церемоний. Он здесь с нами, — как вы называете, на нашей плоскости бытия... Иногда Форд становится настолько заинтересованным тем, о чем идет речь, что переходит к нам и пребывает у нас, со своими старыми друзьями, предоставляя другим душам занимать свое тело. Среди нас, бесплотных, есть и такие, кто имеет примерно такой же энергетический тип, что и я Форд, и, когда им дается такая возможность, они сами передают сообщения Флетчеру».

Услышав это, один из участников сеанса захотел узнать, могу ли я вспомнить что-нибудь из этих своих экскурсий в иной мир, как это могла делать Рут Файнли

«осле своих сеансов, когда она еще жила земной жизнью. \ должен был ответить, что нет, не могу. Если я и спрашивал во время сеансов какие-то путешествия в другие сферы бытия, то должен сказать, что они остались за семью печатями для моей сознательной земной памяти. Транс для меня — это сон без сновидений.

Но это не значит, что у меня вовсе не было никакого опыта знакомства с жизнью «на той стороне». На самом деле одно из самых ярких впечатлений моей земной жизни связано с таким путешествием в высшие сферы жизни. Этот случай перенес мои представления о продолжении жизни после смерти из плоскости веры в плоскость очевидной реальности. Хотя я и рассказывал об этом раньше, этот случай настолько тесно связан с темой нынешней книги, что я должен повторить его снова.

Я был болен и находился в критическом состоянии. Врачи считали, что я не выживу, но, как и все хорошие врачи, продолжали делать все, что могли. Я находился в госпитале, и моим друзьям было сказано, что я не переживу наступающей ночи. Как бы со стороны, не почувствовав ничего, кроме некоторого любопытства, я услышал, как врач сказал медсестре: «Сделайте ему укол, ему надо успокоиться». Я, казалось, понял, что это означает, но не был испуган. Мне просто стало интересно, сколько пройдет времени, прежде чем я умру.

Потом я обнаружил, что плыву по воздуху над своей кроватью. Я видел свое тело, но не проявлял к нему никакого интереса. Меня охватило чувство покоя, ощущение того, что все вокруг хорошо. Затем я погрузился в пустоту, в которой не существовало времени. Когда ко мне вернулось сознание, я обнаружил, что лечу сквозь пространство, без всяких усилий, не ощущая, как прежде, своего тела. И все же это еще был я.

Вот появилась зеленая долина, окруженная горами, вся залитая ярчайшим светом и такая красочная, что невозможно описать. Отовсюду ко мне шли люди — люди, которых я прежде знал и считал, что они уже умерли.³¹ знал всех их. И хоть о многих я уже не думал годами, ^не показалось, что меня встречают те, к кому я был Привязан. Узнавалась скорее сама личность, чем ее Физические признаки. Их возраст изменился. Те, кто старым, стал молодым, а те, кто скончался в детские Ды, повзрослели.

Мне часто приходилось путешествовать за границей, **меня встречали друзья, знакомившие меня с местными

обычаями и достопримечательностями, которые приезжай хотел бы увидеть. Так было и теперь. Никогда мне не устраивали такого великолепного приема. Они показали все, что, им казалось, мне следовало посмотреть. В моей памяти остались столь же ясные впечатления об этих местах, как и о тех странах, где мне довелось побывать в моей земной жизни. Красота восхода солнца, увиденного с вершин Швейцарских Альп, Голубой грот Капри, горячие пыльные дороги Индии столь же мощно запечатлелись в моей памяти, как и тот духовный мир, в котором, я знаю, я побывал. Воспоминание об этом никогда не меркло со временем. Все это так же живо и реально в моей памяти, как и все остальное, что я когда-либо знал.

Меня ожидала одна неожиданность: некоторых людей, которые, по моим предположениям, должны были там быть, я не увидел и спросил о них. В тот же миг словно тонкая прозрачная пелена опустилась перед моими глазами. Свет потускнел, а краски потеряли свой блеск и яркость. Я уже не мог видеть тех, с кем только что разговаривал, но сквозь дымку увидел тех, о ком спрашивал. Они тоже выглядели реальными, но, по мере того как я смотрел на них, я чувствовал, как тяжелеет мое тело и голова наполняется мыслями о земном. Мне стало ясно, что я теперь вижу более низкую сферу бытия. Я позвал их; мне показалось, что они меня слышали, но сам я не мог услышать ответа. Затем все пропало и передо мной оказалось существо, выглядевшее как символ вечной юности и доброты, излучавшее силу и мудрость. Оно произнесло: «Не беспокойся о них. Они всегда могут прийти сюда, когда захотят, если только пожелают этого больше всего».

Там каждый был занят. Все не переставая занимались! какими-то загадочными делами и выглядели счастливыми. Некоторые из тех, с кем в прошлом меня связывали узы близости, казалось, не проявляли теперь ко мне большого интереса. Другие же, кого я прежде знал лишь слегка, стали здесь моими спутниками. Я понял, что все это правильно и естественно. Здесь наши взаимоотношения определялись законом духовного родства.

В какой-то момент — у меня не было здесь никакого*! представления о времени — я очутился перед ослепительно белым зданием. Когда я вошел внутрь, меня попросил* подождать в огромном холле. Мне сказали, что я должен

-тзваться здесь, пока по моему делу не будет вынесено ^{аисо}е-то решение. Через проем широких дверей я смог „азличить два длинных стола, за которыми сидели люди ^ говорили — обо мне. С чувством вины я начал перебирать свою собственную жизнь. Картина получилась „ очень приятная. Люди за длинными столами тоже унимались тем же самым, но то в моей жизни, что больше всего беспокоило меня, казалось, их не очень интересовало. Вещи, которые обычно считаются грехом, „ которых меня предупреждали с самого детства, едва ими упоминались. Зато серьезное внимание вызвали такие мои свойства, как проявление эгоизма, самовлюбленности, глупости. Слово «расточительность» повторялось снова и снова, но не в смысле обычной невождержанности, а в смысле пустой растраты сил, дарований и благоприятных возможностей. На другую чашу весов ложились простые добрые дела, которые мы все совершаем время от времени, не придавая им особого значения. «Судьи» пытались установить главную **направленность** моей жизни. Они упомянули, что я еще «не закончил **того, что, как он сам знает, должен был закончить**». Оказывается, в моей жизни была какая-то цель, и я ее не достиг. Моя жизнь имела свой план, но я его неправильно понял. «Они собираются отправить меня назад, на землю», — подумал я, и, признаться, это мне не понравилось. Я так никогда и не узнал, что за люди были эти «судьи». Они неоднократно повтряли слово «запись»; возможно, речь шла об **Акашикской Записи**, понятии, пришедшем к нам от мистических школ древности, которое обозначает великую вселенскую звучащую спираль, на которой записываются все события.

Когда мне сказали, что я должен вернуться в свое тело, мне пришлось преодолеть собственное сопротивление — так мне не хотелось возвращаться в это мое разбитое и больное тело, которое я оставил в госпитале Корал Гейблз. Я стоял теперь перед дверью и сознавал, что если я сейчас пройду через нее, то окажусь там же, где и был раньше. * Решил, что не пойду. Как капризный ребенок, я стал Изворачиваться и упираться ногами в стену. Вдруг я почув- Чяовал, как будто меня швырнули в пространство. * открыл глаза и увидел лицо медицинской сестры. Я был состоянии комы более двух недель.

Я пришел к выводу, что существует несколько фак- Ров, которые мешают нам понять что-то и поверить в ^-ьяность бета-тела и доступной ему безграничной Все-

ленной. Возможно, самый мощный из них — это ложное представление о том, что наши пять главных чувств — зрение, слух, вкус, обоняние и осязание — универсальны и что только благодаря им мы можем что-либо узнавать. Но стоит лишь задуматься, и сможем понять, что обладаем гораздо большим, чем только эти пять чувств. Никто и никогда не видел личность. Мы видим физическое тело личности и некоторые факты механического движения, которое оно производит, но сама личность остается невидимой. Наше сознание уже и сейчас заключено в том самом бета-теле, в котором оно продолжит свою жизнь после физической смерти на земле. Мы получаем знание о человеке и о людях не через пять основных чувств, а через более тонкие способности осознания, которыми обладают бета-тела.

В определенном смысле, если говорить языком будничного мира, мы уже невидимы и не должны удивляться тому, что действительно существующие реальности глубинно протекающей жизни недоступны ни нашему внешнему зрению, ни нашему внешнему слуху. Бета-тело может подготавливаться к своему дальнейшему пути уже здесь, в нашей земной жизни. Развитие личности происходит не при акте смерти, но в акте жизни. Нельзя достичь духовного озарения, сделав лишь один шаг, точно так же, как не достигнешь одним шагом физического совершенства или интеллектуальных высот. Нельзя убедить друг друга в истинности бессмертия с помощью интеллектуальных аргументов или внешних свидетельств. Это должно быть усвоено нашим внутренним сознанием, которое составляет часть души **Ш** психики каждого человека. Это то сознание, о котором Вордсворт говорит как о возвышенном чувстве, глубоко пронизывающем все на свете... как о том движении и духе, которые управляют всеми мыслящими существами и мыслимыми предметами, проходят через все...

Из всех, кого довелось мне узнать в моей жизни, этим чувством в самой высокой степени обладал святой и одновременно очень земной Парамаханза Йогананда. Когда я впервые встретился с этим необычным человеком, я сразу почувствовал, что нахожусь в присутствии личности великих духовных достоинств. Йогананда не был просто теоретизирующим проповедником доктрины — Я через свое искусство врачевания, через ясновидение Д предсказания, как и с помощью многого другого, он мог продемонстрировать истины, которым учил. К сожалению,

я не могу сказать про себя, что я был учеником этого Сдающегося гуру. Когда я впервые встретился с ним, был молодым человеком и не был склонен к учебе, требующей столь существенной трансформации характера. Он не ставил мне этого в вину; хороший учитель, он всегда был терпелив и со мной. На него не производили впечатления мои способности медиума, которые он считал побочным проявлением духа. Он умел спокойно и неколебимо передавать своим ученикам непреходящее видение высшего, конечного смысла сотворенного мира.

Главным образом под влиянием Йогананды я, наконец, поехал в Индию и кратко ознакомился с методами **свами** в спиритической подготовке. В большинстве своем **свами** не произвели на меня большого впечатления. Однако я видел и примеры того, как в некоторых из них формируется подлинное духовное величие. Но я решил, что это не для меня, во всяком случае, я так думал в то время. Я был слишком отравлен удовольствием потакать своим физическим слабостям, не говоря уж о других и непосредственных способах отравления. Если от человека требуется столько усилий для достижения глубокой трансформации характера, то уж по мне, решил я легкомысленно, лучше пройтись по жизни с тем характером, который я имею. Но мое восхищение Йоганандой нисколько не уменьшилось. Он всегда был для меня одним из великих духовных светочей моей жизни. Знакомство с ним, наблюдение за его демонстрациями, впитывание его учений — даже тогда, когда я обнаруживал, что не могу следовать им, — были для меня надежными источниками вдохновения.

Для Йогананды главенство чистого сознания над всеми формами материальных энергий, единство божественного созидющего сознания с глубинным, сущностным «я» каждого человека были не просто понятиями его Доктрины. Для него это были живущие реальности. Постоянное и сознательное взаимодействие с этими силами за его долгую жизнь дало Йогананде такой опыт и такие возможности, которые среднему «практическому» человеку, мало знающему о самих этих силах и о контроле над ними, казались невероятными. Однако он их так часто демонстрировал и раздавал миру с такой обезоруживающей скромностью, что ни один из тех, кто его знал, не мог с легкостью отстранить от своего внимания Представления о различных уровнях сознания.

Прозрения Йогананды переносили его в космическое" сознание, и некоторые из его самых глубоких представлений о жизни за смертью Идут от этого уровня осознанности. *«Трегедии смерти не существует, и те, кто содрогается при мысли о ней, похожи, не невежественных актеров, умирающих на сцене от испуга при выстреле холостым патроном».* Однажды в состоянии медитации он смог полностью увидеть собственное бета-тело, сохраняя при этом свое земное сознание. «У каждого происходит глубокая переоценка ценностей, когда он, наконец, убеждается, что созидание есть огромная; движущаяся картина и что не в ней, а позади нее! находится его собственная реальность. Я сидел на своей постели в позе лотоса. Моя комната была тускло освещена! двумя лампами с абажурами. Подняв свой взгляд вверх, я увидел, что потолок испещрен маленькими световыми точками горчичного цвета, дрожащими и колеблющимися! словно в лучащихся подсветках люстры. Мириады заостренных лучей, словно струи дождя, собрались в прозрачный столб, изливавший на меня тихий свет. В одно мгновение мое физическое тело потеряло свою плотность и преобразилось в астральную ткань. Я ощутил, что я плыву в воздухе, едва касаясь постели, мое потерявшее вес тело слегка перемещалось то вправо, то влево».

Йогананда любил рассказывать историю о Фалеев Милетском, греческом мудреце, жившем в VI веке до н. э. Фалес учил, что нет никакой разницы между жизнью и смертью. «Тогда почему же, — спросил его противник, ты не умираешь?» — «Потому, — отвечал Фалес, — что это не даст никакой разницы». Конечно, Йогананда, вещь исключительно человеческий, прекрасно понимал, что при наличии человеческих эмоций существует и эта *разница*. Он сам был охвачен тяжким горем, когда потерял своего любимого учителя — потерял после той «смерти», которая, как он знал, была иллюзией. О смерти своего гуру — Шри Юктесвара — Йогананда узнал немедленно. Этот парапсихический феномен — случаи, когда кто-то живо осознает смерть находящегося вдали от него другого человека, из тех, что лучше всего засвидетельствованы и документированы, — не представляет собой ничего исключительного. Йогананда ехал в вагоне поезда, когда в далеком городе умер его учитель. «Передо мной неожиданно возникло черное астральное облако, затем передо мной возникло видение Шри Юктесвара. Он сидел с очень серьезным выражением лица, по

обе стороны от него горел свет. „Это свершилось?“. # умоляюще поднял руки. Он кивнул и пропал». Шри Юктесвар, как выяснил потом Йогананда, умер именно в тот момент, когда случилось это видение. Он предсказал время своей смерти; при приближении ее он погрузился в медитацию и покинул этот мир с выражением радости на лице.

У индуса Йогананды не было сомнений в отношении воскресения Христа, но он сомневался в уникальности этого явления. Если действительно «я» есть мыслитель по-духовная структура чистого сознания и если это сознание может управлять по своей воле такими низшими эрмами энергии, как физическая материя, то тоща для Йогананды не было ничего удивительного в том, что это сознание могло восстановить некую молекулярную структуру в любой момент, когда оно пожелает появиться перед своими учениками в земной жизни. Его собственный учитель, Шри Юктесвар, появился однажды перед Йоганандой таким же образом, как в свое время Иисус перед своими учениками.

Подобные явления известны и другим выдающимся индийским гуру, и произошли они в XX веке. Другой свами рассказывал Йогананде: «Здесь, в Калькутте, в 10 часов утра последующего за его кремацией дня передо мной появился Лахири Махасайя в своем полном живом великолепии». Другой ученик этого же гуру рассказал: «За несколько дней до того, как он покинул свое тело, Лахири Махасайя прислал мне письмо, в котором просил меня приехать в Бенарес. Я не мог выехать сразу. И вот, когда я уже собирался отправиться в путь, около десяти часов утра увидел у себя в комнате сияющую ярким светом фигуру моего учителя. Я был вне себя от радости. „Зачем спешить в Бенарес? — спросил меня Лахари Махасайя улыбаясь. — Меня там уже нет!“. Когда значение его слов дошло до моего сознания, у меня вырвалось восклицание, полное горечи: я решил, что передо мной только его видение. „Да ты дотронься ло меня. — откликнулся он. — Я жив, как и всегда“».

У Йогананды была подобная встреча с его учителем Шри Юктесваром. Великий гуру появился перед Йоганандой около трех часов дня 19 июня 1936 года, спустя три месяца после смерти. Взволнованный Йогананда тут же бросился к своему учителю и убедился в том, что обнимает физическое тело. «Да, это тело из плоти и крови. Для твоих глаз оно выглядит как физическое.

Я создал совершенно новое тело из космических атомов точно такое же, как то, которое предали погребению».*!

Шри Юктесвар говорил о мирах за чертой смерти^ «Существа с неисполненной земной кармой после смерти; не получают доступа к высшему средоточию причин, *те* каузальной сфере космических идей. Они должны по-1 ременно возвращаться в физический и астральный миры осознавая как свое физическое, так и астральное тело...»j В рассказе Шри Юктесвара было много параллелей с описанием Фредерика Майерса различных урней бытия: «Давним обитателям прекрасной астральной Вселенной, навсегда освободившимся от земных влечений, больше нет нужды возвращаться к грубым вибрациям земли. Этим существам необходимо исполнить только свою астральную и каузальную карму. В момент астральной смерти эти существа переходят в бесконечно более тонкий и изощренный каузальный мир. Сбрасывая мысленную форму каузального тела через какой-то период, определенный космическим законом, эти высшие существа рождаются вновь в новом астральном теле». После двухчасового разговора Шри Юктесвар сказал Йогананде: «Теперь я покидаю тебя, дорогой мой!» — и растаял в воздухе.

Тот же гуру явился одной старой женщине, которая жила неподалеку от его скита. Спустя почти две недели после его смерти она пришла в ашрам и сказала, что хочет видеть гуру. Когда ей сообщили, что он умер, она воскликнула в изумлении: «Не может быть! Ведь сегодня утром, в десять часов, он, как обычно, проходил мимо моей двери. Я вышла и поговорила с ним несколько минут среди бела дня».

Строгая честность и острая наблюдательность Йога-1 панды не позволили ему скрыть, что даже в такой великой душе, какой был Шри Юктесвар, этот подлинно чело- вечный учитель людей, существовал тот же страх перед смертью, то же животное нежелание расстаться с привы- * чным телесным домом, что свойственно и всем нам. | Перед тем как ему должен был исполниться 81 год, он : объявил, что вскоре умрет, и, казалось, был правда \ ненадолго явно расстроен. «На мгновение, — рассказывал 1 Йогананда, — он был охвачен дрожью, как перепуганный ребенок». Затем Йогананда припомнил слова другого великого гуру: «Привязанность к телесному вместилищу, зарождающаяся сама по себе, присуща в небольшой степени даже великим святым». Сам Шри Юктесвар сказал

том же самым такими словами: «Птица, долго прожившая в клетке, колеблется, перед тем как покинуть „ой привычный дом, когда перед ней открывают дверцу», т *т* Юктесвар быстро обрел свое равновесие и до самой смерти пребывал в состоянии блаженного мира. Во время одной из своих явлений после земной смерти великий гуру, появившись перед Йоганандой в номере отеля, сказал: «Нежеланная смерть, болезни, старческий возраст—все это проклятья земли, где человек позволил почти уравнивать свое сознание с хрупким и бранным физическим телом и не осознает себя без него. Его тело все время нуждается в воздухе, пище и сне, чтобы вообще как-то существовать. Астральный мир свободен от этих трех угроз»: Затем он заговорил о том, что Бетти Уайт называла *безграничной Вселенной*: «Мгновенно дематериализуясь, я теперь путешествую в световом экспрес-се... Разве можно сказать, что я умер?».

После того как познакомишься с подобным свидетельством — с одним из бесчисленных рассказов прошедшего через врата смерти, известных каждому поколению и поразительно схожих между собой, — обращаешься к другим источникам, к другим сообщениям о жизни *за* смертью с новой уверенностью и убежденностью. Поскольку я воспитан и обучен в христианской традиции, я, естественно, думаю прежде всего о сказанном Христом: «Вы будете со мной... Я иду приготовить место вам... Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас... В доме Отца Моего обителей много... Не касайтесь Меня, Я еще не вознесся... Великая пропасть пролегла меж ними». В этих и подобных им словах я прослеживаю сведения о структуре потусторонней жизни, такой, кахол я ее узнавал в течение тех дней, когда я пребывал вне своего тела; вот ее существенные моменты: астральное тело, сохранение человеком *по ту сторону* смерти памяти и своей идентичности, различные уровни сознания и развития, Доброе и участливое обращение с вновь прибывшими за черту земной жизни, движение к познаванию созидательно принципа и стремление к соучастию в творящем сознании, Вселенной, Бога.

Обозревая опыт соприкосновения человечества с «потусторонней» жизнью, с те.с пор как сведения об этом стали сохраняться, я был поражен постоянством всех сообщений как в отношении общих выводов, так и о самой структуре жизни *за* смертью. Разумеется, каждое поколение использовало при этом присущие ему образы,

идиомы и символы, так же как и каждая национальная или расовая группа использовала при этом формы своей культуры. Но главное и существенное во всем этом было всегда одно и то же. Когда Иисус говорит: «Обитателей много», — «Тибетская книга мертвых» говорит о «Западном царстве, называемом счастливым», о «Южном царстве, наделенном великолепием и славой», о «Восточном царстве превосходящего счастья», о «Срединном царстве плотно собранного», о «Первичном чистом свете». Майерс говорит о «семи ступенях», Бетти — о «том, что лежит дальше», Раймонд — о «тех, кто пробыл здесь дольше и знает больше». Знакомаясь с этими свидетельствами непосредственного опыта, нельзя не прийти к выводу, что речь здесь все время идет об одних и тех же энергиях и структурах. Эти формы, в чем я совершенно убежден, составляют суть самой природы, плана, цели и в конечном счете самого осуществления жизни *за* смертью — все более и более растущего, расширяющегося опыта осознания великолепия мироздания, духовной силы, совершенствования и радости.

Самые высокие умы, самые щедрые сердца, проницательнейшие интеллектуалы, благороднейшие души, занесенные в историю человечества, подтверждали, что жизнь после смерти продолжается, и намечали путь к ее познанию. Неужели же я должен дать сбить себя с этого пути предвзятому критиканству со стороны умов и душ, что на порядок ниже? Почти полвека моя работа была полностью открыта для ученых, и я лично знал многих и многих из них. И никогда не было больших ученых среди тех, кто отрицал продолжение жизни за порогом смерти. Да я сомневаюсь и в том, что не столько повизгивание ученых низшего эшелона, сколько усилия мелких деятелей от религии определили преобладающую сегодня нашу неспособность поверить в то, что было ясно продемонстрировано в проблеме жизни, продолжающейся *за* смертью. Слишком долго, в течение многих веков, дубиноголовые изуверы, ханжи с закишими душами и властолюбцы управляли своей паствой с помощью угроз наказания адом. Горизонты радости, свободы и безграничной Вселенной за чертой земной жизни были закрыты взору. Страх не притягивает — он отталкивает. Проповедь страха перед адом ничуть не меньше ответственна за общее неверие в продолжение нашей жизни, чем и все остальное. Кто захочет поверить в жизнь после смерти, если это нечто неприятное?

Иногда бывает даже трудно себе представить, до каких делов способны доходить и протестанты, и католики своих проповедях страха перед адским огнем. Недавно, * „рнмер, в одной католической церкви мне попался !екий памфлет для прихожан, где я обнаружил такие * „а: «Дитя, если ты попадешь в ад, то там рядом с -обой всегда будет дьявол, чтобы бить тебя. Он будет бить тебя всегда, каждую минуту непрерывно. От первого удара тело твое покроется нарывами и язвами, как У Иова. После второго тебе станет вдвое хуже, чем Иову. \ от третьего удара тебе будет в три раза хуже, чем Иову. Так каким тогда станет твое тело, если дьявол будет бить тебя сто миллионов лет без передышки? Спроси завтра в семь часов вечера, что там делается с таким плохим ребенком? Дьявол ответил: „Этот ребенок горит в огне“. Спроси опять через миллион лет, и получишь ответ: „Он горит“. И сколько бы ты ни спрашивал, всегда получишь один ответ: „Он все горит в аду!“».

Пртестантство ничуть в этом не уступит. На такой вымысел у него найдется свой. Вот что написано в книге протестантских проповедей: «Когда ты умрешь, только душа твоя будет испытывать мучения. Это будет адом для нее. Но в судный день душа твоя воссоединится с телом, и ты окажешься дважды в аду; душа твоя будет источать кровавый пот, а тело — мучиться смертными муками. В таком же пламени, как и у нас на земле, тело твое будет вечно гореть не сгорая, по всем твоим жилам вечно будет растекаться боль, и каждый твой нерв станет струной, на которой дьявол будет вечно играть свою мелодию невыразимой адской скорби».

Разве могут люди, постоянно подвергаемые подобным проявлениям садизма и мании величия, порожденных расстройствами и беспокойством больного ума, смотреть вперед, в будущую жизнь иначе, как с содроганием?

К счастью, достаточно много верующих не подвергается такого рода психопатологической обработке. И если они имеют лишь кое-какие смутные и боязливые представления о жизни в ином мире, то на это должны быть Другие причины. Эти причины, я думаю, можно легко отыскать в образе жизни, который мы ведем — или, как иногда кажется, насильно вынуждены вести. Ежедневное Добывание хлеба насущного, поддержание своего статуса в глазах окружающих, неизбежные рутинные заботы оставляют нам мало энергии для тех духовных усилий,

которые могли бы привести нас к стойкой уверенности в жизни, не имеющей конца, уходящей в счастливую бесконечность. Даже ребенок, услышавший от близких доброе и вдохновляющее наставление о будущей жизни в ином мире, скоро замечает, что сами родители в буднях мало обращают внимания на то, о чем они ему говорили, — они заняты другими делами и поглощены другими заботами. И только когда смерть приближается только когда смерть приходит, только тогда, когда удар скорби уже обрушился и наступает осознание утраты люди начинают понимать, что эти вещи значат много.'

В первой мировой войне я потерял брата. Я скорбел о нем. Но я был тогда молод. Шли годы, я терял других любимых и близких мне людей и испытывал скорбь. Добрую часть деятельности священника и занятий медиума составляет общение с людьми, убитыми горем. Меня нельзя назвать незнакомым к горю.

Само чувство тяжелой утраты — вещь сложная. Нельзя убитого горем человека утешить простым заверением в том, что его близкому, ушедшему в мир иной, хорошо. Умом-то он, может быть, и знает об этом. Вера в благословенные и светлые новые возможности потусторонней жизни могла бы стать одним из краеугольных камней при сложении человеческого характера, но человек и тогда мог бы испытывать приступы непереносимого, казалось бы, горя. Нам надо отделить, нейтрализовать другие элементы, образующие подобные агонии, переживание тяжелой утраты, для того чтобы знание о природе новой жизни на основе новой энергии могло оказывать свое врачующее и восстанавливающее силы действие.

Наша жизнь — такая, какой мы ее проживаем, — состоит главным образом из эмоциональных взаимоотношений между людьми — симпатий и антипатий, притяжения и отталкивания. И в этом смысле жизнь каждого из нас состоит из жизней других. Когда же жизнь одного из нас очевидным образом устраняется из земного бытия, вся сложно переплетенная сеть взаимной зависимости и связи оказывается измененной, следуют неизбежные болезненные изменения, и самые близкие к ушедшему люди затрагиваются его утратой больше всех. Если человек осознает узы, связывающие его с космической духовной жизнью, с грандиозными перспективами, это может ослабить его боль, но не убрать ее. В земной жизни наши духовные тела проходят своего рода инку-

бационный период, и наши земные, физические, тела обладают в ней своей немалой властью. Они имеют свои привычки, свои потребности, свои впечатления и стереотипы, свои пристрастия к привычным условиям и привязанности. Когда одна из этих цепочек в человеческом поведении должна быть существенно перестроена, мы неизбежно ощущаем боль.

Когда жизнь близкого человека обрывается для нас неожиданно и жестоко, это может привести в движение весь сложный комплекс глубоко скрываемых чувств, с которыми теперь придется справиться понесшему утрату. Эти чувства настолько обычны и распространены, насколько и сильны; поэтому они и оказались среди тех явлений, на которые Фрейд обратил свое пристальное внимание пионера науки. Помимо простого чувства печали об утрате Зигмунд Фрейд подчас отмечал здесь и действие сложной системы подавленности, потерю интереса к жизни, чувство наказанности или ожидание предстоящего наказания. Фрейд указывал, что с физической смертью человека его «отпечаток», его живое влияние могут не изглаживаться, а с годами усиливаться в памяти и внутренней жизни скорбящего. Напряжение между его «отсутствием» и «эмоциональным присутствием» должно быть признано. «Нормальный исход здесь, — писал Фрейд, — это когда уважение к реальности побеждает». Реальности, конечно, по природе духовны. Здравый ум человека при поддержке понимающих его и сочувствующих друзей постепенно осознает, что впечатления земной жизни тускнеют по мере того, как ему открывается правда о никогда не оканчивающемся продолжении человеческой жизни. Иногда, отмечает Фрейд, это происходит медленно: «Каждая частичка воспоминаний и надежд, связующих либидо и объект утраты, изживает себя... и отрыв... совершен...» Хотя процесс этот может быть и медленным, но он при том знании, о котором мы говорим, обязательно происходит.

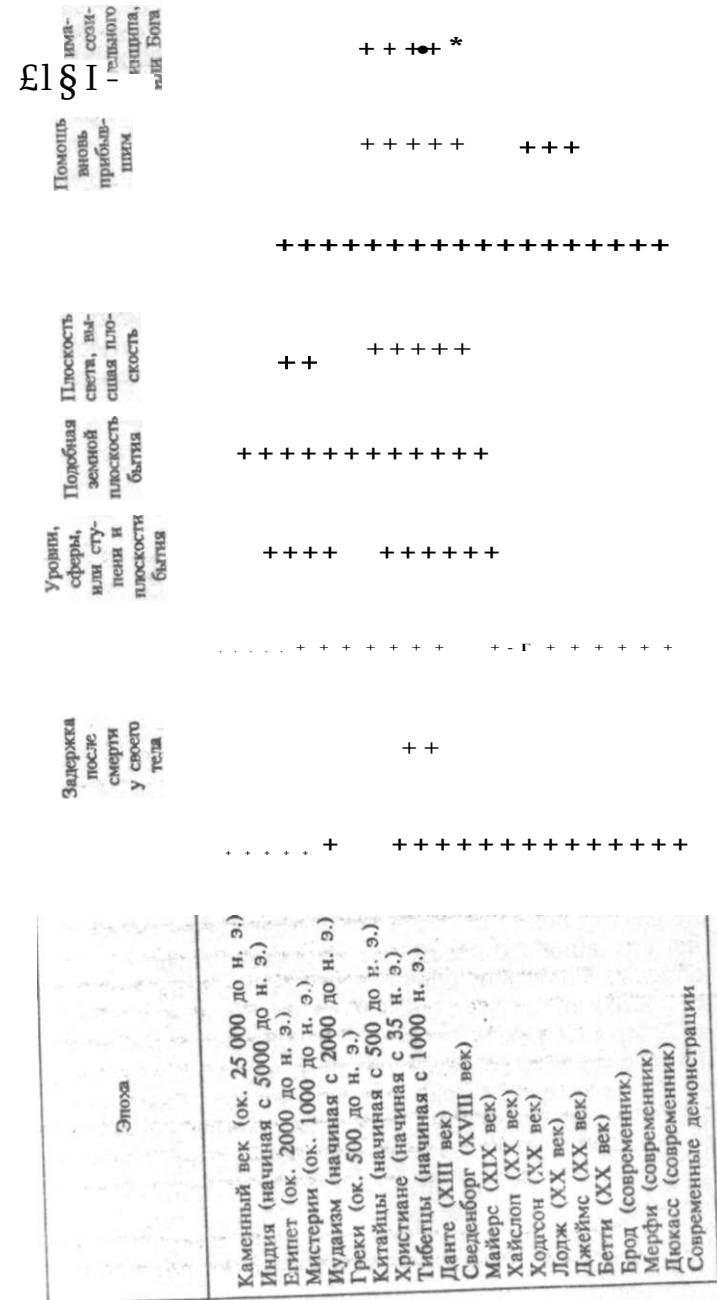
В 1944 году в журнале «Америкэн джорнэл оф сайкаетри» появилась статья Эриха Линдемманна, посвященная изучению состояния острого горя, которое пережили пострадавшие в знаменитом пожаре в Коконат Гроув в Бостоне. Линдемманн, установив общий характер их реакции на это несчастье, подтвердил изыскания Фрейда и сделал шаг вперед. Как оказалось, не только утрата, сопряженная с привязанностями, выражающимися в любви и симпатии, глубоко затрагивает скорбящего, но

утрата связей, выражающихся в чувствах ненависти а недовольства. В обоих случаях старые привычные формулы жизни, включавшие покойного человека, постепенно должны быть изжиты и приспособлены к новым условиям теми, кто остался на земле. Шаг за шагом эти перемены совершаются, и переживший тяжелую утрату человек иногда становится глубже, великодушнее и лучше, чем был прежде. Самое лучшее, что могут сделать при этом его друзья и советчики, — это создать вокруг него атмосферу дружбы и доброго эмоционального отношения, с тем чтобы со временем он сам смог справиться с горем и восстановить свою жизнь.

Конечно, случаются и специфические реакции, которые не следуют общей модели. Человек может попытаться забыть о своем горе в приступе лихорадочной активности. Или наоборот, вести себя противоположным образом и никак не высказывать своего горя до тех пор, пока позже, через какое-то время, не последует острый кризис. Но если человек, понесший утрату, не уклоняется от того, чтобы сполна пережить свою боль и полностью осознать значение своей утраты, если он призывает на помощь все свои силы, чтобы перестроить свое бытие, то у него вновь появляется вкус к жизни. Именно в такие периоды ясное представление о том, что наш земной мир — лишь первый из тех, в которых людям предстоит жить, и каждый следующий мир более высоко и тонко организован, чем предыдущий, может помочь человеку в его преображении после тяжелой утраты.

И наконец, разумеется, для всех нас остается проблема встречи со своей собственной смертью, реальности приближения собственной кончины. В моей жизни смерть не раз стучалась в мою дверь — было немало действительно угрожающих несчастных случаев, острых приступов опасных болезней, кризисных состояний из-за моих собственных неразумных пристрастий. Во всех этих случаях мне просто повезло, и я выкарабкался, но, как это с нами бывает, если беду пронесло, мы обо всем забываем.

Я начал работу над этой книгой, ясно осознавая, что она будет для меня последней. У меня было уже столько осложнений с сердцем на протяжении многих лет, что я должен быть исключительным глупцом, чтобы не понимать: скоро наступит и последнее «осложнение». Я бы хотел, чтобы мне удалось быть более сносным пациентом. Мне не хотелось бы стать брюзжащим трудным больным и быть кому-нибудь обузой. Я решительно,

до стзращения не люблю быть больным. А готов ли умереть? Это уже другое. Однажды я уже умирал, и дало мне одно из самых больших, волнующих и памят впечатлений всей моей жизни. Я не вижу причины, по которой реальная смерть может охазаться хуже этого; испытания. Знаю, что там, куда мы все уйдем, нас ожидают великие перспективы. Надеюсь, что, когда придет мое время, я успею завершить свою земную работу и выполнить задачу, предназначенную мне в этой, жизни: использовать все таланты и способности, данные, мне без всякой моей заслуги, чтобы помочь навсегда устранить из разума людей страх перед смертью и слегка приподнять занавес над тем, что лежит за чертой земной жизни.

Реймонд Муди

Ж И З Н Ь ПОСЛЕ ЖИЗНИ